

ЎЗБЕКИСТОН ЎРТА АСРЛАРДА: ТАРИХ ВА МАДАНИЯТ

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
INSTITUT FRANÇAIS D'ETUDES SUR L'ASIE CENTRALE
[IFEAC]

**УЗБЕКИСТАН В СРЕДНИЕ ВЕКА:
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА**

Посвящается 80-летию доктора исторических наук,
профессора Розии Галиевны Мукминовой

(Доклады международной конференции)

Ташкент – 2003

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
ТАРИХ ИНСТИТУТИ
INSTITUT FRANÇAIS D'ETUDES SUR L'ASIE CENTRALE
[IFEAC]

**ЎЗБЕКИСТОН ЎРТА АСРЛАРДА:
ТАРИХ ВА МАДАНИЯТ**

Тарих фанлари доктори,
профессор Розия Галиевна Мукминованинг
80-йиллик юбилейига бағишиланади

(Халқаро анжуман маърузалари)

Маъсул мұҳаррирлар:

Алимова Д.А. – тарих фанлари доктори, профессор
Ртвеладзе Э.В. – тарих фанлари доктори, академик

Иичи гуруҳи:

Каримов Э.Э. – тарих фанлари доктори (раҳбар)

Агзамова Г.А. – тарих фанлари доктори

Абдурасолов У.

Джабарова Х.

Гущина О. – оператор

МУНДАРИЖА

МУКМИНОВА РОЗИЯ ГАЛИЕВНА	9
БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ РАБОТ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА МУКМИНОВОЙ РОЗИИ ГАЛИЕВНЫ	15
McChesney R.D. A LITTLE-KNOWN PERSIAN HISTORY OF AFGHANISTAN: THE AMAN AL-TAWARIKH	34
Paul J. HEIRS OF THE MALAMATIYA?.....	41
Poujol C. UNE NOUVELLE SOURCE DOCUMENTAIRE SUR L'ASIE CENTRALE À LA FIN DU XIXÈ SIÈCLE: LE VOYAGE EN ASIE CENTRALE, PARIS-SAMARKAND, 1888, PAR RENÉ KOECHLIN	48
Isenbike Togan POLITICAL, CULTURAL AND ECONOMIC RELATIONS BETWEEN CENTRAL ASIA AND TURKEY IN THE PERIOD OF TEMЬR	53
Абиджанова Д.С. ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА В МАВЕРАУННАХРЕ В КОНЦЕ XIV – НАЧАЛЕ XV ВЕКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	60
Абусеитова М.Х., Тулибаева Ж.М. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XIV-XVII ВВ.....	69
Агзамова Г.А. ҮРТА ОСИЁ ХОНЛИКЛАРИ: ПОЙТАХТ ШАҲАРЛАР ТАРИХИГА ОИД АЙРИМ МАЪЛУМОТЛАР	77
Бабаджанов Б.М. ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО "СВЯТОГО СЕМЕЙСТВА" СРЕДНЕВЕКОВОЙ БУХАРЫ (родословная и родственные связи Джуйбаридов).....	86
Буряков Ю.Ф. ШАХРУХИЯ – КРУПНЫЙ ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННЫЙ ЦЕНТР СРЕДНЕВЕКОВОГО МАВЕРАННАХРА (по археологическим источникам).....	99
Джураева Г. ИМЕННИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ БУХАРЫ ...	106

Исмаилова Э.М.	
К ПРОБЛЕМЕ "ИДЕАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЯ" В МИНИАТЮРЕ МАВЕРАННАХРА И СРЕДНЕГО ВОСТОКА	115
Камолиддин Ш.С.	
К БИОГРАФИИ ИБН АН-НАДИМА	123
Каримов Э.Э., Абдурасулов У.А.	
ХАНСКИЕ ЯРЛЫКИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ХИВИНСКОГО ХАНСТВА.....	133
Отахўжаев А.	
ЎЗБЕК ДАВЛАТЧИЛИГИ ТАРИХИДА СУФД-ТУРК МУНОСАБАТЛАРИ ИЛДИЗЛАРИ.....	138
Пугаченкова Г.А.	
БУХАРСКИЕ ХАНАКА	144
Ртвеладзе Э.В.	
МЕДНЫЙ ПРЕДМЕТ С ИМЕНЕМ АМИРА АБИ МАНСУРА НАСРА Б. АХМАДА	148
Урунбаев А.	
ПИСЬМА АВТОГРАФЫ ХАДЖИ АХРАРА, КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МАВЕРАННАХРА И ХОРАСАНА XV ВЕКА	151
Фрагнер Б.Г.	
ОБЩИЕ СТРУКТУРЫ И ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ИРАНА С XIII ПО XIX ВЕК: МАКРОИСТОРИЧЕСКИЕ РАМКИ ДЛЯ СИНЭРГЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	157
Фурньё В.	
СЕМИРЕЧЬЕ И ТРАНСОКСИАНА (МАВЕРАННАХР): ИХ СВЯЗИ В ИСТОРИИ ТЮРКИЗАЦИЙ И СЕДЕНТЕРИЗАЦИЙ НИЖНЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	167
Хўжаев А.	
ҚАДИМИЙ ХИТОЙ МАНБАЛАРИДАГИ ТУРКИЙ ХАЛҚЛАРГА ОИД АЙРИМ ЭТНОНИМЛАР	176
Юсупова Д.Ю.	
"МА'АСИР АЛ-МУЛУК" ХОНДАМИРА – ИСТОЧНИК О ДЕЯНИЯХ ГОСУДАРЕЙ ЭПОХИ ТЕМУРА И ТЕМУРИДОВ	184

МУКМИНОВА РОЗИЯ ГАЛИЕВНА

Таникли тарихчи олима Мукминова Розия Галиевна 1922 йилнинг 31 декабрида таваллуд топди. 1939 йили ўрта таълим мактабини аъло тутатган Р.Г. Мукминова Ўрта Осиё Давлат Университетининг тарих факультетига қабул килинди. Ушбу олий даргоҳда ёш талаба тарихнинг узоқ ва яқин даврлари, мураккаб ва жозибали қирралари билан илк бор муфассал танишади. Университетда таҳсил олиш жараёнида у Иккинчи жаҳон уруши йилларида Тошкентга эвакуация килинган С.В. Бахрушин, В.И. Беляев, Б.Д. Греков, М.В. Нечкина, И.П. Петрушевский, Е.М. Пещерова, А.Ю. Якубовский ҳамда М.С. Андреев, Я.Ф. Гуломов, А.А. Семенов каби кўплаб машҳур олимларнинг мазмундор лекцияларини тинглаш баҳтига сазовор бўлади. Талабалик йилларида барча ўқув предметларини аълого ўзлаштириб борган Р.Г. Мукминова 1944 йилда ушбу факультетни имтиёзли диплом билан тамомлайди ва унга тарих факультетида дарс берган кўплаб малакали олимларнинг тавсияси билан аспирантурага ҳам йўлланма берилади. Шундай қилиб, у Ўзбекистон Фанлар Академиясининг янги ташкил этилган Тарих институтининг дастлабки аспирантларидан бири бўлди.

Мазкур даврда қўхна Ўрта Осиё тарихини янада чукур ва атрофлича ўрганиш тарих фанининг мухим ва долзарб масалаларидан бири бўлиб туарар эди. Бу эса ўз навбатида Ўрта Осиё тарихи бўйича етук мутахассис кадрлар тайёрлашни тақозо этди. Ана шу эҳтиёждан келиб чиққан ҳолда Р.Г. Мукминова – шарқшунослик илмининг йирик маркази – Ленинградга (Санкт-Петербург) жўнатилди. Бу ерда у ўрта аср жамияти тарихининг йирик билимдони И.П. Петрушевский раҳбарлиги остида илмий тадқиқот ишларини олиб боради ва айни пайтда улкан шарқшунос олимларнинг илфор тажрибаларини ўзлаштиради.

Ёш тадқиқотчи 1949 й. СССР Фанлар Академиясининг Шарқшунослик институтида (Ленинград) "Мовароуннаҳр учун Темурийлар ва Шайбонийлар ўртасидаги кураш" мавзусида номзодлик диссертациясини муваффакиятли ҳимоя қиласи. Расмий оппонентлар – А.Ю. Якубовский ва Н.Д. Миклухо-Маклайлар олиманинг тадқиқотини юқори баҳоладилар, хусусан, илмий ишда форс-тожик тилидаги манбалардан ташқари эски ўзбек тилидаги манбалардан ҳам фойдалинганлигини қайд этиб ўтадилар. Бу манбалар илгари тадқиқотга кам жалб этилган эди. А.Ю. Якубовский шундай ёзади:

"Хозирги даврга қадар, ушбу мавзу ҳеч ким томонидан бундай кенг ва атрофлича ёритилмаган".

Ўз даврининг бу иирик олимлари томонидан Р.Г. Мукминова ишига берилган юқори баҳо ва Ўрта Осиё тарихининг иирик билимдони Я.Ф. Фуломовнинг маслаҳатлари олимани ўрта аср ёзма манбаларини ҳар томонлама ўрганишга рағбатлантириди. "Игна билан қудук қазишга" киёс бу иш жараёнида олима ўрта аср жамиятининг катта қатлами бўлган хунармандларнинг ҳаёти ва фаолиятига оид конкрет материалларни тўплашга муваффак бўлди ҳамда уларни танқидий ўрганиш асосида "Самарқанд ва Бухоронинг XVI аср хунармандчилиги" мавзусида докторлик диссертациясини ёзди. Бу иш олима томонидан 1972 й. Ўзбекистон Фанлар Академиясининг Кўшма Илмий Советида муваффакиятли равища ҳимоя этилди. Кейинги йиллар давомида олима ўзининг бор илми ва кучини Ўзбекистон тарихининг ўрганилмаган саҳифаларини тадқиқ этишга сарф қилди. Ўз илмий фаолиятини Ўзбекистон ФА Тарих институтида кичик илмий ходимликдан бошлаган олима, кейинчалик шу илм даргоҳида катта илмий ходим, бўлим бошлиғи, илмий-тадқиқот гуруҳининг бошлиғи бўлиб ишлади. Мазкур йилларда Р.Г. Мукминова ўз дикқат эътиборини Ўзбекистон тарихининг кўплаб муаммоли ва долзарб масалаларига қаратди.

Ўрта асрлар тарихининг иирик билимдони профессор Розия Галиевна Мукминова турли йўналишларда илмий изланишлар олиб борди. Машхур тарихчи, академик Я.Ф. Фуломов раҳбарлиги остида илмий-тадқиқот ишларини олиб борган бўлимда иш бошлаган олима Ўзбекистон тарихининг яхши ёритилмаган сиёсий, ижтимоий, қисман, этник тарихи масалаларини тадқиқ этишга қаратди, ёзма манбаларни атрофлича ўрганиш натижасида ўрта аср жамиятини даврлаштиришга оид баъзи тузатишларни киритишга муваффак бўлди. Баъзи тарихий терминлар – тийул, суюрғол, тагжой, тамға, бож, роҳдари ва бошқалар, ижарадорлик шакллари, аҳолининг ижтимоий категориялари (чухра ва бошқалар) каби масалаларга Р.Г. Мукминова томонидан аниқлик киритилди.

Олима томонидан ўз илмий тавсифини топган масалалардан бири – аграр муносабатлар тарихидир. 1966 й. олиманинг "XVI аср Ўзбекистон аграр муносабатлар тарихидан, "Вақф-нома" материаллари асосида" номли монографияси босмадан чиқди. Унда тадқиқотчи вақф институтининг характерли хусусиятлари, вақф хўжалигининг аста-секин, айниқса, Шайбонийлар ва Аштархонийлар даврида, ўсиб боришини хужжатли далиллар асосида исботглаб бера олишга муваффак бўлган. Шунингдек, тарихчи ўрганилаётган

даврда катта мавқега эга бўлган шахслар томонидан вакф ерларининг шариатга хилоф равишида қўлга киритилиши ҳолларини кўрсатиб берган. Асарда, Мехр Султон хоним мисолида вакф хўжалиги ва уларни таъсис этишдаги аёлларнинг роли масалаларига алоҳида тўхталиб ўтилади. Хусусан, ер ва бошқа моддий бойликларни вакфга инъом этган, ўзи вакф таъсис этиш жараёнида қатнашган ва шу хўжаликнинг мутаваллийлигини ўз зиммасига олган, Захиридин Мұхаммад Бобурнинг Ҳиндистон саройига эчилар юборган Мехр Султон хоним ва қўлёзма манбаларда кам учрайдиган бошқа шунга ўхшашиб мисоллар орқали юкори табақали аёлларнинг жамиятнинг нафақат иқтисодий, балки сиёсий ҳаётида ҳам фаол иштирок этганилиги кўрсатиб берилади.

Р.Г. Мукминованинг илмий фаолиятида катта ўрин туттган муаммолардан бири – Ўзбекистон шаҳарлари тарихидир. Олим аёзма манбаларни, шунингдек, археологик ва этнографик материалларни, музей экспонатларини тадқиқ этиш асосида Ўрта Осиёning машҳур савдо-иктисодий ва маданий марказлари бўлмиш Самарқанд, Бухоро, Тошкент каби шаҳарлар тарихини ўрганиш ишига катта хисса қўшди.

Тадқиқотчи илмий жамоатчилик илиқ кутиб олган "Самарқанд тарихи" (1969 й.), "Бухоро тарихи" (1976 й.), "Тошкент тарихи" (1988 й.) каби асарларнинг асосий муаллифлари сафидан ўрин олди. Ушбу асарларда олма томонидан ёзилган қисмларда ўрта аср Ўзбекистон шаҳарларининг роли, улардаги иқтисод ва ижтимоий-сиёсий ҳаёт каби асосий масалалар ёритиб берилди. Шунингдек, 1984 йилда олиманинг "Тўрт аср олдинги Тошкент" асари нашрдан чиқди.

Кейинги йилларда олиманинг ўрта аср Ўзбекистон шаҳарларининг алоҳида муаммолари – хунармандчилик ва савдо, бозорлар ва уларнинг нафақат иқтисодий, балки маданий ҳаётдаги роли, бозорларнинг турлари ва уларга хос хусусиятлар, савдо иншоотлари ва уларнинг хилма-хиллиги, янги савдо-хунармандчилик иншоотлари курилишлари, майдада ишлаб чиқарувчилар ва улар ишлаб чиқарган маҳсулотнинг реализацияси, маҳаллий ва транзит савдо масалаларини ёритиб беришга қаратилган бир қатор мақолалари эълон қилинди.

Ўрта асрлар давомида Ўрта Осиё шаҳарларида яратилган кўпгина маҳсулотлар унинг ташқарисида ҳам машҳур эди. Айниска, Самарқанд ва Бухоро хунармандлари яратган маҳсулотларига эҳтиёж катта эди. Бу борада ҳам Р.Г. Мукминова катта изланишлар олиб борди. 1976 йилда тарихчи олиманинг ўрта аср жамияти ҳаётида катта ўрин туттган хунармандчилик билан боғлиқ муаммоларни тадқиқ этишга қаратилган "XVI аср Самарқанд ва

Бухоронинг хунармандчилиги тарихидан лавҳалар" асари илмий жамоатчилик эътиборига ҳавола қилинди. Китобда Самарқанд ва Бухоронинг ўрта аср иқтисодий ҳаёти, унда хунармандчилликнинг тутган ўрни, асосий турлари, хунармандларнинг ижтимоий-иктисодий ахволи, маҳсулот турлари, уларга ишлатилган хомашёлар ва бошқа бир қатор масалалар ўз илмий талкинини топган. Бу асарга илмий жамоатчилик юқори баҳо берди, жумладан, машхур шарқшунос олима К.З. Ашрафян уни тарих фанига кўшилган муҳим ҳисса сифатида таърифлаб: "Бу китоб ўрта аср шаҳари ҳақидаги бизнинг тасаввурларимизни бойитибгина қолмай, балки Шарқ мамлакатлари иқтисодий ва ижтимоий тарихи бўйича келгуси конкрет тадқиқотлар йўлларини кўрсатиб беради", – деб таъкидлаб ўтади.¹ Олиманинг ўрта аср шаҳарлари тарихини ўрганишга доир изланишларининг давоми натижасида 1985 й. "XV-XVI аср Ўзбекистон шаҳарлари аҳолисининг дифференциацияси" асари босмадан чиқди. Асарда тарихчи Ўзбекистон шаҳарлари аҳолисининг турли категориялари – ҳукмдорлар, хунармандлар, савдо ахли, шаҳар камбағаллари ва бошқа катламларни ахратиб кўрсатар экан, уларга хос хусусиятларни фактик материаллар асосида очиб беради. Олима нафақат шаҳар ахлининг асосий хусусиятлари, категориялари, балки уларнинг ҳар бирига хос ички ижтимоий табақаланишини кўрсатиб беради. Асарда Ўзбекистоннинг турли шаҳарларига оид материаллар асосида шаҳар ахлининг ижтимоий табақаланишидаги умумий ва баъзи хусусий холатлар кўрсатиб ўтилади.

Асарда, айниқса, хунармандлар ва савдо ахлининг жамият иқтисодий ҳаётидаги фойдали фаолиятини ёритишга катта эътибор қаратилган. Ушбу китобни япон олими Хисао Комацу Ўрта Осиё шаҳарлари аҳолисининг тарихий ахволини тўлиқ очиб берган асарлардан биринчиси, – деб баҳолайди. Шунингдек, япон тадқиқотчиси олиманинг номи юқорида зикр этилган "XVI аср Самарқанд ва Бухоро хунармандчилиги тарихидан лавҳалар" асарини ҳам юқори баҳолаб, уни ушбу соҳадаги энг машхур китоб, деб кўрсатади.²

Илмий кизиқиши доираси кенг, серкирра олима сифатида Р.Г. Мукминова ўрта аср жамиятининг бошқа бир қатор масалала-

¹ Ашрафян К.З. Рецензия на кн.: Мукминова Р.Г. "Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре". Ташкент, Фан, 1976 // ОНУ, 1987, № 1, с. 62.

² Komazu H. Central Asia// Historical survey of Islamik urban studies. Printed in Japan. 1991, p. 292.

рига оид тадқиқотлар яратди. Шаҳар ва қишлоқ аҳолисининг ўзаро муносабатлари, Ўрта Осиё ўтрок халқининг Дашти Кипчок, Хитой, Хиндистон, Кўхна Булғор, Волга бўйи, Россия, Туркия ва Эрон билан алоқалари, шунингдек, руҳонийлар ва уларнинг ўрта аср жамиятида тутган ўрнига бағишланган қатор ва қатор маколалари шулар жумласидандир.

Олима "Ўзбекистон тарихи" кўп томликларининг муаллифларидан бири ҳамdir. 1955 й. босмадан чикқан "Ўзбекистон халқлари тарихи"нинг (1 жилд, 1 китоб) асосий муаллифлари фундаментал асарни нашрга тайёрлашда бошқа олимлар қаторида Р.Г. Мукминованинг ҳам тадқиқотлари материалларидан фойдаландилар. 1967 й. нашрдан чикқан тўрт жилдлик "Ўзбекистон ССР тарихи" нинг дастлабки жилди муаллифлари қаторида Р.Г. Мукминова ҳам бор эди. Давр талаблари ва тарих соҳасида қўлга киритилган янгиликлар Ўзбекистон халқларининг муфассал тарихини янгитдан ёзиши кун тартибиغا кўйди. 1987 й. дан бошлаб бу борада авж олдириб юборилган ишларда Р.Г. Мукминова ҳам фаол иштирок этди. 1993 й. босмадан чикқан "Ўзбекистон тарихи" (III жилд)нинг асосий муаллифларидан бири ва унинг масъул мухаррири бўлди.

Ўзбекистон мустақилликка эришгандан сўнг тарих фанида туб ўзгаришлар юз берди. Олима мазкур жараёнда фаол иштирок этиб, ҳакқоний тарихни тиклашга, тарихимизнинг ўрганилмаган саҳифаларини тадқиқ этишга ўз ҳиссасини кўшди. Мазкур даврда Р.Г. Мукминова "Темур ва Улуғбек даври тарихи" (1996 й.), "Амир Темур" (2000 й.), "Амир Темур жаҳон тарихида" (1996 й. рус ва инглиз тилиларида ҳам), "Ўзбекистон давлатчилиги тарихи очерклири" (2002 й.), "Очерки истории государственности Узбекистана" (2002 й.), "Марқазий Осиё цивилизациялари тарихи" (ЮНЕСКО нашри, IV жилд, 1998 й., V жилд, 2002 й.) каби фундаментал тадқиқотларни яратища қатнашди. 2002 йилда олиманинг М.И. Филанович билан биргаликдаги "Ташкент на перекрестке истории (Очерки древней к среневековой истории города)" рисоласи нашр этилди.

Р.Г. Мукминова кўпгина илмий анжуманлар қатнашчисидир. Уларда тарихчи ўрта аср жамияти генезиси, товар – пул муносабатлари, иқтисодий ҳаётда капитализм элементларининг туғилиши, номаълум ва кам маълум бўлган манбалар тавсифи, турли терминлар мазмуни ва ҳ.к. га оид илмий маъruzалар қилди. Шу билан бир қаторда олима аграр масалалар тарихига бағишланган ва бошқа кўпгина тарихчи ва шарқшуносларнинг конференциялари ва симпозиумларида (Ашхабод, Батуми, Бишкек, Боку, Душанбе,

Кутаиси, Санкт-Петербург, Махачкала, Минск, Москва, Олма-Ота) фаол иштирок этган. Шунингдек, у Тюркология конференцияларининг (Ашхабод, Бишкек, Қозон) иштирокчиси ҳамdir.

Ўзининг салмоқли илмий тадқиқотлари билан Р.Г. Мукминова республика ташқарисида ҳам илмий жамоатчиликнинг эътиборига сазовор бўлди, унинг илмий асарлари чет эллик олимларга ҳам матьлумдир. Улар ўз асарларида олима илмий ишларига тез-тез му-рожаат этадилар. У Канада (Торонто, 1989 й.), Германия (Бамберг, 1991 й.), Франция (Страсбург, 1987 й.), Туркия (Анқара, 1997 й.), АҚШ (Лос-Анжелес-Калифорния, 1998 й.; Медисон-Висконсин, 1998 й.), Австрия (Вена, 2000 й.), Эрон (Техрон, 2001 й.) да ўтка-зилган халқaro конференциялар иштирокчиси ҳамdir. Бу конфе-ренцияларда қилган маъruzalariда ва Париж Чет тиллар институти, АҚШдаги Висконсин Университети, Япониядаги Токио ва Киото университети ўқитувчи ва талабаларга ўқиган маъruzalariда олима ўрта асрлар тарихини ўрганиш бўйича республикада қўлга кирити-лаётган ютуқларни, ўзбек халқининг бой тарихини тарғиб қилди.

Олима Республика олий мактаблари билан ҳамкорликда иш олиб бормокда. У бир неча йиллар давомида Шарқшунослик институтида, Ўзбекистон Миллий Университети тарих факультетида талабаларга ва шу Университет қошидаги ўқитувчилар малакасини ошириш инсти-тутида ўрта асрлар Ўзбекистон тарихидан дарс берди. Ҳозирда ҳам у Ўзбекистон Миллий Университети тарих факультети, Тошкент Давлат Педагогика Университети магистрларига маъруза ўқимокда.

Р.Г. Мукминова бир неча йиллардан бўён Ўзбекистон ФА Та-рих институти ва Шарқшунослик институтлари қошларидаги док-торлик диссертацияларини ҳимоя қилишга Ихтисослашган кен-гашларининг аъзосидир ва улар ишида фаол иштирок этади. Шу-нингдек, олима тарихий тадқиқотларни мувофиқлаштирувчи Респу-блика кенгаши ҳамда "Ўзбекистон тарихи" журналининг таҳrir ҳайъати аъзоси ҳамdir.

Тарихчи Р.Г. Мукминова ўз илмий мактабини яратди. Унинг раҳбарлиги остида кўплаб шогирдлар тайёрланди. Ҳозирда ҳам олима раҳбарлиги остида бир қанча докторантлар, аспирантлар ва тадқиқотчилар изланиш олиб бормоқдалар. Улар орасида чет эл-лик стажёrlар ҳам бор.

Бугунги кунда ҳам олима ҳамон изланишда. У йиллар давомида тўпланган билим ва малакасини тарих фани ривожига сарфлагани, орттирган тажриба ва кўникмаларини ёш олимлар билан ўртоқлашгани ҳолда янги авлод тарихчиларининг мураббийси ва устози сифатида фаолият кўрсатмоқда.

**Библиография научных работ доктора исторических наук,
профессора Мукминовой Розии Галиевны**

1949

1. Борьба за Мавераннахр между Тимуридами и Шейбанидами (К истории образования узбекского государства Шейбанидов). – Л., 1949. – 15 с.

1950

2. Народные движения в Узбекистане. // Известия АН УзССР. – 1950. – № 1. – С. 10-14.

1954

3. О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в. // Труды Института востоковедения. – Вып. III. – Т., 1954. – С. 119-137.
4. К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в. // Известия АН УзССР. – 1954. – № 1. – С. 70-81.
5. Иванов. Хозяйство джайбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI-XVII вв. – М.-Л.: Изд. АН СССР. 1954. Рецензия. // Вопросы истории. – 1954. – № 11. – С. 134-137.

1955

6. Материалы по истории Узбекистана конца XV-XVI вв. // История Узбекской ССР. – Т. I. – Книга 1. – Т., 1955. (см. С. VII).

1957

7. Некоторые данные о вакфной грамоте в пользу двух медресе Мухаммеда Шейбани-хана. // Известия АН УзССР. – СОН. – 1957. – № 3. -С. 17-21.

1959

8. О книге П.П. Иванова «Очерки по истории Средней Азии XVI – середины XIX вв.». Рецензия (в соавт. с О.Д. Чехович). // Известия АН УзССР. – СОН. – 1959. – № 4. – С. 70-73.

1960

9. Из истории вакфного землевладения в Средней Азии в XVI в. // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И.А. Орбели. – М. – Л., 1960. – С. 215-218.

10. Некоторые данные о термине «чухра» (по среднеазиатским источникам XVI в.). // Памяти Михаила Степановича Андреева. – Сталинабад, 1960. – С. 139-145.

1964

11. К истории производства самаркандской бумаги в XVI в. // История материальной культуры Узбекистана. – Вып. 5. – Т., 1964. – С. 155-160.

1966

12. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам “Вакф-наме”. – Т., 1966. – 354 с.

1967

13. Политическое и экономическое положение Мавераннахра в XVI в. // История Узбекской ССР. – Т. I. – Т., 1967. – С. 509-549. (гл. XIII).

14. Завоевание Средней Азии войсками Шейбани-хана. Политические события в государстве Шейбанидов. // История Узбекской ССР. – Т. I. – Т., 1967. – С. 509-521. (гл. XIII).

15. Социально-экономические отношения в государстве Шейбанидов. // История Узбекской ССР. – Т. I. – Т., 1967. – С. 521-539. (гл. XIII).

16. Культура в XVI в. // История Узбекской ССР. – Т. I. – Т., 1967. – С. 539-549. (гл. XIII).

1969

17. Ремесленное производство как основа развития города Самарканда в конце XV-XVI вв. // Объединенная научная сессия, посвященная 250-летию Самарканда. – Тезисы докладов. – Т., 1969. – С. 30-32.

18. Ремесло и торговля в Самарканде конца XIV-XV вв. // История Самарканда. – Т. I. – Т., 1969. – С. 195-212.

19. Шейбаниды в Самарканде. Ремесло и торговля в XVI в. // История Самарканда. – Т. I. – Т., 1969. – С. 255-261, 266-281.

20. Несколько слов о терминах «тамга» и «бадж». // ОНУ. – 1969. – № 11. – С. 65-69.

1970

21. К характеристике самаркандских тканей конца XV-XVI вв. // ОНУ. – 1970. – № 9. – С. 100-102.

22. К изучению среднеазиатских терминов «тагджа», «сукнийат», «ички». // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. – Ежегодник. 1968. – М., 1970. – С. 127-134.

1971

23. Хунармандчилик ва савдо (XIV аср охири – XV асрлар). // Самарқанд тарихи. – 1 жилд. – Т., 1971. – Б. 197-216.
24. Шайбонийлар Самарқандда. XVI асрда хунармандчилик ва савдо. // Самарқанд тарихи. – 1 жилд. – Т., 1971. – Б. 257-262, 268-284.

1972

25. Подготовка специалистов – ремесленников в Самарканде XVI в. // ОНУ. – 1972. – № 10. – С. 47-50.
26. Ремесло в Самарканде и Бухаре XVI в. – Т., 1972. – 38 с.

1973

27. Ремесленные корпорации и ученичество (по среднеазиатским источникам XVI и XIX вв.). // Материалы по истории Узбекистана. – Т., 1973. – С. 15-23.
28. Ўзбекистоннинг ўрта аср шаҳарлари тарихидан лавхалар. – Т., 1973. – 26 б.

1974

29. Термин «кархана»: значение в XIII-XIV и XV-XVI вв. // Бартольдовские чтения. – Тезисы докладов. – М., 1974. – С. 41-43.
30. Шаҳарлар ва замонлар. // Фан ва турмуш. – 1974. – № 8. – Б. 27-31.

1976

31. К характеристике товарно-денежных отношений в Средней Азии в конце XV-XVI вв. (Ремесло и торговля в Бухаре и Самарканде). // Бартольдовские чтения. – Тезисы докладов. – М., 1976. – С. 65-67.
32. Бухара в XVI-XVII вв. // История Бухары. – Т., 1976. – С. 109-119.
33. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. – Т., 1976. – 234 с.

34. «Бартольдовские чтения» 1976 года (в соавт. с Ю.Ф. Буряковым, Т.Х. Ташибаевой). // ОНУ. – 1976. – № 8. – С. 63-65.

1978

35. Тийул. // Ўзбек Совет Энциклопедияси. – XI жилд. – Т., 1978. – Б. 94.
36. Скупщики сырья в Средней Азии XVI в. // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов. – М., 1978. – С. 43-44.
37. Тамга. // Ўзбек Совет Энциклопедияси. – X жилд. – Т., 1978. – Б. 536.

1979

38. К характеристике феодального института «тиул» в Средней Азии. // Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. – М., 1979. – С. 121-126.
39. Костюм народов Средней Азии (по письменным источникам XVI-XVII вв.). // Костюм народов Средней Азии. – М., 1979. – С. 70-77.

1980

40. К истории ремесленных мастерских – кархана XVI в. Чугунолитейная мастерская в Самаркандской области. // Средневековый Восток. История, культура и источниковедение. – М., 1980. – С. 190-196.
41. Скупщики товаров и поставщики сырья в Средней Азии XVI в. // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. – М., 1980. – С. 154-161.

1981

42. Из истории позднесредневекового Ташкента. // ОНУ. – 1981. – № 11. – С. 30-44.
43. Новый источник по социально-экономической истории средназиатского города XVI в. // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов. – М., 1981. – С. 61-63.
44. «Бартольдовские чтения» 1981 года. // ОНУ. – 1981. – № 5. – С. 51-52.

1982

45. Духовенство и вакфы в Средней Азии. // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов. – М., 1982. – С. 44-46.

46. Ёдномадан тикланган тарих. // Фан ва турмуш. – 1982. – № 8. – Б. 8-9.

1983

47. Из истории культурной жизни Ташкента конца XV-XVI века. // ОНУ. – 1983. – № 9. – С. 26-30.
48. Ўрта аср лавхалари. // Фан ва турмуш. – 1983. – № 9. – Б. 6-7.
49. Статьи в энциклопедии «Ташкент». – Т., 1983 (Отмечено в списке основных авторов).

1984

50. Положение крестьян на вакфных землях (Средняя Азия XVI-XVII вв.). // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). – Уфа, 1984. – С. 484-488.
51. Еще раз об авторе «Таварих-и гузиде-йи Нусрат-наме». // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов. – М., 1984. – С. 65-67.
52. Роль государства в развитии производительных сил и взаимосвязи оседлого и кочевого населения (Узбекистан конца XV-XVII вв.). // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. – М., 1984. – С. 236-239.
53. Тўрт аср олдинги Тошкент. – Т., 1984. – 48 б.
54. Неисследованный документ по социально-экономической истории средневекового города. // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. – М., 1984. – С. 152-160.

1985

55. Взаимоотношения оседлого населения Мавераннахра с жителями кочевых степей (XVI в.). // Вопросы советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщений. – Ашхабад, 1985. – С. 290-292. (в соавт. с Б.А. Ахмедовым).
56. Среднеазиатские документы об ученичестве. // Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников. Всесоюзная научная сессия 17-19 октября 1985 г. в г. Батуми. Тезисы докладов. – Тбилиси, 1985. – С. 77-78.

57. Социальная дифференциация населения городов Узбекистана в XV-XVI вв. – Т., 1985. – 137 с.
58. Духовенство и вакфы в Средней Азии XVI в. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. – М., 1985. – С. 141-147.

1986

59. Акт о наследстве (Самаркандская область, XVI в.). // Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма. – М., 1986. – С. 46-52.
60. Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVII вв. (Письменные памятники). Рецензия на книгу Б.А. Ахмедова // ОНУ. – 1986. – № 4. – С. 57-60. (в соавт. с Д.Ю. Юсуповой).
61. Тюркские заимствования в персоязычных хрониках XV-XVII вв. // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. XXIX сессия РИАС в Ташкенте в 1986 г. – Т. II. – М., 1986. – С. 13-15. (в соавт. с Б.А. Ахмедовым).

1987

62. Самаркандский акт конца XVI в. о разделе наследства. // Письменные памятники Востока. – М., 1987. – С. 28-33. (в соавт. с Б.А. Вильдановой).
63. Художественные произведения Навои как исторический источник // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов. – М., 1987. – С. 106-107.
64. История Узбекской ССР. – Т. III. Узбекистан в период позднего феодализма (XVI – первая половина XIX вв.). – План-проспект. – Т., 1987. – 32 с. (в соавт. с Г.А. Михалевой).
65. Совещание по проблемам истории Узбекистана феодального периода. // ОНУ. – 1987. – № 12. – С. 56-78.
66. Тюрко-монгольские заимствования персоязычных хроник XV-XVII вв. // Советская тюркология. – 1987. – № 6. – С. 37-45. (в соавт. с Б.А. Ахмедовым).

1988

67. Проблемы средневекового города Средней Азии // Я.Г. Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане. Тезисы док-

- ладов научной конференции, посвященной 80-летию акад. АН УзССР Я.Г. Гулямова. – Т., 1988. – С. 63-64.
68. Среднеазиатские тюркоязычные сочинения конца XV-XVI вв. как источник по социальной, экономической и культурной истории. // Тюркология. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции 7-9 сентября 1988 года. – Фрунзе, 1988. – С. 486-488.
69. Торгово-экономические взаимосвязи городов и селений Средней Азии в XVI-XVII вв. // Научная конференция: Город на традиционном Востоке. Тезисы. – М., 1988. – С. 486-488.
70. Взаимоотношения оседлого населения Мавераннахра с жителями кочевых степей. // Вопросы советской тюркологии. Материалы IV Всесоюзной тюркологической конференции. – Часть 2. – Ашхабад, 1988. – С. 15-156. (в соавт. с Б.А. Ахмедовым).
71. Ташкент в конце XV-XVI вв. // История Ташкента с древнейших времен до победы Февральской буржуазно-демократической революции. – Т., 1988. – С. 66-81.
72. Поэмы Мухаммада Салиха и Муллы Шади как исторический источник. Анализ извлечений и установление их достоверности. // Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников. Всесоюзная научная сессия. Кутаиси, 18-20 октября 1988 года. – Тбилиси, 1988. – С. 91-93.
73. Документы об ученичестве. // Источниковедческие разыскания 1985 г. – Тбилиси, 1988. – С. 272-275.

1989

74. Некоторые общие черты торгово-ремесленных центров в период позднего феодализма. // Зоны и этапы урбанизации (Теоретические аспекты проблемы «Город и процесс урбанизации в Средней Азии»). Тезисы докладов региональной конференции. Наманган, 1989. – Т., 1989. – С. 126-127.
75. Деревня и городской рынок. Роль города как центра феодального властовования в Средней Азии XVI-XVII вв. // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. XXII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. Минск, 11-14 октября 1989 года. – М., 1989. – С. 226-229.

76. Craftsmen and Guild Life in Fifteenth century in Samarkand // Abstracts of the International symposium Timurid and Turkman societies in transition: Iran in the Fifteenth century. Toronto, Ontario, Canada, November 15-18, 1989. – P. 12.
77. Программа симпозиума «Позднефеодальный город Средней Азии». – Т., 1989. – 7 с.
78. Роль тюркоязычных письменных источников конца XV-XVI вв. в изучении социально-экономической и культурной жизни среднеазиатских народов. // Тюркология. – Фрунзе, 1989.
79. «Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме» и его автор. // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. – Вып. 1. – М., 1989. – С. 153-158.

1990

80. Рисола как источник по истории техники и производственных отношений в позднефеодальной Средней Азии. // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов. – М., 1990. – С. 52-53.
81. Традиции взаимосвязей по Великому шелковому пути в позднефеодальный период. // На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. – Т., 1990. – С. 117-125.
82. Введение. // Позднефеодальный город Средней Азии. – Т., 1990. – С. 5-7.
83. Позднефеодальные Бухара и Самарканд – центры связей Средней Азии с сопредельными странами, Россией и Европой. // Позднефеодальный город Средней Азии. – Т., 1990. – С. 90-99.
84. Самарканд и Бухара на трассах Великого шелкового пути в XV-XVI вв. // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов Международного семинара ЮНЕСКО. Самарканд, 1-6 октября 1990 г. – Т., 1990. – С. 110-113.

1991

85. К характеристике караван-сараев Бухары. // Города и караван-сараи на трассах Великого шелкового пути. Тезисы докладов Международного семинара ЮНЕСКО. Ургенч, 2-3 мая 1991 г. – Ургенч, 1991. – С. 58-61.
86. Темурий хукмдорлар. // Ёш куч. – 1991. – № 6. – Б. 22-23.

87. Единство и своеобразие городов на среднеазиатских трассах Великого шелкового пути в свете экономических связей (XV-XVII вв.). // Восток: прошлое и будущее народов. Тезисы докладов IV Всесоюзной конференции востоковедов. Махачкала. 1-5 октября 1991 г. – М., 1991. – С. 157-159.
88. Алишер Навоййнинг ижтимоий-иктисодий қараашлари («Махбуб ул-қулуби» асари асосида). // ОНУ. – 1991. – № 6. – Б. 27-32.
89. An Auxiliary Role of Two Main Trends of Islam in the Wars Between Shaybani-khan and Ismail Shah // ESCAS IV (4 th European Seminar on Central Asian Studies), Bamberg, October, 8-12, 1991. – P. 31.
90. Социальные портреты средневековья. // Диалог. – 1991. – № 12. – С. 65-69.
91. Олтин ва муқаддас бешик. Ўзбекистон тарихини оқилона ўрганиш ҳар биримизнинг бурчимиздир. Интервью: давра сұхбат. // Совет Ўзбекистони. – 11 апрель. – 1991.

1992

92. Craftsmen and Guild Life in Samarkand // Timurid Art and Culture. Iran and Central Asia in the fifteenth century. E.J. Brill. Leiden. – New York. Koeln. 1992. – P. 29-35.
93. Взаимосвязи казанских и бухарских кожевников. // Татарстан. – 1992. – № 8-9. – С. 96-98.

1993

94. Введение. // История Узбекистана. – Т. III (XVI – первая половина XIX века). – Т., 1993. – С. 3-4. (Ответственный редактор).
95. Источники. // История Узбекистана. – Т. III. – Т., 1993. – С. 5-11.
96. Краткие данные о зарубежной литературе. // История Узбекистана. – Т. III. – Т., 1993. – С. 28-30.
97. Политическое положение Узбекистана в XVI – первой половине XVIII вв. // История Узбекистана. – Т. III. – Т., 1993. – Гл. I (§ 1, 3-8); гл. II (§ 1-11). – С. 31-36, 46-148.
98. Хорезм в начале XVI – первой половине XIX вв. // История Узбекистана. – Т. III. – Т., 1993. Дополнения к разделу.
99. Изучение истории средневекового Узбекистана в Институте истории АН РУз. // ОНУ. – 1993. – № 4. – С. 32-38.

100. Выходцы из Туркестана и их роль в политических событиях Мавераннахра на рубеже XV-XVI вв. // Бартольдовские чтения 1993 года. Тезисы докладов и сообщений. – М., 1993. – С. 36-38.
101. Из истории названия «булгари»: К взаимосвязям казанских и бухарских мастеров-кожевников. // Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи. – Казань, 1993 – С. 91-97.
102. Бухара – торгово-ремесленный центр средневековой Центральной Азии. // Бухара и мировая культура (Динамика культурного процесса в столицах восточных цивилизаций). Материалы I Международного симпозиума «Бухара и мировая культура» (без указания места и года издания). – Вып. 1. – С. 92-94.

1994

103. Ремесленное производство в Самарканде времен Улугбека. // ОНУ. – 1994. – № 7. – С. 17-21.
104. Trade and Diplomatic Relations in the Ulugbeg Era // Мирзо Улубек таваллудининг 600 йиллигига багишланган ҳалқаро илмий анжуман маъruzalарининг тезислари. Тошкент – Самарқанд, 12-16 октябрь 1994 йил. – Б. 29.
105. Die Rolle der beiden Hauptrichtungen des Islams in der Politik der Kriege Sajbani-Haus und Ismails. // Islamkundliche Untersuchungen. – Band 185. – I. Baldauf, M. Friederich. Bamberg Central Asien Studien. – Berlin, 1994. – S. 249-253.
106. Ўзбекистонда хонликлар даври. / Ўзбекистон тарихи (XVI аср – XIX асрнинг биринчи ярми). 7-синф учун синов дарслиги. – Т., 1994. – § 1-15.
107. XVI-XIX асрнинг биринчи ярмида Ўрта Осиё маданияти. / Ўзбекистон тарихи (XVI аср – XIX асрнинг биринчи ярми). 7-синф учун синов дарслиги. – Т., 1994. – § 32. (А. Тожибоев ҳаммуалифликда).
108. Миллий мустакиллик ва тарихий ҳакикат (давра сұхбати). // Ҳалқ сүзи. – 30 август. – 1994.
109. Бухара – торгово-ремесленный центр средневековой Центральной Азии. // Бухара и мировая культура (динамика культурного процесса в столицах восточных цивилизаций). Материалы V Международного симпозиума “Бухара и мировая культура” (без места и года издания). – Вып. 1. – С. 92-94 [1994].

1995

110. Социальные слои населения по «Махбуб ал-қулуб» Алишера Навои. // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. – Вып. 3. – М., 1995. – С. 99-104.
111. Среднеазиатские ханства. / История Узбекистана (XVI – первая половина XIX вв.) / Учебник для 7 класса. – Т., 1995. § 1-15. Переведено на: тадж., казах., кирг. и туркм. языки.
112. Культура в Средней Азии в XVI – первой половине XIX вв. / История Узбекистана (XVI – первая половина XIX вв.) / Учебник для 7 класса. – Т., 1995. § 33. Переведено на: тадж., казах., кирг. и туркм. языки (в соавт. с Тожибаевым).
113. Память жива. Это была наша молодость. // Народное слово. – 9 май. – 1995.
114. Мавераннахр и Россия, взаимодействие экономик и культур. // ОНУ. – 1995. – № 5-6-7-8. – С. 22-26.
115. Эпоха Улугбека. Ремесленное производство. // Алломалар сарвари. Мирзо Улугбек тавалтудининг 600 йиллигига багишланган илмий – назарий кенгаш маърузалари тўплами. – Т., 1995. – С. 132-137.
116. Бухара XVI-XVII столетий. // Узбекистан – вклад в цивилизацию. III Международный симпозиум. – Вып. 3. – Часть 1. Бухара и мировая культура. – Т., 1995. – С. 64-66.

1996

117. Темур ва Улугбек даврида Мовараннахрда ижтимоий-иктисодий хаёт. // Темур ва Улугбек даври тарихи. – Т., 1996. – Б. 113-154.
118. Les routes caravanieres entre villes de l'inde et de l'Asie centrale: deplacements de artisans et circulation des articles artisanaux // Ynde-Asie centrale. Routes du commerce et des idees / Cahiers D'Asie Centrale. 1-2. Tachkent – Aix-en-Provence, 1996. – P. 85-90.
119. Расширение торговых взаимосвязей в Мавераннахре при Амире Темуре. // Амир Темур ва унинг дунё тарихидаги урни. – Самарқанд, 1996. – С. 713-715.
120. Вся жизнь в науке. // Народное слово. – 17 ноября – 1996. (в соавт. с И. Исакдаровым, А. Аскаровым).

121. Усиление социального расслоения населения в эпоху Амира Темура. / Материалы к книге «La Renaissance Temouride. Organisation des Nations unies pour l'education, la Science et la culture». – Paris, 1996. 1,0 п.л.
122. Ремесленное производство и торговля в городах Мавераннахра при Амире Темуре. // Тезисы Международной научной конференции «Амир Темур и его место в мировой истории». – Т., 1996. – С. 43-45 (на узб., рус. и англ. яз.).
123. Искусных дел мастера. // Народное слово. – 15 октября – 1996.
124. Торговля умножает богатство страны, если развивать ее подобно тому, как это делал Сахибкиран. // Народное слово. – 14 ноября – 1996.
125. Recent Uzbek Historical Studies on Thirteenth-Nineteenth Century Uzbekistan /Asian Research Trends/ A Humanitics and Social Science Rewiew. N 6 (1996). – P. 107-127.
126. Domestic and Foreign Trade; Applied Art // Amir Temur in world History. – Т., 1996. – P. 62-63; 123-132. (На англ., узб. и рус.. языках).
127. Внутренняя и внешняя торговля. / Амир Темур в мировой истории. – Т., 1996. – С. 69-72.
128. Ткачество, ковроделие, одежда. / Амир Темур в мировой истории. – Т., 1996. – С. 152-157. (в соавт. с А. Хакимовым).
129. Ремесло и ремесленники во времена Амира Темура и Темуридов. // ОНУ. -1996. – № 7-8-9-10. – С. 67-74.
130. Амир Темур и средневековый Ренессанс в Центральной Азии. // Узбекистан. – № 2. – 1996.
131. Ремесленное производство и торговля в эпоху Амира Темура. // Амир Темур даврида ижтимоий-иктисодий, сиёсий ва маданий хаёт. – Т., 1996. – С. 116-117.
132. Воспоминания студентов Ташкента о войне // Фашизм устидан козонилган галабада Ўзбекистоннинг тарихий хиссаси (илмий-назарий конференция материалы). – Т., 1996. – С. 179-183.
133. Lo sviluppo socio-economico della citta centroasiatiche tra i secoli XIV e XVI (l'esempio di Samarcanda e Buhara // Oriente Moderno. Numero monografico. La civilta Timuride come fenomeno internazionale a cura di Michele Bernardini. – Vol. I. – Roma, 1996. – 2.

134. Khiva – capitale du khanat. // Khiva la ville des “Mille coupoles”. – T., 1997. – P. 17-22 (в соавт. с Н.Н. Хабибуллаевым).
135. Khiva – the capital of the Khiva khanate. // Khiva the City of “Athous and Domes”. – T., 1997. – P. 27-32 (в соавт. с Н.Н. Хабибуллаевым).
136. Ҳонлик пойтахти. // Хива – минг гумбаз шаҳри. – Т., 1997. – Б. 30-35.
137. Boukhara – la capitale du khanat. // Boukhara la perle de l’Orient. – Tashkent – Paris, 1997. – P. 31-36. (в соавт. с Н.Н. Хабибуллаевым).
138. Бухара – столица ханства. // Бухара – жемчужина Востока. – Т., 1997. – С. 53-63.
139. Бухоро – савдо ва ҳунармандчиликка оид ишлаб чиқариш маркази (XVI аср – XIX асрнинг биринчи ярми). // Инсониятнинг илмий ва маданий мероси – учинчи минг йилликка Бухоро ва Хива шаҳарларининг 2500 йиллигига бағишлиланган ҳалқаро симпозиум тезислари. – Т., 1997. (уз. – Б. 123-125, рус. – С. 109-111, англ. – Р. 95-97).
140. Хива (XVI-XIX асрнинг биринчи ярми). // Инсониятнинг илмий ва маданий мероси – учинчи минг йилликка Бухоро ва Хива шаҳарларининг 2500 йиллигига бағишлиланган ҳалқаро симпозиум тезислари. – Т., 1997 (уз. – Б. 214-215, рус. – С. 190-192).
141. Le role de la femme dans la societe de l’Asie centrale sous les Timourides et les Sheybanides. // L’Heritage Timouride Iran – Asie centrale – Inde. XV-XVIII slectes. Cahiers D’Asie centrale. – N 3-4. – Tachkent – Aix-en-Provence, 1997. – P. 203-212.
142. Столный град ханства – Хива //ОНУ. – 1997. – № 7-8. – С. 23-30.
143. Бухара – столица ханства, город купцов и искусственных мастеров. // ОНУ. – 1997. – № 9-10-11. – С. 52-57.
144. Муҳаммад Шайбонийхон (1451-1510). // Буюк сиймолар, алломалар (Марказий Осиёлик машур мутафаккирлар, донишманлар ва адиллар). – 3 китоб. – Т., 1997. – 23-25 б.
145. Озбекистан тарыхы. – Т., 1997. – § 1-15, 32.
146. Кожа «булгари» (к истории взаимосвязей ремесленников Бухары и Казани). // Труды Международной конференции, 9-13 июня 1992 года. Казань. – М., 1997. – С. 221-223.

147. Бухара – город купцов и банкиров. // Народное слово. – 8 декабря. – 1997.
148. Озбекистанын тарыхы. – Даշкент, 1997. – Б. 3-85, 180-187.
149. Тарихи Ўзбекистон. – Т., 1997. – § 1-16, 32.
150. Озбекистан тарыхы. Т., 1997. – 3-87, 187-194 б.

1998

151. The Timurid States in the fifteenth and sixteenth centuries. // History of civilisations of Central Asia. – Vol. IV. – Charter 17. – Paris, 1998. – P. 347-363.
152. Айрим руҳонийлар вакилларининг Бухоро ижтимоий-иктисодий ва маданий ҳаётида тутган ўрни. // «Имом ал-Бухорий ва унинг дунё маданиятида тутган ўрни» мавзуудаги халқаро конференция материалы. Самарқанд, 1998 йил, 23 октябрь. – 32-35-б.
153. Central Asian in the 15th-Mid 19th Centuries. // Seinan – Ajia-Kenkyu (Bulletin of the Society for Western and Southern Asiatic Studies. Kyoto University), N 49 (September 1998). – P. 85-92. (на японском яз., tr. K. Kubo.)
154. «Ўзбекистон тарихи». Дастур. (Тарих фани бўйича ихтисослаштирилган маҳсус умумий ўрта таълим мактаблари учун). – Т., 1998.

1999

155. Ўзбек давлатчилиги тарихига оид айрим маълумотлар (Навоийнинг «Мабуб ул-кулуб» асари асосида). // Ўзбекистон тарихининг долзарб муаммларига янги чизгилар. Даврий тўплам. – № 2. – Т., 1999. – 53-62 б.
156. Роль Великого шелкового пути в расширении внешнеторговых связей городов Среднего Поволжья. // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. – Казань, 1999. – С. 155-160.
157. Тарих бугундан бошланади. Суҳбат. // Ўзбекистон овози. – 1 апрель. – 1999.
158. Место женщины в среднеазиатском обществе. // Ўзбекистонда оила, давлат ва жамият қурилишида аёлларнинг роли ва гендер муаммолари. – Т., 1999. – С. 36-40.
159. Знать прошлое, думать о будущем. // Правда Востока. – 7 сентября. – 1999.

160. Социально-экономическая жизнь в Мавераннахре времени Амира Темура. / Ахмедов Б.А., Мукминова Р.Г., Пугаченкова Г.А. Амир Темур. Жизнь и общественно-политическая деятельность. – Т., 1999. – С. 62-145.
161. Урганч (Кўхна Урганч) хоразмшох Султон Жалолиддин даврида. // «Жалолиддин Мангуберди – ватан, юрт ҳимоячиси» мавзудаги ҳалқаро конференция материаллари. Урганч, 22 октября 1999 й. – 87-89 б.
162. Давлатчилик тарихидан (Алишер Навоийнинг «Мабуб ал-кулуб» асари асосида). // Ўзбекистон тарихиниг долзарб муаммолари. Даврий тўплам. – № 2. – 1999.
163. Social and economic Life in the Towns of Central Asia in the 15th and 16th Centuries. / Materiaux pour L’Histoire Economique du Monde Iranien. – Paris, 1999. – Р. 269-276.
164. Буюк ипак йўли. // Шарқ машъали. – 1999. – № 1-2. – 5-10 б.

2000

165. Восток и Запад: торгово-экономические и культурные взаимо-связи // Запад и Восток: взаимодействие культур. Материалы научной конференции, посвященные 130-летию выдающегося российского востоковеда В.В. Бартольда. – Т., 2000. – С. 5-7.
166. Адіб. / Ўзбекистон миллий энциклопедияси. – I жилд. – Т., 2000.
167. Барат. / Ўзбекистон миллий энциклопедияси.– I жилд. – Т., 2000.
168. Бегор. / Ўзбекистон миллий энциклопедияси.– I жилд. – Т., 2000.

2001

169. Государственность: мнения писателей Узбекистана конца XV – начала XVI в. // Тарих, мустакиллик, миллий ғоя (Республика илмий-назарий аккумани материаллари). – Т., 2001. – С. 147-149.
170. Ўрта аср Ўзбекистон алломаларининг давлатчиликка оид қароматлари. // Ўзбекистон тарихи. – 2001. – № 2. – 11-19-б.
171. Алишер Навоий давлатчилик ҳақида. // Алишер Навоийнинг ижодий мероси ва унинг жаҳондаги аҳамияти. Тезислар. – Т. – Навоий, 2001. – 36-39-б.
172. Ўзбекистон давлатчилиги тарихи. Аннотацияли библиография (1991-2001 йй.). – Т., 2001. – Б. 16-66. (Г. Аъзамова, Н. Хабибуллаев ҳаммуналлифликда).

173. Ўзбекистон давлатчилиги тарихи. Библиография (1991-2001 йй.) – Т., 2001. – Б. 16-30. (Г. Аъзамова, Н. Хабибуллаев ҳаммуаллифликда).
174. Торговые и культурные взаимосвязи городов Ирана и Узбекистана (XV-XIX вв.). // The Iranian World and Turan. International Seminar. Tehran. February 13-14, 2001 (на персидском языке).
175. Ташкент на перекрестке истории. – Т., 2001. (в соавт. с М.И. Филанович).
176. Бухарское ханство (эмират). / Очерки по истории государственности Узбекистана. – Т., 2001. – С. 96-101.
177. Традиции государственности и их развитие в узбекских ханствах. / Очерки по истории государственности Узбекистана. – Т., 2001. – С. 105-118. (в соавт. с Г.А. Агзамовой).
178. Хивинское ханство. / Очерки по истории государственности Узбекистана. – Т., 2001. – С. 101-103.
179. Ремесленное производство. / Амир Темур в мировой истории. Изд. 2-е, дополненное. – Т., 2001.
180. Внутренняя торговля. / Амир Темур в мировой истории. Изд. 2-е, дополненное. – Т., 2001.
181. Внешняя торговля. / Амир Темур в мировой истории. Изд. 2-е, дополненное. – Т., 2001.

2002

182. Взаимодействие оседлой и кочевой цивилизации как один из факторов исторического развития народов Центральной Азии // Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы, традиции и современность. Тезисы докладов Международной научной конференции. Самарканд, 25-28 сентября, 2002 г. – Самарканд, 2002. – С. 49-50.
183. Торговля и банковское дело в Узбекистане в средние века // Ўрта Осиё археологияси, тарихи ва маданияти. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 60-летию акад. АН РУз, проф. Э.В. Ртвеладзе. – Т., 2002.
184. Шахрисабз времени Амира Темура // Шахрисабз шаҳрининг жаҳон тарихида тутган ўрни. Ҳалқаро илмий конференция маърузалари тезислари. – Т., 2002.
185. Клавихо Руи Гонсалес де. / Ўзбекистон миллий энциклопедияси. – IV жилд. – Т., 2002.

186. Кучкунжихон. / Ўзбекистон миллий энциклопедияси.
— IV жилд. — Т., 2002.
187. Shaybanids. // History of civilizations of Central Asia. — Vol. V.
UNESCO publishing.— Paris, 2002.
188. Ashtarkhanids. // History of civilizations of Central Asia. — Vol. V.
— UNESCO publishing.— Paris, 2002.

2003

189. Заметки о географической карте Средней Азии Абрахима Мааса. // Ўзбекистон тарихи. — 2003. — № 1. (в соавт. с Ш. Камалитдином).
190. Юбилей автора «Бабур-наме». 14 февраля мы отмечаем 520-летие со дня рождения Захириддина Мухаммада Бабура. // Народное слово. — 14 февраля. — 2003.
191. Захириддин Мухаммад Бабур — эхо истории. // Хронограф. — №21. — 2003.
192. Интеграционные процессы в государстве Амира Темура. // Программа учебного курса для магистров. — Т., 2003.

В печати

193. Women's of Central Asia (XV-XX) // Encyclopedia of Women and Islamic Cultures. Brill Academic Publishers.
194. History of Central Asia in the VII-XVIII century (the historical, social and economic setting). — Ankara.
195. Средняя Азия и Россия: торгово-экономические взаимосвязи в XV-XIX вв. // Тюркологический сборник. — Т. II. — М.
196. Международные связи Узбекистана с восточными странами в средневековый период. // International Journal of Central Asian Studies. — Seoul: IACD. — Vol. 8.
197. Средневековый Узбекистан: роль и место женщины в государстве и обществе. // Трансоксиана. — Т.
198. Друг и соратник — Рахима Хадиевна Аминова. // Воспоминания об академике Рахиме Хадиевне Аминовой. — Т.
199. Татары в Узбекистане // Исторический словарь Узбекистана. — Т.
200. The social groups of population in the Central Asia in XV-XVI centuries (based on the works by Alisher Navoi) // The John D. Soper Commemorative Conference on the Cultural Heritage of Central Asia.

201. Спортивные игры. // Ўзбекистон тарихи.
202. Оседлая и кочевая цивилизации по материалам письменных источников XV-XIX вв.// Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы. Традиции и современность. – Самарканд: МИЦАИ.
203. Базары Самарканда и Бухары. – Анкара.
204. Sport contests and games of the peoples of Central Asia. // European for Central Asian studies (ESCAS VII) Central Asia. Past-Present-Future.

Редактирование и рецензирование

205. Пикулин М.Г., Шамансурова А.Ш., Рашидов Р.Т. Ремесло и мелкая промышленность Афганистана. / Отв. ред. Р.Г. Мукминова. – Т.: Фан, 1976. – 114 с.
206. Михалева А.Г. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург. / Отв. ред. Р.Г. Мукминова. – Т.: Фан, 1982. – 92 с.
207. Позднефеодальный город Средней Азии. // Актуальные проблемы исторической науки. / Отв. ред. Р.Г. Мукминова. – Т.: Фан, 1990. – 226 с.
208. Хабибуллаев Н.Н. Ўрта Осиёда қоғоз ишлаб чиқариш тарихи. / Маъсул муҳаррир Р.Г. Мукминова. – Т.: Фан, 1992. – 96-б.
209. История Узбекистана. – Т. III. (XVI – первая половина XIX вв.). – Т., 1993. / Отв. ред. Р.Г. Мукминова.
210. Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI-XIX вв. / Рецензент Р.Г. Мукминова. – Т.: Фан, 1983. – 166 с.
211. История Узбекистана в источниках. / Составитель Б.В. Лунин. / Рецензент Р.Г. Мукминова. – Т.: Фан, 1984. – 233 с.
212. Ильясов Я. Заклинатель змей. Башня молчания. / Рецензент Р.Г. Мукминова. – Т.: Фофор Фулом, 1986. – 493 с.
213. История Узбекистана в источниках. Известия путешественников, географов и учёных XVI – первой половины XIX вв. / Составитель Б.В. Лунин. / Рецензент Р.Г. Мукминова. – Т.: Фан, 1988. – 256 с.
214. Хива. Путеводитель. / Рецензент Р.Г. Мукминова. – Т.: Фан, 1988. – 59 с.
215. Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XIX вв. / Рецензент Р.Г. Мукминова. – Т.: Фан, 1989. – 196 с.

216. Ташбаева Т.Х., Савуров М.Д. Новое и традиционное в быту сельской семьи узбеков. / Рецензент Р.Г. Мукминова. – Т.: Фан, 1989. – 415 с.
217. Файзиев Т. Бухоро феодал жамиятида куллардан фойдаланишга доир хужжатлар (XIX аср). / Рецензент Р.Г. Мукминова. – Т.: Фан, 1990. – 144 б.
218. История Узбекистана в источниках. Узбекистан в сообщениях путешественников и учёных (20-е-80-е годы XIX вв.) / Составитель Б.В. Лунин. / Рецензент Р.Г. Мукминова. – Т.: Фан, 1990. – 193 с.
219. Хидоятов Г.А. Моя родная история. / Рецензент Р.Г. Мукминова. – Т.: Укитувчи, 1990. – 226 с.
220. Материалы по истории и истории культуры народов Средней Азии. / Рецензент Р.Г. Мукминова. – Т.: Фан, 1991. – 338 с.
221. Мухаммад-Рафи Ансари. Дастан ал-Мулук. (Устав для государей). / Предисловие, перевод, примечания и указатели А.Б. Вильдановой. / Рецензент Р.Г. Мукминова. – Т.: Фан, 1991. – 139 с.
222. Гуламов Х.Г. Из истории дипломатических отношений России с Бухарским ханством в XVIII в. / Рецензент Р.Г. Мукминова. – Т.: Фан, 1992. – 108 с.
223. Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди. / Рецензент Р.Г. Мукминова. – Т.: Фан, 1996.
224. Шониёзов К. Ўзбек халқнинг шаклланиш жараёни. / Рецензент Р.Г. Мукминова. – Т.: Фан, 2001. – 462 б.

A LITTLE-KNOWN PERSIAN HISTORY OF AFGHANISTAN: THE AMAN AL-TAWARIKH

Persian historiography of Afghanistan has generally been little recognized and even less exploited by latter-day historians. Two early twentieth-century Persian histories of Afghanistan, Fayz Muhammad Katib's *Siraj al-tawarikh* and Muhammad Yusuf Riyazi's *Ayn al-waqa'i'* have been published but until recently have attracted very little attention.³ In Europe and North America, interpretations of Afghanistan's history have long relied on and been content with British sources and interpretations of the country's history.⁴

An even lesser-known source is the unpublished work of the Iranian expatriate, Hajj Mirza 'Abd al-Muhammad Khan Pur 'Alizadeh Isfahani Irani "Mu'addib al-Sultan." He wrote a massive and unfinished seven-volume compilation initially entitled *Tarikh-i Afghanistan*, later re-titled *Aman al-tawarikh* in honor of the man to whom it was eventually dedicated, the Afghan amir, Aman Allah Khan (r. 1919-1929).

The *Aman al-tawarikh* exists, as far as is known, in only two copies.⁵ Yuri Bregel, in his recension of Storey's *Persian Literature: A Bio-bibliog-*

³ Fayz Muhammad Katib Hazarah, *Siraj al-tawarikh* 3 vols in 2 (Kabul: Matba'ah-i Hurufi, 1331-1333/1913-1915) (volume 3 republished in part in Tehran 1373/1994 as *Siraj al-tawarikh jild-i siyyum, bakhsh-i awwal*); Muhammad Yusuf Riyazi, '*Ayn al-waqa'i'* in idem, *Bahr al-fawa'id* aka *Kulliyat-i Riyazi*, (Mashhad, 1324/1906) *Ayn al-waqa'i'* republished separately in Tehran: Mawqufat-i Duktur Mahmud Afshari, 1369/ 1990. Hasan Kakar made some use of the former work in his *Government and Society in Afghanistan: The Reign of Amir 'Abd al-Rahman Khan* (Austin, TX, 1979) and more recently Shah Mahmoud Hanifi in his doctoral dissertation, *Inter-regional Trade and Colonial State Formation in Nineteenth-Century Afghanistan* (University of Michigan, 2001). V.A. Rodomin wrote fairly extensively about the *Siraj al-tawarikh* (see e.g. his "Sochinenie 'Siradzh at-tavarikh' i ego istochniki" in *Strany i narody vostoka* 26, Moscow 1989, 225-48 and made use of it in the co-authored (with V.M. Masson) *Istoriia Afganistana* (Moscow, 1965). It is difficult to find anyone who has made use of Riyazi's work, which is important for its emphasis on Herat at the end of the 19th century.

⁴ One has in mind the works of Donald Wilber, Vartan Gregorian, W.K. Fraser-Tytler, Louis Dupree, and M.E. Yapp.

⁵ See Hasan Kakar, *Government and Society in Afghanistan*, 307 for a reference to a copy of the entire work owned by a private collector. This and the New York University copy are the only two known. In 1993, in a series of articles in the Afghan community new-

raphical Survey, cites brief references by Abbas Iqbal and Khanbaba Mushar to the work, but it is not evident that either one ever saw it and both may have been referring to the copy held in Cairo by the author's son, Manuchehr Moadeb-Zadeh.⁶ In 1977, Mr. Moadeb-Zadeh lent his copy to New York University's Bobst Library and in September 1987 the university purchased the work for \$10,000. It remains uncatalogued but available in the Fales Library and Special Collections of New York University.

According to the biographical information in Bregel/Storey (No. 1123/1439), 'Abd al-Muhammad Khan was born in Isfahan about 1290/1873-4. His father died when he was seven and he was apprenticed to a merchant while studying at a madrasah in Isfahan. At the age of seventeen he was sent to Baku as a sales representative for Shirkat-i Islamiyah, an Isfahani commercial partnership. According to Bregel/Storey he spent a number of years in Baku and then moved to Cairo in 1322/1904-5 where, in the same year, he founded an illustrated Persian weekly newspaper, the Chihrah-numa for the emigré Iranian community there. Egypt was his home until his death on April 19, 1935. Besides editing his newspaper and compiling Aman al-tawarikh 'Abd al-Muhammad Khan also prepared an anthology of calligraphers called Paydavish-i khatt wa khattatan (*Ibid.*).

The Aman al-tawarikh reveals somewhat more about its author's life and his travels than does the entry in Bregel/Storey. His name as it most consistently appears through the volumes of the Aman al-tawarikh is "Hajj Mirza 'Abd al-Muhammad Isfahani Irani." The first five volumes contain a foreword (*aghaz bi-ta'lif*) in which the author uses this name. On the title page of volume one, which was copied by a professional calligrapher in Isfahan in 1342/1923-24, he is styled "Hajj Mirza Abd al-Muhammad Khan Mu'addib al-Sultan Isfahani Irani." His will, registered at the Iranian consulate in Cairo on the 20th of Jumadi al-Thani 1354/19 September 1935 gives his name as "Hajji 'Abd al-Muhammad Mu'addib al-Sultan formerly nicknamed (sabiq mulaqqab

---

spaper *Umid (Omaid)* (nos. 72-76) Dr. Sayyid Makhdum Rahim wrote about the NYU manuscript of the work focusing on the author's visit to Kabul in 1922 and the people he met there.

⁶ Iu.E. Bregel, Persidskaia Literatura: Bio-Bibliograficheskaiia Obzor 3 vols. (Moscow, 1972), 2: 1245.

bi-) Chihra-numa". I am uncertain when he adopted or was given the title "Mu'addib al-Sultan," which produced the family name Mu'addibzadeh.

The dedication of the work is also problematic. Although the work is now known as Aman al-tawarikh the dedication of the work to Amanullah Khan came at the very end of the book's lengthy gestation. The author tells us that as a result of articles he had written on various countries for his newspaper, the Chihra-numa, including stories on the policies of the Afghan amir 'Abd al-Rahman Khan, he was encouraged by a variety of "scholars, orientalists, and 'ulama'," to write a comprehensive history of Afghanistan (AMAN:1:6-8). He was living in Cairo, "the center of civilization and culture and a place where the new (western) sciences flourish" (AMAN, 1: 6). Partly because of his earlier research on Afghanistan and partly because of his commitment to the spread of knowledge, he began work on a history of the country in 1331/1913 the same year Fayz Muhammad Khan's monumental Siraj al-tawarikh was beginning to come of the press. To a cosmopolitan native of Isfahan and resident of Cairo, Afghanistan had an exotic charm. 'Abd al-Muhammad compares the country to the "Garden of Iram" as an unspoiled paradise and one whose history was little known to the outside world. (*Ibid.* And p. 9) Here he calls the work "Tarikh-i Afghanistan" (p. 9) and refers to it again on p. 12 as "Kitab-i mustatab-i tarikh-i Afghanistan." Between pp. 9-12 he makes an indirect plea for sponsorship, asking rhetorically how anyone could possibly encompass the whole history of Afghanistan without help. He dwells on famous cases of past patronage (from Ibn al-Muqaffa' by the caliph Mansur and Ibn Sina by Amir Nuh the Samanid down to Muhammad Taqi Khan Sipahr and Riza Quli Khan Hidayat by Nasir al-Din Shah Qajar) in a manner which can only be interpreted as a solicitation of similar patronage. It is equally clear that such sponsorship was not immediately forthcoming. In volume one (p. 12) he strongly hints that he made overtures to Habib Allah Khan (r. 1901-1919) but that no offer of support was forthcoming.

But the sponsorship question was not a determining one as to whether or not he would work on the history. He began work in 1331/1913 using the Egyptian National Library (Kitabkhanah-i mubarakah-i hukumah-i Misri) collection and was assisted there by Agha-yi Nur al-Din Beg Mustafa Arna'uwi. He also had help from a number of unnamed colleagues:

"Although I had deficiencies in Arabic and Turkish and knew only a little French, English, and Russian, (my friends helped me) with hieroglyphics, Phoenician, Nusmani (?), Pahlavi, Hebrew, Syriac, Ethiopic, Latin, Sanskrit, English, French, German and Rumi (modern Greek?) (AMAN, 1: 15).

He completed at least one draft of volume one in 1913 and began volume 2 in 1332/1913-1914. Although the foreword of volume 2 now refers to the work as Aman al-tawarikh (AMAN:2:3) this is a later emendation, added shortly before the present copy was made in Isfahan in Zi Qa'dah 1342/June 1924. Volume 3, like the previous two, was first drafted in Cairo. (AMAN:3:2) Work began on this volume in 1334/1914-5. (*Ibid*) Hajj Mirza 'Abd al-Muhammad Khan tells us he also started work on volume 4 in 1335/1915. (AMAN, 4: 4) This latter volume is the author's autograph and is otherwise undated. He began work on volume 5 in 1337/1917 in Cairo. Given the contents and the credit he gives in its pages to help from the Hazarah historian of Afghanistan, Fayz Muhammad Khan "Katib," most of the volume must have been written three years later, during and after his visit to Kabul in 1340/1922. Volume 6 was written in 1342/1924 and it is assumed here that Volume 7, which is undated, was also compiled circa 1924.

What connects the dates of composition to the sponsorship question is a trip Hajj Mirza 'Abd al-Muhammad Khan made to Afghanistan in 1922 at the invitation of the Foreign Minister, Mahmud Beg Khan Tarzi, one of the chief proponents of modernization and westernization in Afghanistan. Before this trip, there is no reason to believe the author would have or could have obtained the support of Amanullah Khan, who in any event did not become amir until 1919, six years after work was begun on the history. Further there is no evidence that Amanullah Khan had any interest in the work before 1922. However, I think we should assume that Hajj Mirza 'Abd al-Muhammad Khan was thinking of such sponsorship first in a generalized way when he wrote the foreword to volume one and then, more specifically, when he began a correspondence with Mahmud Beg Khan Tarzi which led to the invitation. He tells us that he first contacted the Afghan reformer in 1332/1914 (AMAN:7: 43). If he expected something from this correspondence he did not get it, at least not immediately. Eight years after sending off his first letter, he wrote again to Tarzi and asked the Foreign Minister to intercede on his behalf with Amanullah Khan so that he could go to Kabul and show the amir the volumes he had completed.

Tarzi promptly sent an invitation dated 25 Qaws 1300/14 December 1921 which 'Abd al-Muhammad reproduces in full in volume 7 (*Ibid.*). The author let no grass grow beneath his feet. He reached Peshawar on the 24th of Jumadi al-Ula 1340/23 January 1922, probably by sea to Bombay and then train to Peshawar, where he was welcomed by Faqir Muhammad Khan, a Kabuli merchant and Amanullah Khan's commercial and postal agent there. Two days later, Faqir Muhammad drove 'Abd al-Muhammad and his precious volumes by automobile to Kabul. 'Abd al-Muhammad promises to describe the automobile journey "in due course" but apparently never got around to it (AMAN, 7: 44).

In Kabul, 'Abd al-Muhammad had several meetings with Tarzi, whom he describes as fluent in Persian, Qandahari Pashtu, Ottoman Turkish, and Syrian Arabic and as a decent poet as well (*Ibid.*). We assume that some part of the conversations revolved around meeting Aman Allah Khan and negotiating some sponsorship. Eventually, as he tells us, he had three audiences with the amir (Aman, 6: 31 in the dibachah to volume 1 bound in at the end of volume 6), one meeting taking place in Bagh-i Babur in the western part of the city (*Ibid.*, 6: 1-2). During the course of these meetings some understanding about sponsorship must have been reached, although 'Abd al-Muhammad gives no details. But he handed over the five volumes he had completed, which bespeaks some confidence in having an agreement in hand. He gave them to the Afghan amir and his Minister of Education, Sardar Sulayman Khan. Hajj Mirza 'Abd al-Muhammad tells us the agreement was for the Afghans to keep the five volumes for six months and make copies of them. Although he must have felt secure enough in the agreement reached with the Afghans, still, parting from his books made the author very uneasy. In the second dibachah to volume one in which he dedicates the whole work to Aman Allah Khan and which was written in Isfahan in 1342/1924, he expresses his anxiety over leaving the volumes in the hands of the Afghan officials.

"In Jumada Ukhra, Rajab, and Sha'ban 1340, equivalent to Dalw, Hut, and Hamal 1302 and March and April 1922, I was in Kabul and was honored three times with an audience with his Highness Amir Amanullah Khan. At his command and that of Sardar Sulayman Khan, the Minister of Education, I turned over for copying these valuable volumes which are as dear to me as life and sight. In six months they were to send them to me in Isfahan which was my place of birth and would be my base (*masqat al-ra's*) and where I was planning to complete the volumes

(6 and 7) from the reign of Amir 'Abd al-Rahman Khan up to the accession of Amir Amanullah Khan. I devoutly hoped, as I bade farewell to these years of work, that these books would be carefully guarded and safely returned to me when the copying was done. God be thanked that Prince Sardar 'Inayat Allah Khan, the new Minister of Education succeeding Sardar Sulayman Khan, as promised, made sure the five volumes safely reached me in Isfahan. When the five arrived a new spirit entered my body and now with the help of God I will finish them".

Although he never says whether the first five volumes were actually copied in Kabul as planned, we must assume that such was the case and that those volumes may still exist. There is no discussion about their publication, however, which seems somewhat odd but if there was some plan to publish, it may have been contingent on 'Abd al-Muhammad's finishing the work as set out in the prospectus to volume one (see below).

While in Kabul, 'Abd al-Muhammad had made a number of acquaintances, one of whom, Fayz Muhammad Khan, the celebrated author of *Siraj al-tawarikh*, makes a number of direct contributions to the work (see below). His own magisterial study also appears to have been 'Abd al-Muhammad's main source for volume 6.

'Abd al-Muhammad tells us that while in Afghanistan he wanted to visit Mazar-i Sharif, site of one of the reputed burial places of the fourth caliph and son-in-law of the prophet Muhammad, 'Ali b. Abi Talib (AMAN, 2: 571). As a Shi'i, whose loyalties if any were presumably to Najaf as the site of the imam's burial, it is doubtful that he thought much of the claims surrounding the tomb but he had extracted the *Habib al-siyar* account of the late-Timurid rediscovery of the tomb for his book and was no doubt curious to see the site. However, it being early spring and the roads and weather conditions poor, he was unable to make the trip.

His plans after Afghanistan appear to have been long set to return not to Cairo but to Isfahan, his birthplace. In making that decision, he certainly had in mind the corps of Persian scribes who practiced their craft there (AMAN, 6: 2). Perhaps too there were some pleasant memories from his youth and early adulthood which he hoped to refresh. If so, he seems to have been disappointed. From indications elsewhere, Haiji Mirza 'Abd al-Muhammad was a somewhat irascible man.⁷ Although he must have harbored some sentimental attachment to his birthplace and early home, he

⁷ See Mohammad Yadegari, *The Role of Iranian Emigrant Press in the Development of Iranian Journalism*, PhD dissertation, New York University, 1979.

did not find the people there either friendly or congenial on his return (AMAN, 6: 3). The criticism of Iran and the Iranian people which he published in his Cairo paper no doubt did not ease his re-entry into Isfahani society. Although he promises here to give a full account in volume 7 of what befell him in his home town, it is one of the several unfulfilled promises that suggest the work was never completed. To add injury to insult, he became ill and was bedridden for an unspecified length of time. In addition, he was depressed for a time by having left his five volumes in Kabul. He did however begin work now on volumes six and seven.

The arrival of the five volumes from Kabul helped him recover his health as well as his spirits and when he got well he turned to the scribes of the city for professional copies of the volumes. Either he did not succeed in getting copies of all five volumes, or the originals and the copies are divided between the two known full sets of the work. Of the set in the possession of New York University which came to it from his son and heir, only the first two volumes are professional copies, the first penned by Fath Allah b. Abbas Malik Ahmadi Isfahani and the second by Mirza Sayyid Muhammad b. Husayn al-Husayni Shah Shahani Isfahani. Volumes 3-7 appear to be the author's autograph. It is not yet clear that his five volumes were copied in Kabul. The set in private hands also comprises seven volumes and that suggests the provenance is Isfahan or Cairo since there is no evidence that volumes six and seven ever made their way back to Afghanistan.

The matter of the dedication to Aman Allah Khan is not without its problems. For one thing volume one, one of the two volumes copied in final form in Isfahan, does carry the dedication to "Amir Amanullah Khan Ghazi" on the title page. A piece of paper, however, has been carefully pasted over the dedication. Since the volumes remained in the author's hands, as far as we know, we must assume it was he who attempted to expunge the reference to Aman Allah. Moreover, the revised dibachah to volume one with the references to Amanallah Khan was never incorporated (or perhaps was incorporated but was later excised and is now loosely inserted at the end of volume 6). The abdication and exile of Aman Allah in 1929 would have been reason enough to lose hope of any patronage. Had 'Abd al-Muhammad wanted to eliminate all references one would have supposed it could have been done more thoroughly. Perhaps the tangible evidence simply records the ambivalence and disappointment the historian might have felt in the six years between Aman Allah's abdication and the author's own death.

HEIRS OF THE MALAMATIYA?

New Light on the Spiritual Ancestry of the Central Asian Khojagan

The Khojagan, that spiritual current which later became known as the Naqshbandiya, has attracted scholarly attention for a long time now, and today, it certainly is the best studied of the major Central Asian mystical movements. The present study aims at further elucidating an old question, that is, the Khojagan's relationship to the pre-Mongol Malamatiya, and to present a newly published source which offers some of the missing links in this respect.

It should be clear from the start that it is impossible to reduce the Khojagan to a single pre-Mongol ascendancy; this would contradict the very method the Khojagan were so proud of: to make use of everything which was valuable in other currents, and to integrate it into their own teaching. It seems that they succeeded rather well at that.

The Khojagan have been called the heirs of the Khurasanian Malamatiya, and in some places, it seems that they saw themselves in this tradition.⁸ In some particular ways, their masters acted according to the principles laid down by the Malamati shaikhs. This is not to say that there was a direct link (by the silsila or otherwise). This cannot be proved at this point. A major obstacle for this is that the Malamatiya whose period of flowering can be dated to the 10th century are hard to spot later on. Suhrawardi for one says that in his days (around 1200) there are still some people who know their teaching and transmit it, and that he has met people in Iraq who follow their principles but are not

⁸ For technical reasons, no diacritics could be used in this paper; I apologize for any inconvenience this may cause. – See below. For the link between the Malamatiya and the Khojagan, see Hamid Algar, art. „Malamatiya“, in *Encyclopedia of Islam* (2nd edition), and Marijan Molé, „La version persane du Traité de dix principes de Najm al-Din Kobra“, in: *Farhang-i Iran Zamin* 6 (1337 HS), 38-51: „Cette dernière école [the Malamatiya, JP] déterminera l'évolution ultérieure du mysticisme islamique, notamment en pays de langue persane et turque. Des congrégations importantes s'y rattachent directement par leur origine [...] sans parler des mouvements de type plus populaire comme les Kalandariya; mais aussi une tariqa aussi orthodoxe que les Naqshbandiya qui, au moins dans ses premiers temps, paraît mieux gardé les traditions khorassaniennes“ (43-4). It is interesting to see that Molé could make such a statement already more than 40 years ago.

known by this name.⁹ Thus, since Abdalkhalil-i Ghijduwani must be dated not far from this, it is altogether possible that he became acquainted with the Malamati teaching somewhere in Khurasan, but there is no way of proving it.

The Malamatiya are mentioned – along with very many other groups and authors – in Khwaja Parsa's central work, the *Fasl al-khitab*.¹⁰ The general tendency is very positive. The Malamatiya are seen as the true followers of the Prophet, and Parsa adduces numerous examples from the lives of the rightly guided caliphs showing how they adhered to the method of malamat. To give one example (which also is typical for the way Parsa construed his major work): He first quotes a story from Hujwiri¹¹ about the caliph Uthman who, although he had four hundred slaves working for him, went himself to his palm grove to fetch brushwood for the fire. When blamed for this by some people, he answered that he wanted to know for himself how it feels to do such work. Parsa then comments on this story: "This story is very clear, and it is an argument for the soundness of the Malamati method, that is, to give up one's [high] position and one's occupation with created things, and to refrain from showing off and paying eye-service. Malamat [blame] is what the Friends of God feed on, because in it there are traces of being accepted and because it is a sign of nearness [to God]. Malamat [blame] is what

⁹ Shihabaddin as-Suhrawardi, in his work *Awarif al-Ma'arif*, has a chapter on the Malamatiya, *Fi dhikr al-malamati wa sharh halihi*. Published in: Abu Hamid Muhammad al-Ghazali, *Ihya' ulum ad-din*, Bairut n.d., vol. 5, 90.

¹⁰ See the Turkish translation (Ali Hüseynoglu) published under the title *Tevhide Giriş*, Istanbul 1988, 462-469. I have given references to the Persian original (ms Vienna, Cod. Vindobonensis N.F. 335) in my *Doctrine and Organization: The Khwajagan-Naqshbandiya in the first generation after Baha'uddin*. Berlin 1998 (ANOR; 1), 47. This study has been translated into Russian and published in: Khismatulin, A. (ed.): *Sufizm v tsentral'noi Azii. Zarubezhnye issledovaniia*. Sankt Peterburg 2001, 114-199. – The principle of *malamat* is discussed at fol. 152a-161a in the Vienna manuscript. The whole work has been called an „encyclopedia of sufic lore“, and it brings together quotations and sayings from a great variety of authors; Parsa, as is well known, had a very fine library at his disposal, and most of the works he quotes certainly were part of it. See Maria Subtelny, „The Making of Bukhara-yi Sharif: Scholars, Books, and Libraries in Medieval Bukhara (The Library of Khwaja Muhammad Parsa“, in: Devin DeWeese (ed.), *Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel*. Bloomington 2001, 79-111.

¹¹ Hujwiri (d. 1072 or 1077), *Kashf al-mahjub*, ed. V. Zhukovski, Leningrad 1926. The story on the caliph Uthman is – almost verbatim – on page 72 of this edition.

the Friends of God drink, and whereas all people are glad to be accepted by the people, they are glad to be rejected by them".¹²

Parsa also quotes at some length from the writings of Abu Abdurrahman as-Sulami¹³ as well as other authors, lending their authority to his positive assessment of the Malamatiya. But there seems to be no direct statement that he saw himself or anyone else of the early Khojagan as immediate spiritual descendants of the Malamatiya.

In other writings stemming from the Khojagani current, the question is not discussed so frequently.¹⁴ What we have are mostly general statements such as that Sufis should hide their mystical states, that they should not mark themselves off by particular dress or headgear, that they should live among the common people and so on, all of them well-known principles of the Khojagan as well as of the earlier Malamatiya. But similarity in outlook does not prove an influence.

For instance, in the *Rashahat*, suffering is praised: You should not only accept suffering with sabr, but be grateful for it with shukr. But there is no reference to the Malamatiya.¹⁵ In another instance, Kashifi even says that the Sufi adept should choose the method of being scorned and scoffed at, since this leads him to the annihilation of self.¹⁶ Again, there is no mention of the Malamatiya, but no mention of the limits inherent in their method, either.¹⁷

In the hagiographic writings on Khoja Ahrar, too, some of the basic principles of the Malamatiya are taken up. There are warnings against making a show of one's piety (*riya'*); indeed it was central for the earlier Malamatiya not to lose the perfect sincerity in serving God alone which

¹² Parsa, *Fasl al-khitab*, ms Vienna, fol. 152 a, Turkish translation, 462.

¹³ Abu Abdurrahman as-Sulami (937 or 942-1021). His *Risalat al-malamatiya* was published in Abu I-A'la al-Afifi: *al-Malamatiya was-sufiya wa-ahl al-futuwa*. Cairo 1945, and also in German (abridged) translation by Richard Hartmann: „as-Sulami's *Risalat al-Malamatiya*“, in: *Der Islam* 8 (1918), 157-203. This is indeed one of the most important sources we have on the Malamatiya current, Hujwiri and Suhrawardi coming next.

¹⁴ I have dealt with the earlier Khojagani writings in my „The Khwajagan and the Powers that Be: Remarks on the Spiritual and Political Development of a Central Asian Sufi Current (13th-15th Centuries)“, forthcoming. In the present paper, the focus will be on the sayings of Khoja Ahrar.

¹⁵ Ali b. Husain al-Wa'iz al-Kashifi: *Rashahat ain al-hayat*. Ed. Ali Asghar Mu'iniany, Teheran 2536, vol. 2, 455, and another praise of affliction at p. 475.

¹⁶ *Ibid.*, 474.

¹⁷ See below, note 19.

they found so hard to attain (the quality of *ikhlas*), and of course, *riya'* is the very opposite of *ikhlas*. But I do not know of any passage in the works on Khoja Ahrar where such a position is explicitly linked to the Malamatiya.

It is here that a new source comes in. Recently, a volume entitled *Ahwal wa sukhanan-i Khwaja Ubaidallah-i Ahrar* was published in Teheran.¹⁸ It includes a piece called *Malfuzat*, "sayings", collected apparently by one of Ahrar's murids. This collection is an original piece. There are some sayings well-known from other sources, e.g., the *Rashahat*

¹⁸ Arif-i Nawshahi (ed.): *Ahwal wa sukhanan-i Khwaja Ubaidallah-i Ahrar*. Teheran 1380/2002. This volume includes a number of sources regarding Khwaja Ahrar. Among them is the source usually called *Masmu'at*, but named here *Malfuzat-i Ahrar ba-tahrir-i Abdalawwal-i Nishapuri*, one of the two „immediate“ hagiographic accounts written on Ahrar by one of his pupils, in this case, his son-in-law (the other one is the *Silsilat al-arifin* by Muhammad Qadi). For his edition, Nawshahi uses five manuscripts from Pakistan and Iran, but not those in Uzbekistan, Great Britain, India, and Turkey. He provides a list of those manuscripts he has become aware of (p. 113, additional 18 items). This list shows that the work was relatively well known in many parts of the Persian speaking world. A short glance into ms Tashkent, IVAN RUz-1, 3735/II, yielded the result that this is the same source. – The second text is the *Malfuzat* which is of interest here. Nawshahi says that this text has been printed in a very poor edition in Istanbul (which I have not seen) from ms. Esad Efendi 1815 (which I have not seen, either). Correcting statements made by the editors of this edition, he makes it clear that the work cannot be linked to Mawlana Muhammad Qadi, the author of the *Silsilat al-arifin* (which is evident for everyone who knows both texts). As the person behind the collection, Nawshahi proposes one Mulla Muhammad Amin Karaki (otherwise unknown), and he thinks that the collection was made in the first generation after Ahrar by one of his murids (498). The edition is based on a manuscript belonging to the private library of Muhammad Shafi' which is now kept in the National Library of Pakistan at Islamabad (no shelf number given). The text itself occupies p. 503-538 in the edition, it has been broken down by the editor to 163 paragraphs. References in the present paper will be to these paragraphs. – The third source in the volume is a collection of letters written by Ahrar to various figures collected by the editor from various printed and manuscript sources. He does not quote the new edition of autograph letters written by Ahrar: Gross, Jo-Ann and Asom Urunbaev: *The letters of Khwaja Ubayd Allah Ahrar and his associates*. Leiden&Boston, 2002. – The fourth part is the hagiographic account attributed to Mawlana Shaikh, usually just called the *Manaqib*, but entitled *Khawariq-i adat-i Ahrar* in this volume. The edition is made from two mss, kept in Istanbul and Patna. Again, the editor mentions two more copies, both in Tashkent. A very brief check (ms Tashkent, IVAN RUz-1, 9730) reassured me that this is indeed the same source. – The volume is a very precious addition to the source material available on Ahrar, since it gives good texts of the hagiographies written by Mir Abdalawwal and Mawlana Shaykh and publishes the *Malfuzat* for the first time. Most of the sources on Khwaja Ahrar are available in print now, the only one which rests in manuscript being the *Silsilat al-arifin*.

or the Faqarat,¹⁹ but most of the material seemed new to me. The sayings fit in well with what is known about Ahrar's teachings from other sources, and there are no anachronisms in the text; thus, I do not see why the material transmitted here should not be genuine. Ahrar apparently did not prevent his disciples from taking notes, and indeed, several collections of sayings are known, all very similar in outlook and format.

One of the points where this new source is particularly valuable is the light it allows to shed on the link between the Khojagan and the earlier Malamatiya. The Malfuzat stresses that one should hide one's mystical states and even one's good deeds (17, 54)²⁰, and that agriculture is preferred as a profession (54), a position which has been recorded from Ahrar in other contexts as well.²¹ It is also said that one should love the blame and the injures the people use to hurl at the sufis' heads, adding an argument that stems from the ontological monism propounded by the Khojagan: Since God is the doer of all deeds, and since there is no active subject other than He, He is also the author of all these bad names people call the sufis (62). It would thus be an impingement on the very strict monotheism (where indeed the influence of Ibn al-Arabi is visible)²² if the hostile utterances of the people were to be taken seriously.

In another saying with the same tendency the Malamati background is perhaps more evident; here we read that "affliction, trouble and pain [...] lift

¹⁹ This is another collection of sayings by Ahrar. I use the lithographed edition, Tashkent 1328. Nawshahi gives a survey of sayings recurring in the *Rashahat*. The *Faqarat* follow a slightly different method, the sayings in that collection tend to be longer, their focus clearly is on spiritual questions, whereas in the *Malfuzat*, more worldly subjects are also to be found. Yet another collection, but made probably considerably later, is available in ms London, India Office, Ethé 1919/IV. Whereas this is a secondary collection – the compiler makes massive use of earlier hagiographic sources – the first three seem to be primary collections, basically independent from one another.

²⁰ Let me recall that references are to the sayings which have been numbered by the editor, not to pages.

²¹ See my *Die politische und soziale Bedeutung der Naqšbandiyā in Mittelasien im 15. Jahrhundert*. Berlin 1991, 41–52, and also Jo-Ann Gross, „Multiple Roles and Perceptions of a Sufi Shaikh: Symbolic Statements of Political and Religious Authority“, in: Marc Gabrieau, A. Popovic, Th. Zarcone: *Naqshbandis: Cheminements et situation actuelle d'un ordre mystique musulman*. Paris/Istanbul 1990, 109–121, and „The Economic Status of a Timurid Sufi Shaikh: A Matter of Conflict of Perception?“, in: *Iranian Studies* 21/1–2 (1988), 84–104.

²² It can be surmised that from the times of Parsa onwards, Ibn al-Arabi was a major influence in the Khojagani current. See my *Doctrine and Organization*, 48–52.

the thick veil. Therefore it has been said: "The strongest affliction hits the prophets, then the Friends of God, and then their likes and so on" (108).²³

Another position also known from earlier Khojagani writings is that begging is abhorred (114). Here, the Malfuzat rejoins a particular Khojagani tradition rather than the Malamatiya who did not object to begging on principle. But Ahrar is noted for his accent on gaining one's livelihood by honest work (*kasb*), and it is well known that he did not permit begging.²⁴

So far, there is nothing sensational about the Malfuzat. The passages concerning the Malamatiya in Parsa's *Fasl al-khitab* provide considerably better evidence for an ongoing reception of their positions than these not very numerous and not very precise quotations, and the subjects most frequently linked with the Malamatiya are discussed much more extensively in other Khojagani texts. But there are two passages in the Malfuzat where Ahrar seems to refer himself to the Malamatiya as not only respectable pious Muslims, but as models on the mystical path, and indeed the spiritual predecessors of the Khojagan. Abdalkhaliq is credited with the following teaching: "The wayfarer on the Path must not distinguish himself outwardly (*zahir*) by any means from the people, and inwardly (*batin*) he has to be occupied at all times with the Beloved One, so that, if he succeeds in attuning himself to the Beloved One, an inner Truth reaches him. [...] And it is also for this reason that the Khojagan [...] outwardly mingle with the people and are inwardly with God. They are called the Malamatiya" (70).²⁵ It is this very simple identification of the Khwajagan

---

²³ This is not unique with this source; in the *Maslak al-arifin* – a Khojagani text dating perhaps from the middle of the 14th century – this tradition is alluded to as well. MS London, British Museum, Or 6490, 123a and 133a.

²⁴ See my *Die politische und soziale Bedeutung*, 60. I have discussed the position taken on begging in my „The Khwajagan and the Powers that Be“. The point is that poverty (*faqr*) is a good quality only if it does not become known. People who show their poverty or even, being poor, do not try to hide their state, do not gain any reward from that, they fall from poverty (*faqr*) to neediness (*haja*), and there is nothing laudable about that. On the contrary, it is an affirmation of self to have a *haja*: When the prophet Ibrahim was put into the catapult and Nimrud was about to have him thrown into the fire, the angel Jibril approached him, asking „Do you have a *haja*?“, and Ibrahim answered: „No, if it is from you“; and asked again whether he had a need from God, he replied that God knew best. This story is told by the Malamatis to show that God knows the state his servants are in; thus, it is not recommended to hold out one's hand with a *haja*. See Hujwiri, *Kashf al-mahjub*, loc. cit., 83.

²⁵ The last two sentences: *Ham az in jihat ast ki khanawada-yi khwajagan – qaddasa llahu arwahum – ba-hasb-i zahir mukhalatat ba-khalq mi-kunand wa ba-hasb-i batin paywasta ba haqq subhanahu and. Ishan-ra malamatiya mi-guyand.*

with the Malamatiya which – to the best of my knowledge – is not to be found in any other text. The position characterizing the Khojagan in this respect is very well known indeed, and it has become one of the most frequently quoted slogans of the later Naqshbandiya; but it is never mentioned that this is nothing the Khojagan invented, and that they themselves acknowledged to have inherited it from the pre-Mongol Malamatiya.

The text goes on: "And he [Ahrar] said approximately: Shaikh Shihabaddin²⁶ has said: The Malamatiya are that group who hide their good qualities with qualities which are the opposite out of fear to make a show of them. And there is no doubt that the Malamatiya in this respect fall short [of what is possible], since in this level, their own view, their good qualities and the opposite quality [which they use to cover the good one] still remain [and thus, they do not attain annihilation]. "Once more, Ahrar – like many other Khojagani writers – stresses that the Khojagan take up everything which is good and serious in other currents, but have overcome what is imperfect²⁷... But still, the identification with the earlier Malamatiya is explicit.

The other text: "He [Ahrar] said: The predecessors of the Khojagani tariqa are the Malamatiya. And the Malamatiya are a group of people who arrange their outward appearance so that it hides their bond of love (*nisbat-i hubbi*). But their appearance is not like the false image of the image-loving dervishes. God forbid that anything which is contrary to the sharia ever comes from them!"²⁸ Two verses follow which do not add substantially to this passage (94).

²⁶ This ought to be Shihabaddin as-Suhrawardi (1145-1234), see above. Indeed, Suhrawardi thought that the Malamatiya get stuck in an impasse on the mystical Path, they cannot transcend the level of *ikhlas* because of their constant fear to succumb to eye-service (*riya*). – What Ahrar then says is not quite what „orthodox“ Malamatiya would have stated. There is no point in hiding one's good qualities behind bad ones since that seems to imply that even unlawful behavior could be defended. The mainstream Malamati position is that good qualities and deeds should remain secret, and above all, that the mystical adept should not make known his spiritual position.

²⁷ Florian Schwarz: „*Unser Weg schliesst tausend Wege ein*“. *Derwische und Gesellschaft im islamischen Mittelasien im 16. Jahrhundert*. Berlin 2000. The quotation which Schwarz chose as part of the title is a programmatic statement.

²⁸ *ru'us-i tariqa-yi Khwajagan Malamatiya ast. Wa Malamatiya ta'ifa-i and ki zahir-i khud-ra bar wajhi mi-darand ki satir-i nisbat-i hubbi-yi ishan ast. Wa surat-i ishan na hamchu naqsh-i qalb-i surat-parastan-i darvishan ast. Na anki hasha az ishan chizi ki mukhalif-i shari'at bashad zahir shawad.*

We know that some of the heterodox and antinomian Sufi groups such as the Qalandars, Haidaris and the like²⁹ were justifying their behavior by references to the Malamatiya, and it is also well known that Ahrar had some clashes with such people.³⁰ But I do not know any other text where one of the leading Khojagan rises in defense of the Malamatiya against heterodox dervishes so explicitly.

These two quotations do what the other texts, Parsa's *Fasl al-khitab* above all, refrain from doing: They establish a direct spiritual link between the Khojagan and the Malamatiya, even if it is not corroborated by an organizational descendancy (*silsila*). Thus, what has been suspected from the times of Molé down to the present finds an impressing confirmation in the source now published by Arif-i Nawshahi. This of course does not mean that the Khwajagan took everything, or even an exceptional part, of their teachings from the earlier Malamatiya; other influences could be traced with equally good, or even better arguments.

*Poujol C. France,
Paris*

**UNE NOUVELLE SOURCE DOCUMENTAIRE SUR L'ASIE
CENTRALE À LA FIN DU XIXÈ SIÈCLE: LE VOYAGE EN ASIE
CENTRALE, PARIS-SAMARKAND, 1888, PAR RENÉ
KOECHLIN³¹**

Le genre du récit de voyage est très prisé au XIXème siècle. Plus encore, lorsqu'il concerne des contrées mythiques comme l'Asie centrale ou ses dénominations historiques comme la Tartarie ou le Turkestan, sur lesquelles s'enracine, le désir d'exotisme de générations d'Européens. C'est encore le cas aujourd'hui.

René Koechlin part pour Samarkand au printemps 1888. Son carnet de voyage dont il faut saluer la parution tranche par l'acuité et la justesse du regard porté. Prenant place dans un corpus déjà fourni de récits ethno-

²⁹ Ahmet T. Karamustafa: *God's Unruly Friends. Dervish Groups in the Islamic Later Middle Period, 1200-1550*. Salt Lake City 1994. This is the best study to date on all kinds of heterodox and antinomian Sufi movements. Karamustafa proves that all these currents originated farther West. But it seems clear enough that such movements were visible in Eastern Iran and Central Asia as well, see my „The Khwajagan and the Powers that Be“.

³⁰ For instance with a person called Mawlana Mir Jamal in Tashkent, *Rashahat* vol. 2, 643-4.

³¹ Publié aux Editions La Nuée Bleue, Strasbourg, 2002, 160 p. dessins de l'auteur.

graphiques, il s'en distingue par la relation qu'il établit entre l'introduction d'une innovation technologique majeure comme le chemin de fer et les transformations qu'elle va entraîner dans une zone jusqu'alors peu touchée par la modernité.

"Le moment était donc choisi, annonce-t-il dans son introduction, pour jeter un coup d'oeil sur ces pays de l'Asie centrale qui, presque inexplorés il y a dix ans, s'ouvrent aujourd'hui, avec leur caractère primitif, mais qui, envahis par la civilisation, auront bientôt complètement perdu ce caractère".

Cette phrase où le terme de "civilisation" évoque pudiquement la colonisation russe du Turkestan, est celle d'un ingénieur ayant réfléchi sur les conséquences économiques et socio-culturelles d'une avancée technologique qui transforme la notion du temps et de l'espace dans une région où celle-ci resta inchangée pendant des siècles.

René Koechlin est un homme de son temps, d'une lucidité et d'une honnêteté intellectuelle rares, conscient d'avoir été le témoin d'une période de rupture, de changement, d'ouverture. Auparavant, il fallait vingt six jours pour aller simplement de Tachkent à Boukhara à dos de chameau, trois ou quatre à partir de 1899 avec le chemin de fer pour un prix réduit de 75%, ce qui ne manqua pas de convaincre les plus réticents des autochtones qui identifiaient le train au "chaytan arba", le chariot du diable.

L'expérience de notre voyageur rend caduque, parmi d'autres, les affirmations actuelles selon lesquelles cette région oubliée du monde vit aujourd'hui des moments inédits et s'ouvre sous l'effet de la mondialisation. Comme si les conquêtes de Gengis-Khan, l'Empire de Tamerlan, la rivalité anglo-russe n'avaient pas déjà constitué des périodes d'ouverture et d'insertion dans les types de mondialisation dominant à des époques différentes.³²

***

Lorsque René Koechlin entreprend son expédition le 25 mars 1888, il n'ignore pas que de nombreux voyageurs, diplomates, aventuriers, marchands et rêveurs l'ont précédé et que bien d'autres encore le suivront. Il sait probablement que le général Annenkov, venu présenter à l'exposition universelle de Paris son chemin de fer Transcaspien, y avait lancé à la cantonade des invitations pour l'inauguration de la station Samarkand qui devait avoir lieu au mois de mai de la même année et que

---

³² FOURNIAU, V. *Histoire de l'Asie centrale*, Paris, PUF, 1994.

notre voyageur manquera de peu. Il comprend qu'il s'agit d'une voie stratégique, symbole et instrument de la colonisation russe, véritable prouesse technique pour les 474 km premiers kilomètres de voies posés en onze mois dans le lointain désert de Kara-Koum et sur ses dunes mouvantes.³³

Cependant, il ne sait pas encore que les soldats-sapeurs russes réquisitionnés pour la réalisation de ce projet qui, soit dit en passant, avait connu quarante versions, dont une signée de Ferdinand de Lesseps, étaient chargés d'accélérer des travaux hautement stratégiques. Il fallait en effet assurer à l'Etat major russe une revanche rapide après la terrible défaite de Geok Tépé en 1879 (aujourd'hui fête nationale au Turkménistan) (supprimer): le général Lomakin avait eu la stupeur de voir les boulets lancés par sa batterie de canons s'incruster dans les murailles de pisé, sans les détruire. Cette opération militaire qui, au départ justifiait la construction du chemin de fer Transcaspien sera réalisée deux ans plus tard, sans attendre que les rails permettant l'acheminement des soldats russes n'atteignent la forteresse.

Certes, il ne possède que peu d'informations au moment de son départ. Il n'a que 22 ans; il sort tout juste du polytechnicum de Zurich avec son diplôme d'ingénieur en génie civil en poche et surtout n'a disposé que d'un jour pour se préparer. Mais il ne lui faudra que peu de temps pour ajuster son regard et décrypter une réalité politique et sociale qui lui était inconnue.

Au cours des trois mois de son périple de 15 760 km, René Koechlin est un observateur efficace, pragmatique et curieux de tout. A cette époque d'expansion coloniale, il n'échappe pas à la puissante attraction exercée par l'Asie centrale, berceau mythique de l'affrontement entre "les touraniens nomades et les Aryens sédentaires" selon ses propres termes, lui qui, comme tant d'autres, a "rêvé dans sa jeunesse au désert et à ses caravanes (...) à l'Orient que la peinture a représenté et la poésie célébré".

Ainsi, dès les premières lignes du récit se révèle la personnalité attachante de l'auteur, sa maturité, son goût pour l'aquarelle qu'il entretiendra pendant son voyage et cultivera toute sa vie (il meurt en

---

³³ POUJOL, C., "La construction du chemin de fer Transcaspien au Turkestan de 1880 à 1917: reflet des mentalités et conséquences", *Innovations technologiques et mentalités*, pp. 187-206, Paris, CNRS, 1989.

Suisse en 1951), son ouverture d'esprit, la grande culture dont il semble doté et qui donne toute son amplitude à ce récit au style fluide et agréable, non dénué d'un certain lyrisme maîtrisé.

Ses notes sur le déclin de l'Empire Ottoman contribuent à la pertinence de son récit, tout comme sa description quasi-scientifique de la religion musulmane qu'il nomme islamisme, terme dont on connaît la fortune aujourd'hui et qu'il a relevé chez Elisée Reclus, seule référence livresque qu'il indique dans son texte.

René Koechlin est singulièrement intuitif, par delà une vision orientaliste classique pour son temps, lorsqu'il s'interroge sur le rapport entre l'immensité des paysages centrasiatiques et ce qu'il ressent comme une posture de contemplation de la part des populations locales dont il admire le calme et la sérénité.

De même est-on saisi par les énoncés prophétiques sur l'extraction du pétrole à Bakou et ses applications potentielles dans l'industrie européenne, pour peu que l'on puisse réduire les coûts de transport. Plus d'un siècle après les observations de notre jeune ingénieur, les problèmes demeurent pour l'Asie centrale, les difficultés d'enclavement et de communication entre les zones d'exploitation des matières premières et celles, situées à des milliers de kilomètres, où elles trouveraient acquéreur. Riche de cette expérience acquise, il n'est pas étonnant que l'œuvre de sa vie plusieurs années après son retour ait été la construction du premier Grand canal d'Alsace et un ensemble d'ouvrages qui rendirent le Rhin navigable jusqu'à Bâle.

En revanche, ce qu'il ne pouvait pas savoir, en tous cas pas écrire, concerne les échecs militaires (rares, mais cuisants) qu'ont rencontrés les armées russes dans leur progression dans la partie de l'Asie centrale qui deviendra le Turkestan russe, notamment contre les Turkmènes de la tribu des Tékké. Il dira par la suite que la bataille de Geok Tépé fut "difficile" et "avait montré combien il était nécessaire de créer une voie de communication de la Caspienne à l'intérieur du pays". Cela n'est guère étonnant étant donné ce qu'il nous dit de ses interlocuteurs locaux, en particulier du fils du général Milioutine, ancien ministre de la guerre de la Russie et qui fut, encore plus jeune que lui, le secrétaire d'Annenkov.

Il privilégie donc la victoire du général Skobelev du 12 janvier 1881, remportée quelques mois avant la construction de la station Geok-Tépé, alors qu'elle n'était encore qu'une forteresse où s'étaient réfugiés 40 000 Turkmènes à l'appel d'un puissant chef de confrérie soufi qui avait incité

ses troupes au djihad contre les "urus infidèles". Il rapportera qu'elle a causé la mort de nombreux soldats (russes), sans mentionner celle des 6000 assiégés turkmènes.

A-t-il su, en outre, que cette bataille s'était déroulée au son de la fanfare militaire, ce qui, lors de l'inauguration de la station provoqua la panique des populations locales dont la mémoire du massacre était associée à la musique russe. Pourtant, la résistance des Turkmènes et leur bravoure ont fait une très forte impression au sein de l'Etat major russe au point de susciter chez le vainqueur, le général Skobelev, une idée que René Koechlin désapprouve: opposer aux armées de l'Allemagne les hordes indisciplinées de cavaliers des steppes et des déserts, idée qui fera son chemin à l'occasion des guerres mondiales qui vont suivre.

Pour le reste, René Koechlin livre une étude sur la construction d'un chemin de fer colonial d'une précision rare en cette époque de grands projets transcontinentaux. De tous les voyageurs occidentaux qui ont emprunté le Transcaspien au moment de sa réalisation ou plus tard et qui en ont publié le récit, c'est incontestablement lui qui donne le plus de détails techniques et sociologiques: la façon de poser les rails en milieu désertique, la forme des lits traditionnels (dont l'usage s'est perdu aujourd'hui), la notoriété de la bière de Samarkand, la présence de billards dans tous les lieux publics où se réunissent les colons.

On y apprend ainsi au fil du texte, quantité d'informations précieuses qui permettent à la fois de se représenter la vie quotidienne dans le Turkestan russe à l'époque coloniale et ce qui a perduré dans cette région après plus d'un siècle de transformations économiques et sociales et bien des soubresauts politiques.

On peut noter enfin son courage pour affronter toutes les situations. Il voyage avec un revolver dont il ne fera usage que pour convaincre ses guides locaux de ne pas l'abandonner en plein désert. Il décrit avec minutie ses conditions de voyage parfois très éprouvantes (froid glacial, chaleur torride, moustiques, cancrelats, wagons improvisés, carioles bringuebalantes, repas parfois très frugaux, thé imbuvable), qui attestent de ses grandes capacités d'adaptation, bien nécessaires dans ces contrées encore aujourd'hui. Elles sont tout à l'honneur de ce jeune homme de bonne famille, protestant très pieux, ayant l'habitude du confort.

Il faut donc se réjouir de la parution du *Voyage en Asie centrale* de René Koechlin, livre inédit jusqu'alors et qui deviendra rapidement une source de référence en français, incontournable sur cette époque de transition politique, économique et technologique.

POLITICAL, CULTURAL AND ECONOMIC RELATIONS BETWEEN CENTRAL ASIA AND TURKEY IN THE PERIOD OF TEMÜR

Central Asia and Turkey in the last quarter of the fourteenth and the beginning of the fifteenth century witnessed the emergence of two states, the Ottoman and the Timurid, traditions of which were going to last for centuries, in fact even influence our way of thinking today, as histories and heritage of Turkey and Uzbekistan. In the period under discussion it was Temür in Central Asia and Beyazit in Turkey who were the leading figures. Yet to understand the period in its own terms we need to examine it from a vantage point relevant for that time. Here in this paper an attempt will be made to look at relations between Central Asia and Turkey at this specific process of state formation from two different levels as follows:

1. from the angle of comparative history;
2. from the vantage point of the history of the Turkic peoples in terms of some economic, cultural and political institutions leading to state formation and in terms of patterns of use and redistribution of human and land resources.

Evaluating the period during which Temür emerged as a regional power, from the vantage point of comparative history we might say that in the thousand years preceding this period there were periods of unity with universal claims. These formations in the history of the Turkic peoples (Huns, the ancient Türk Empire, the Uighur empire, and finally the world empire under Chinggis Khan), were accompanied by similar formations in China (like the Han and Tang dynasties), in other words this was a pattern ruling over the whole of Asian history in the first millennium of our era. Such periods of unity were followed by periods of fragmentation of political authority and localisation. These latter periods can be compared to many small hills coexisting together in spite of occasional earthquakes. The last quarter of the fourteenth century, on the other hand, marks a change in the history of Asia. This is the time when the earlier trend of universalist and localist concerns was reversed. From then on these two (universalist and localist) would not follow one another; instead out of the many hills in Asia distinct mountain peaks in

the shape of regional empires emerged. Among these the Ottomans were located in the west; Temür's state and the Timurids in the east.

Yet when we look closely at the process leading to the developments of the end of the fourteenth century, in terms of the history of the Turkic peoples, we see that there was a common economic, cultural and political background paving the way for change. The economic infrastructure had already been built since the times of the Seljuks, that is the eleventh century; it consisted of commercial networks, such as trade routes and caravanserais and trading companies called *ortaq*.

Cultural contacts between Central Asia and Turkey had also been prevalent since a long time, again starting with the Seljuks. During the time period of Temur we see that intellectuals, scientists, artisans, artists, dervishes traveled from one region to the other and made themselves at home. Major intellectual movements in Turkey whether we speak of Mawlana Jalal al-Din Rumi or Hajji Bektash Wali were connected to Central Asia. The term "Horasan Erenleri" that is saints of Khorasan is a blanket term in Turkish for these intellectual connections. Central Asian intellectual traditions and their features were incorporated in such a way into the Anatolian Turkish system that eventually it became their own. Kirsehir (Kyrsahr) and Kütahya- the capital city of Germiyan- provided the Ottoman capital with spiritual guidance and intellectual, bureaucratic know-how and manpower. It is on the basis such intellectual and aesthetic traditions that Bursa became a center; and then we see Bursa producing her own saints. In fact according to tradition, Amir Sultan of Bursa is believed to be the son of the famous Sayyid Shams al-Din Kü'lal of Bukhara. The Bursawi Amir Sultan who himself became a küregen (son in-law) to Beyazit was also called Shams al-Din.. As we know kü'lal means pottery maker. The coincidence that famous pottery makers of this time were called Shams al-Din makes one wonder about the symbolism of this name meaning "the Sun of God". Here at this juncture one can point out to the fact that these shaykhs who were influential in the inception of the new rule both in Central Asia and in Turkey were dealing with fire (as pottery makers) and bread as the example of an another shaykh called Somunju Baba tells us.³⁴ What is intriguing is the fact that Amir Sultan

³⁴ The significance of the symbolism of fire, family hearth and oven-pit for forging new community has recently been elaborated upon in relation to conversion and enthronement ceremonies See DeWeese. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde*. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1994.

who was believed to be a sayyid from far away Bukhara became the local saint (protector) of Bursa, whereas Somuncu Baba whose origins are somewhat obscure who was uwaysi and a malamati in the fashion of the mashaikh-i Turk in Central Asia, had a great impact on the emergence of protector saints of other cities, such as Ankara (Hajji Bayram Wali), and later Istanbul (Khudai), Aq Shams al-Din.

What was furthermore another common ground leading to these developments was that Temür and the Ottomans were not descended from the Golden Seed dynasty (Altan Urugh of Chinggis Khan). They were tribal leaders begs in their own right. Temür never claimed the right to be called a Khan, but he came to rule as Sultan and sahibqiran according to Islamic principles. The Ottomans, on the other hand, did not have any qualms against raising themselves into khanship, they were both khans and sultans. The political structures that Temür and the Ottomans formed recognized Islam as the guiding spirit, the latter more so than the former. In other words they were not as multi-devotional as the state and empire created by Chinggis Khan, neither did they claim a special relationship with supernatural powers. They acknowledged and collaborated with spiritual leaders and gave them a place within their new order. Temür and the early Ottomans functioned within the abode of Islam and used an Islamic discourse. At the beginning they both saw their role among Turkish speaking peoples, but Temür more so than the Ottomans whose leaders eventually turned to Christian populations for resources and manpower. Timurid and Ottoman rise to power came into emergence where the abilities of the nomadic and sedentary societies could be combined under the aegis of Islam.

On this foundation of economic, intellectual and aesthetic networks that had been prevalent between Central Asia and Turkey, there emerged a fierce political competition within each region. Looking at the developments at the end of the fourteenth century from the present, with a hindsight we tend to speak of these two regions as two distinct entities (Central Asia and Middle East). Yet at that time there was no such distinction. Competition between political formations could be seen in the belt along the old caravan routes connecting China and the Mediterranean. Contenders were many.

An evaluation in terms of comparative history within the history of the Turkic peoples shows that the leadership in these two regions displays common features in terms of ways and methods of creating

mountain peaks out of hills, that is in terms of formation of states out of principalities. Earlier we used to look at these developments in a diffusionist way, we thought that they were great warriors which in fact they were, they had power and extended their power into the adjacent regions by force. Such a statement is of course still valid. However, that would be the story of what happened in terms of outward appearances.

Comparative history can show us how it happened and how the "retinue" institution was an important element in state formation. Here what we see is the basis upon which the so-called "warrior society" was built. The warriors emerged as victors by gaining the support other groups. The warrior societies in each case consisted of companions, comrades in arms assembled around a leader. The companions are referred to as a "retinue" organization in English, nökör, yoldash in Turkish. The activities they carried out, are referred to as "qazaqlıq" days in Central Asian literature. Qazaqlıq means deciding on your own in an independent minded way, with people who are independent of their clan/tribal loyalties. An experience of qazaqlıq has been a prerequisite for formation of states from clan/tribal societies. This organization was the necessary step between tribal and state societies.

In the last quarter of the fourteenth century, however, we witness a diverse combination of nomads and sedentary populations along the arid belt of Asia. The situation was more complex than in former periods when tribal people were also nomads. This time sedentary people were rural and urban. Nomads were both in tribal form and in non-tribal form. In Anatolia and in Central Asia the deciding elements were the non-tribal groups. In Anatolia they have been referred to recently as mercenaries organized as bölgü. These nomadic warriors had already entered a symbiotic relationship with Anatolian urbanites. In Central Asia the non-tribal populations were referred to either as qara'unas the "hybrid" or the jete, the "bandits." The former were located to the west of the Pamirs, the latter to the east. As evident they were not self-appellations but names given by adversaries. The warriors that we speak about were going to emerge from among the tribal or non-tribal nomads; Temür was of the Barlas clan, whereas Ottomans at that time had no clan name. Later they established their connections to the Qayi clan. In terms of comparative history it is intriguing to see how the "warrior society" in each case emerged as a non-tribal group and superimposed itself on the prevalent urban and rural populations. Yet they did not venture into such an activity

by sheer force. They were an inclusive group and found supporters especially among urban populations. In each case support came to the warriors from people of spiritual backgrounds and from people with a bureaucratic know how.³⁵ With this support then the warriors, the political leaders acquired legitimacy by overcoming the then symbols of legitimacy and rule. In our sources the victors are portrayed as generous and just while the losers are seen as selfish and arbitrary. It is by vanquishing these persistent adversaries that hegemony is established.

All the components of this process, that is warrior groups, sources of legitimacy, spiritual guidance, bureaucracy, final adversaries came from the earlier rival political formations. Therefore it was also important that the smaller political organizations the beylik, the tribe, urban groups should not be structurally alike.³⁶ At the basis of the two state formations that emerged in the west and in the east of the arid belt of Asia there was diversity. Yet, diversity created unity. Depending on circumstances this process leading to unity could last over generations of leaders or might be completed in one generation under one leader. Temür was a leader who using the diversity surrounding him for his own ends, completed this process during his lifetime.

Under the Ottomans this process had started with Osman (beginning of the fourteenth century), the founder of the dynasty and even by the time of Beyazit it was not yet completed. The battle of Ankara might then have contributed to its further prolongation. However, the longer duration led to a firmer consolidation, so that eventually the Ottomans emerged as an empire that lasted over six centuries.

In the Timürid case the swiftness of the operation and Temür's command over earlier state traditions (probably because he was surrounded by real tribal leaders) leading to state formation brought about a flowering of the arts and literature, the so-called Timürid Renaissance. Yet, on the other hand, the swiftness of the state formation did not leave time for shock absorption and thus led later for a search of other political alternatives. We have yet to account for and understand this differences of duration. But looking both from the perspective of the history of the Turkic peoples and comparative history, we can say that

³⁵ Isenbike Togan, "Türklerde Devlet Olusum Modelleri: Osmanlarda ve Timurlularda" Prof. Dr. Ismail Aka Armagani Ismail Aka Armagani. Izmir 1999: 71-84.

³⁶ Isenbike Togan, *Flexibility and Limitation in Inner Asian Formations. The Kerait Khanate and Chinggis Khan*. Leiden: E.J. Brill, 1998.

such a process of state formation (meaning both the Timürid and the Ottoman) happened in the last quarter of the fourteenth century in regions where nomads and sedentary people happened to form a symbiotic relationship under the aegis of Islam.

When we look at the policies formulated in the two regions more closely we see that in Amir Temür's Anatolian politics there was an economic concern and this concern can be discerned from his conquest of Izmir and thus adding this settlement at the seaside to cap the trade routes connecting Central Asia to the Mediterranean, and to China on the other hand. Amir Temür's Anatolian conquests differed from those into Moghulistan (present Eastern Turkestan) and the Golden Horde in that they were not disruptive to trade routes and the caravanserais along these routes. In this policy the route leading north of the Caspian and the Black Sea was not encouraged, and as a result Saray the capital of the Golden Horde –locate to the north of the Caspian Sea–did not recover after these campaigns. His last campaign also shows that Amir Temür was very much interested in the upkeep and the security of the old caravan route between China and the Mediterranean. His homeland and his capital Samarkand were going to be at the center of these economic arteries.

Beyazit's conquests in the Balkans, on the other hand, were paving the way for new routes in Eastern Europe and the Balkans. In certain ways Beyazit's policies were working against the interests of the commercial powers of the Mediterranean. The economic implications of the emergence of these states have only recently come under investigation.³⁷

Not only in terms of trade routes but also in other respects these two states whose leaders Temür and Beyazit eventually became adversaries, differed. They had quite distinct policies in terms of the constitution and base of the state reflected in the redistribution of land and human resources. The Ottomans preferred a policy in which not amirs or begs but tribute boys (and for that matter slave girls) from the conquered areas became the backbone of the new state. They also promulgated state ownership in land, redistributed to individual soldiers as týmar. Under Temür, on the other hand, the soyurghal that is land grants to princes, the tribal leaders (beg) notables were prevalent. These policies would have a lasting impact on later centuries. Even at their inception periods, that is

³⁷ Janet Abu-Lughod, *Before European Hegemony*. Oxford: Oxford University Press, 1989.

the second half of the fourteenth century, they brought the two leaders (Temür and Beyazit) to a clash. After the victory Temür reinstated the begs whose territories had been taken over (confiscated) by Beyazit, he also appointed Beyazit's sons as with their respective "share's in the Central Asian fashion. Whereas the Ottoman practice had been against the division of the patrimony. However, it was not the begs but the timar system that was going to take a hold in Turkey. While in Turkey the system of indivisible patrimony took hold, whereas in Central Asia redistributive patterns that we call *ülüş* were going to be the norm. With these changes we can rightly speak of two regions especially after the middle of the fifteenth century. These two regions also developed two distinct cultural and literary traditions, the Chaghatai (early Özbek) and Ottoman. These two peaks have been long lasting in history of the Muslim Turks especially in terms of the language of culture that they introduced. Other Muslim Turks (the Eastern Chaghatai, Kazakhs, Kyrgyz, participants of the Golden Horde, such as the Crimean and, Kazan Tatars, Bashkorts, Nogais...) later found their place within these two traditions.

Conclusion

Looking back from the present it is striking to see how resolutely the leaders devised their strategies. Such an observation shows that at this juncture in the history of the Turkic peoples, that leadership was not defined by predestination, or by heredity that is by dynastic connections. Leadership did not only entail personal qualities of organization and administration, but also a familiarity with ways, methods and traditions of state formation. Furthermore the leaders also needed to be aware of the perceptions and expectations of the people. In this latter instance Temur seems to have been more sensitive than Beyazit. Associates of Temur were tribal leaders who knew the earlier customs well. But Temur himself was very skillful in generating a careful balance between different groups: nomads, settled populations, Turkic peoples, Tajiks, the ulama and the dervish, the Meshayikh-i Turk (ZVT and Manz).³⁸ He spent nineteen years (1370-1389) for the internal organization of his realm. In his realm regional competition was not destroyed, also traditions of deliberation and deciding upon consensus were not

---

³⁸ Togan, Zeki Velidi. *Timur Tarihi*. (in preparation) and Beatrice F. Manz. *The Rise and Rule of Tamerlane*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

abandoned. In this realm the smaller centers of decision making were symbolized by the soyurghals. Campaigns were used for the enhancement of the centers at home. Timurid architecture was not concentrated only in Samarkand, but in other places such as Yasi, Kesh, Bukhara as well. Artisans were brought from Damascus, Tabriz and other places to embellish his realm. In other words glorification of Temur and the dynasty he founded was not concentrated in one center. Thus he was able to consolidate his rule among his rivals. Both Temur's and Beyazit's adversaries were located close to their heartlands, that is their areas of consolidation of power. Beyazit, however, could not incorporate his adversaries, notably the Karaman in the same way. He finally encountered opposition from his immediate elbowroom, his allies and supporters and his in-laws, the Germiyan. The major problem in Beyazit's case was his land policy as mentioned above.

All of the above considerations show that before the creation of the two traditions (Ottoman and Timurid), there was a common language between Central Asia and Turkey in terms of politics, political behavior and action, intellectual, spiritual and aesthetic pursuits. During the course of the fourteenth and even fifteenth centuries there was too much give and take between Central Asia and Turkey. As a result it is quite natural that there would be a lively cultural interaction between these regions that look distinct to our eyes from our present vantage point. However, until the sixteenth century Central Asia seems to carry the torch and shed light on the cultural life of Turkey under the Ottomans, a factor which again contributed to their longevity. The Ottomans were able to benefit from the Timurid renaissance.

*Абиджанова Д.С.,
Ташкент*

**ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УСТРОЙСТВА В МАВЕРАУННАХРЕ В КОНЦЕ XIV –
НАЧАЛЕ XV ВЕКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Создание Амиром Темуром мощного централизованного государства на территории Маверауннахра в конце XIV – начале XV в. – один из важнейших этапов в истории Центральной Азии. Целост-

ность и устойчивость этого государства во многом зависела от методов правления и административной системы. Представляется необходимым проанализировать научную литературу, посвященную этой актуальной проблеме – эпохе правления Темуридов: как характеризуют исследователи государство, созданное Амиром Темуром, какое значение придают они вопросам административного устройства, формам землевладения, законодательной системе?

Известно, что Амир Темур раздавал отдельные части государства в управление прежде всего членам своей семьи, в отдельных случаях – прежним владельцам, а также своим приближенным, выдающимся эмирам, главным образом из числа чагатайских беков.³⁹ Гератское владение, например, было передано в суюргал третьему сыну Темура Миран-шаху в 1383 г., Фарс – Омар шайху в 1393–1394 гг., бывший престол Газневидов – Пирмухаммаду, сыну Джахангира (1392 г.). При жизни Амира Темура эти владения подчинялись его верховной власти и, как в своё время отмечал А.Ю. Якубовский, государство Темура представляло собой совокупность феодальных владений, объединённых в единое государственное целое.⁴⁰ Известный историк М.Е. Субтелни отмечает, что позже "при Шахрухе, Абу-Саиде земли в суюргальное пользование передавались уже не только членам семьи, но и представителям тюркской военной элиты, а также высшим слоям иранского оседлого населения".⁴¹

В экономике страны основной социальной опорой Амира Темура и Темуридов были крупные землевладельцы. По форме владения земля делилась на несколько категорий: государственную, мульковую и вакфную. В этот период широкое распространение получила одна из форм передачи в лен государственных земель – суюргал.⁴²

В своих исследованиях М.Е. Субтелни дает подробную характеристику формам землевладения и налогообложения, существовав-

³⁹ Subtelny M.-E. Centralizing Reform and its Opponents in the Late Timurid Period / Iranian Studies. – Vol. XXI. – 1988. – N 1-2. – P. 124-125.

⁴⁰ Якубовский А.Ю. Темур (Опыт краткой политической характеристики) // Вопросы истории. – 1946. – № 8-9. – С. 67.

⁴¹ Subtelny Maria Eva. Centralizing Reform... – P. 25.

⁴² Мукминова Р.Г. Социально-экономическая жизнь в Маверауннахре времени Амира Темура / Б. Ахмедов, Р. Мукминова, Г. Пугаченкова. Амир Темур. Жизнь и общественно-политическая деятельность. – Т.: Университет, 1999. – С. 70.

ших в Маверауннахре в XIV-XV вв. Она отмечает, что для этого периода была характерна восточная форма лена – суюргал, который представлял собой передачу в наследственное владение и управление землей с правом взимания с её жителей государственных налогов и податей целиком или частично в свою пользу.

Суюргал, как восточная форма землевладения, существовала и до Амира Темура, однако именно при нём она обрела черты, характерные для этого феодального института. Некоторые суюргальные земли с разрешения государственной власти переходили в наследственное пользование из поколения в поколение. Широко практикуемая при Амире Темуре система раздачи пожалований обширных землевладений создала условия для увеличения числа крупных землевладельцев, стремившихся к независимости.

Значительную роль играли также так называемые тарханы. Они пользовались огромными богатствами и привилегиями, передававшими, как правило, по наследству. В результате они сосредоточили в своих руках вместе с большими владениями также и политическую власть. Некоторые из них владели крупными областями (Мианкаль, Бухара, Ташкент и др.), по территории равнявшимися подчас отдельным государствам, и пользовались почти полной независимостью.⁴³ Их земли расширялись также за счёт купли-продажи новых земельных участков.⁴⁴

Система раздачи земель государства на условиях суюргала способствовала накоплению в стране скрытых центробежных сил, способных в критический момент сразу же нарушить целостность государства, что и случилось после смерти Амира Темура. Но во время его правления существовавшая система обеспечивала относительную стабильность. И в этом была заслуга Амира Темура, который полностью контролировал своих вассалов, администрацию, доходы и войско.⁴⁵

Система, созданная Амиром Темуром, гарантировала безопасность, так как была скреплена военным режимом и строжайшей дисциплиной, основанной на неограниченной личной власти. Управление страной осуществлялось через главную администрацию – канцелярию

⁴³ Мукминова Р.Г. Социально-экономическая жизнь в Маверауннахре... С. 71-73.

⁴⁴ Хидоятов Г.А. Моя родная история. – Т., 1990. – С. 182.

⁴⁵ Jamaliddin S. The State under Timur. A study in Empire building. – New Delhi, 1995. – P. 180.

Дивани-бузург. В каждой местности существовала местная канцелярия, так называемый диван, ведавший государственными делами: сбором налогов, поддержанием порядка, содержанием общественных зданий и ирригационной сети, наблюдением за населением. Диваны вели тетради учёта (дафтары) доходов и расходов на тюркском и персидском языках.⁴⁶

Путешествуя по стране, испанский посланник Р.Г. Клавихо отметил, что "в городе Самарканде соблюдается законность, так что ни один человек не смеет обидеть другого или совершить насилие без приказания сеньора."⁴⁷ Клавихо писал: "Сеньор всегда возит с собой судей, которые распоряжаются его станом и домом, а когда они куда-нибудь приезжают, то и жители тех земель все их слушаются. Эти судьи предназначены для разных дел и распределены так: одни разрешают важные дела и ссоры, которые случаются; другие ведут денежные дела сеньора, третьи распоряжаются наместниками, правящими в землях и городах, зависимых от него, иные – посланниками. А когда становится стан, они уже знают, где каждый из них должен быть и вести свои дела. Они ставят три шатра и там выслушивают и решают дела тех, кто к ним приходит. Потом идут и докладывают сеньору, после чего возвращаются и выносят решение по шести или четырём делам сразу. Когда они приказывают выдать какую-либо грамоту, тут же находятся их писари и пишут её тотчас без задержки, а когда она готова, её заносят в регистрационную книгу, которая всегда при них, и ставят знак, потом передают грамоту судебному чиновнику, чтобы он её видел, и тогда он берёт серебряную резную печать, смазывает её чернилами и ставит на грамоту,... потом её берёт другой и записывает и отдаёт своему начальнику, и тот ставит на ней ещё чернильную печать. Когда так сделают трое или четверо судебных чиновников, в середине ставят царскую печать, на которой буквами написано "правда", а в середине три знака, так что каждый советник имеет своего писца и свою регистрационную книгу, а эта грамота такова, что её выдадут, стоит только пока-

⁴⁶ Муминов И.М. Роль и место Амира Темура в истории Средней Азии // ОНУ. – 1993. – № 7. – С. 16.

⁴⁷ Клавихо Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканد ко двору Темура (1403-1406) / Пер. со староиспанского И.С. Мироковой. – М., 1990. – С. 142.

зать на ней печать принцев и царя, как все исполняется в тот же день и в тот же час без малейшего промедления".⁴⁸

Известно, что некоторые дополнительные налоги были предназначены на содержание чиновничьего аппарата. Например, общее наблюдение за управлением вакфов и вакуфным имуществом осуществляло специальное учреждение во главе с садром. С вакуфных имуществ канцелярия садра получала особый налог, который и употреблялся на содержание аппарата управления вакфами. Лишь специальным указом государя вакуфное имущество могло быть извлечено из-под контроля канцелярии садра и избавлено от этого налога. Садр и его чиновники стремились урвать побольше из вакуфных доходов, на этой почве часто разгоралась борьба. Некоторых садров смещали за злоупотребления.⁴⁹

Т. Ленц и Г. Лоури отмечают, что "стабильность государства Амира Темура была основана не только на военной силе. Амир Темур и его наследники манипулировали всем комплексом социальных, политических и культурных традиций тюрко-монгольского наследия".⁵⁰

Очевидно, система правления в государстве Амира Темура была довольно гибкой и в определенной степени эффективной в силу того, что он не разрушил имеющиеся институты власти, а пытался их приспособить, а в последующем изменять структуры соответственно обстановке и времени. Р. Гроссе называет эту политику "уклончивой и казуистической", говоря, что Амир Темур подменял тюркское правление монгольским. Однако это неверно, как и утверждение, что в империи Амира Темура "культура была тюрко-персидской, юридическая система – тюрко-чингизханской, политика – монголо-арабской". По мнению этого исследователя, всё это вело в совокупности к тому, что "в империи Темура не было стабильности, характерной для Чингиз-хана"⁵¹, причём прочность государства монголов Р. Гроссе объясняет" этно-социальными причинами: т.е.

⁴⁸ Клавихо Р. Г. Дневник путешествия... – С. 142.

⁴⁹ Гафуров Б.Г. Таджики. В 2-х книгах. – Кн. 2. – Душанбе, 1989. – С. 231.

⁵⁰ Lentz T., Lowry G. Timur and image of power //Timur and the Princely Vision. – P. 27.

⁵¹ Grousset R. The Empire of the Steppes: A History of Central Asia. – New Brunswick: Rutgers, 1970. – P. 418.

кочевники-скотоводы подчинили оседлых людей своему контролю"⁵², что также является весьма спорным.

Б. Манц в отличие от Р. Гроссе относительно структуры и функций администрации в государстве Амира Темура отмечает, что Амир Темур унаследовал две хорошо развитые системы правления, "одну – тюрко-монгольскую, другую – арабо-персидскую". Под "арабо-персидской администрацией" Б. Манц подразумевает систему, которая сохранила методы управления оседлых народов – персов и арабов. По её мнению, Амир Темур использовал бюрократию, которая существовала на территориях оседлых народов в управлении завоёванными землями, и в то же время противопоставлял эту бюрократию другой администрации, созданной в тюрко-монгольской традиции и укреплённой членами чагатайской элиты.⁵³ Таким образом, используя обе системы, Амир Темур смог добиться их эффективного взаимодействия. По мнению Б. Манц, существовал не один, как считают некоторые ученые, а два дивана: диван-ала – в котором работали "персидские бюрократы (чиновники)" и Чагатайский дивани-бузург. Но чёткого разделения гражданских и военных дел не было, поэтому, пишет Б. Манц, "отделить персидскую администрацию как только гражданское, а тюрко-монгольское как только военное ведомство, было нельзя".⁵⁴ Действительно, мы можем говорить о сочетании двух традиций в сфере административной структуры – элементов монгольской и "персидской" структур государственного устройства. Как отмечал В.В. Бартольд, "империя Тимура была уникальным сочетанием тюрко-монгольской политической и военной системы".⁵⁵

Следует выявить, что подразумевается под определениями "персидское влияние, персидская бюрократия", которые часто используются Л. Голомбек, Г. Лоури, Т. Ленц. Речь идет о представителях не персидской (иранской) народности, а оседлого населения тех территорий, которые входили в состав государства Амира Темура. Однако в некоторых случаях отдельные авторы употребляют

⁵² Grousset R. The Empire of the Steppes: A History of Central Asia. – New Brunswick: Rutgers, 1970. – P. 418.

⁵³ Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. – New York, 1989. – P. 107.

⁵⁴ Ibid. – P. 107.

⁵⁵ Bartold V.V. Four studies on the history of Central Asia. Trans. V. Minorsky. – Vol. II. – P. 1.

данный термин "Persian" в широком и более общем смысле, чем это было в действительности. Особенно это касается культуры и языка. Известно, что в XIV в. на территории Маверауннахра народы имели самобытную культуру, впитавшую традиции и тюркской, и персидской культур и издревле имевшие свою письменность. Поэтому следует принимать употребление этого термина лишь условно.

Б. Манц отмечает: "При обсуждении оседлой бюрократии и людей, которые в ней работали, я использую слово "Persian" скорее в культурном смысле, чем в этнологическом. Почти во всех землях, которые вошли в состав государства Темура, персидский был преобладающим (первичным) языком администрации и литературной культуры. Таким образом, язык дивана был персидский и его писцы были строгими последователями персидской культуры, независимо от этнического происхождения".⁵⁶ Однако это утверждение, на наш взгляд, не совсем верно, т.к. при дворе Амира Темура говорили и писали как на персидском, так и на тюркском (староузбекском) языках. Так, например, И.М. Муминов в своем исследовании "Роль и место Амира Темура в истории Средней Азии" упоминает документы на староузбекском языке, один из которых "Указ с печатями Амира Темура бин Мухаммада Тарагая Бахадура" (1391) хранится в фонде Института востоковедения АН РУз. Это свидетельствует о том, что чиновники в администрации вели документы не только на персидском, как пишет Б. Манц, но и на тюркском языке. Более четко и правильно выразила свое мнение индийский историк М. Хайдар, которая считает, что "туркское" влияние на политическую систему Темуридов было не равнозначным, а преобладающим.⁵⁷

Что же представляла собой администрация Амира Темура и каковы были её функции? В работах Б. Фрагнера, Б. Манц, Р. Фрайя изучается административная система и структура государства Амира Темура. Б. Манц одной из самых важных функций государства считает сбор налогов (выделено нами – Д.А.) в провинциях государства Амира Темура, которые осуществлялись членами оседлой и кочевой бюрократии. Кроме этого, осуществлялась инспекция,

⁵⁶ Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane... – P. 109.

⁵⁷ Haider M. The Sovereign in the Timurid State (XIV-XV centuries) // Nurmica – Paris, 1976. – P. 62.

проверка местных диванов людьми из Центрального Дивана.⁵⁸ Действительно, контроль над местной администрацией и сбор налогов были основной, но не единственной обязанностью чиновников. Согласно "Уложению Темура", вышеупомянутые функции возлагались Амиром Темуром на его четырёх визирей.

Один из них – "визирь провинции и народа" – должен был сообщать государю о событиях и делах, происходящих в администрации, доставлять данные о податях, налогах, давать полный отчёт о количественном составе населения, о развитии торговли и положении полицейского надзора в государстве.

Второй – "военный визирь". В его обязанности входило представлять сведения о войсках и реестрах жалованья в войсках, о месте расположения последних для предотвращения их разбросанности, а также обо всём, что касалось военного дела.

Третий визирь обязан был охранять от расхищений имущество отсутствующих, умерших, дезертировавших и распоряжаться им при отсутствии наследников; он же следил за пожертвованиями, а также за налогами, взимаемыми с путешествующих купцов.

Четвёртый визирь управлял делами всей империи. В его функции входил контроль за государственной казной и за деятельностью и финансами всех учреждений империи, вплоть до расходов на содержание лошадей и других выочных животных.⁵⁹

Кроме этих четырёх визирей, в "Уложении" говорится ещё о трёх визирях-интендантах, назначенных "в пограничных областях и внутри государства, для неусыпного надзора за охраной провинций и управления государственным имуществом. Эти семь визирей или министров были подчинены начальнику Дивана, и, обсудив с ними все дела, касавшиеся финансов, они доводили их до моего (Амира Темура) сведения".⁶⁰

Таким образом, мы видим, что все наиболее важные посты для организации контроля над страной были в поле зрения самого Амира Темура.

⁵⁸ Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. – Р. 110.

⁵⁹ Уложение Темура / Перевод с персидского Х. Кароматова, предисл., примеч. и коммент. Б. Ахмедова. – Т.: Изд-во лит. и ис-ва им. Г. Гуляма, 1999. – С. 352.

⁶⁰ Там же. – С. 56.

По мнению Б. Манц, Амир Темур, предоставляя определённую долю власти визирам, в то же время предпринимал меры для её ограничения, т.е. центральная власть контролировала местную администрацию, сама центральная власть контролировалась Темуром. "Чиновники Центрального дивана, которые передвигались вместе с Темуром и постоянно были у него на глазах, по-видимому, обладали небольшой властью, – отмечает Б. Манц, – самым тяжёлым наказанием для глав Центрального дивана было увольнение или заключение в тюрьму".⁶¹ По сравнению с ними власти на местах, в провинциях, имели больше возможностей, были более независимы, что, видимо, не ускользало от внимания Темура. Поэтому он довольно часто посыпал проверочные комиссии. Как отмечал И.М. Муминов, "согласно его предписаниям время от времени производились допросы (пурсиш), ревизии (тафтиш) и проверки (таккик) деятельности администрации, причём за злоупотребления жестко наказывались даже самые близкие люди. Когда речь шла о чести, достоинстве и интересах государства, Амир Темур не щадил ни себя, ни своих сыновей, ни внуков, ни родственников. В своих государственных делах он оставался непоколебимым".⁶²

Б. Фрагнер в своем исследовании, изучив такие документы, как фарманы, маншуры, проводит аналогию с документацией, используемой при дворе аббасидских халифов, отмечая при этом влияние исламской культуры. Он описывает также специфические дипломатические формуляры и декреты, используемые при дворе Амира Темура, а позже – бабуридскими правителями в Индии, делая вывод о том, что наследие Темуридов проявилось и сохранилось в империи Бабуридов. Б. Фрагнер отмечает, что ставит задачей рассмотреть, почему и каким образом Амир Темур стал считаться "идеальным правителем" в Центральной Азии.⁶³ Причины, по мнению автора, заключались в том, что чиновники наказывались за злоупотребления и превышение норм сборов; в отдельных случаях даже заставляли возвращать крестьянам то, что было взято у них сверх нормы. По

⁶¹ Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane... – Р. 114-115.

⁶² Муминов И.М. Роль и место Амира Темура в истории Средней Азии. – Т.: Фан, 1968. – С. 16.

⁶³ Fragner B. Amir Temur's administrative reforms and its impact on the state chancelleries in Central Asia, Iran and India until the 19th century. – Tashkent, 1996. – Р. 10.

слушаю каких-либо торжеств отдельные области на некоторое время освобождались от хараджа (налогов).⁶⁴

В покоренных городах Амир Темур назначал при дворах людей, которым вменялись определённые функции. Одни регистрировали богатство и казну, другие собирали моли-омон.

Часто население доводилось до крайней нищеты не только и не столько самими налогами, сколько злоупотреблениями чиновников, сверх нормы собиравших значительный куш. Для восстановления платёжеспособности населения отдельные Темуриды пытались бороться с самовластием чиновников. Известны случаи не только отстранения их от должности, но даже и казни.

Таким образом, существовавшая при Темуре система правления обеспечивала достижения поставленных задач: сохраняла контроль над территориями; управляла подвластным ему населением.

*Абусеитова М.Х., Тулибаева Ж.М.,
Алматы*

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XIV-XVII ВВ.

Исследования взаимовлияния и взаимообогащения культур разных народностей Центральной Азии всегда привлекали внимание ученых. Написаны многочисленные работы историков и востоковедов Узбекистана, где раскрываются страницы далекого прошлого и многогранная история народов Центральной Азии. В том числе особое внимание уделялось изучению многовековой истории городов Узбекистана – колыбели древнейших центров ремесла, торговли и культуры. Города развивались в тесном контакте с окружающими их селениями и соседними областями. Взаимовлияние разных народностей благоприятно отражалось на общем развитии городов. Среди таких исследований особо следует отметить работы Р.Г. Мукминовой, в которых на конкретных материалах раскрываются жизнь города и его обитателей, их связь с жителями других населенных пунктов. Многовековое соседство и общность исторических судеб способствовали тесному общению соседствующих народностей, хо-

⁶⁴ Гафуров Б.Г. Таджики... – С. 228.

зяйственному и культурному взаимообмену. В своих трудах Р.Г. Мукминовой удалось решить ряд вопросов историко-источниковедческого характера, имеющих большую ценность также и для изучения истории казахского народа и Казахстана.⁶⁵

Обмен культурными ценностями является столь же древним, как и сама история. Целый ряд свидетельств археологических, письменных, устных источников доказывают глубокие связи народов. К примеру, в свое время использование верблюда, лошадей произвело переворот в международных отношениях. Обширные, недоступные до этого степи и пустыни, отделявшие друг от друга культурные оазисы, стали доступными для переходов, что устранило препятствия для самых широких культурных взаимодействий.

Историко-культурные связи народов Центральной Азии имели большое разнообразие форм. При исследовании этих контактов выделяются два основных аспекта: первый – культурологический и второй – социологический.

Предпосылки этих связей, как свидетельствуют источники, формировались достаточно давно, а некоторые их виды устанавливались довольно интенсивно в эпоху средневековья и начала нового времени. Они проявлялись в форме торговли, носившей подчас довольно оживленный и интенсивный характер, эпизодического и стихийного обмена ремесленниками, взаимного посещения стран путешественниками.

Зарождение торговых путей связано с процессом урбанизации, охватившим вначале южные районы Средней Азии, затем центральные и лишь на третьем этапе – прилегающие северные и степные регионы. Маршрут торгового пути не был чем-то застывшим, в течение столетий он менялся; в зависимости от различных причин наибольшую значимость приобретали те или иные его участки и ответвления, другие же, напротив, отмирали, города и торговые станции на них приходили в упадок. Еще с XII в. наиболее оживленным стал путь, прохо-

⁶⁵ Мукминова Р.Г. Народные движения в Узбекистане в 1499-1501 гг. // ТИВ АН УзССР. – 1950. – № 1; О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в. // ТИВ АН УзССР. – 1954. – Вып. 3; К истории аграрных отношений в Узбекистане в XVI в.: По материалам Вакф-наме. – Т., 1966; Социальная дифференциация населения городов Узбекистана в XV-XVI вв. – Т., 1985.

дивший из Китая на Запад через Семиречье и Южный Казахстан, который входил в орбиту Великого шелкового пути.⁶⁶

В настоящее время уделяется большое внимание изучению трасс Великого шелкового пути, пересекавшего также территорию Казахстана и Центральной Азии, тем более, что, начиная со второй половины XVI века этот путь получил новый импульс жизни. Из письменных источников XVI-XVII вв. известно, что в это время через Казахстан также проходили торговые пути, связывавшие Китай, Индию и Среднюю Азию; здесь проезжали паломники, проходили военные отряды. Торговля велась как морским путем через Каспийское море между Астраханью и Мангышлаком, так и сухопутным – через северное побережье Каспийского моря, Бухару, Хиву. К сожалению, сведения об уровне и статьях этой торговли в восточных источниках отсутствуют, но тем не менее имеющиеся свидетельства восточных авторов позволяют говорить о регулярности торговых отношений. И действительно, торговля между казахами и соседними народами шла беспрерывно, даже во время смут и войн, хотя последнее обстоятельство сильно препятствовало ее развитию.

Сейди Али Раис, автор "Мират ал-Мамалик" и современник описываемых событий в Центральной Азии XVI в. в своем труде описывает деятельность купцов, ведших торговлю с другими странами.⁶⁷

Сейди Али Раис сообщает о Ташкентской и "Туркестанской" дорогах, которые через присырдаринские города и Сарайчик связывали Бухару и Астрахань. В сочинении "Михман-наме-ий Бухара" Фазлаллаха ибн Рузбихана имеются оригинальные сведения о внешнеторговых связях казахов в начале XVI в., о состоянии городов Туркестана, Сыгнака, Сайрама и их роли в политической, экономической и культурной жизни населения Центральной Азии. По словам Ибн Рузбихана, город Сыгнак в начале XVI в. оставался "гаванью Даشت-и Кипчак", куда прибывали товары из Поволжья, Мавераннахра, Кашгара, Хотана и Китая. "В город Йассы привозят товары и дра-

⁶⁶ Абусситова М.Х. Средневековые письменные источники о Великом Шелковом пути // Шелковый путь и Казахстан. Материалы научно-практической конференции. – Алматы, 1998. – С. 152.

⁶⁷ Собрание восточных рукописей Академии Наук Республики Узбекистан. История / Сост. Д.Ю. Юсупова, Р.П. Джалилова. – Т., 1988. – С. 84-85; Сейди Али Раис. Миръотул мамолик (мамлакатлар кузгуси). – Т., 1963.

гоценные изделия, и там происходит торг, и он (город) является местом развязывания грузов купцов и местом отправления толп путешественников по странам".⁶⁸ Многочисленные находки монет из Отара, Йассы, Ташкента, Бухары, Самарканда указывает на развитие политических и торговых связей народов Центральной Азии.⁶⁹

Характерными чертами культурных контактов были введение новых предметов материальной культуры, развитие товарно-денежных отношений, образование новых способов общественной и экономической деятельности.

По торговому пути распространялись не только изделия, но и мода на художественные стили, которые могли иметь социальный заказ и, попадая на подготовленную почву, в определенную этно-культурную среду, получали широкое распространение. Существует мнение о том, что именно по Великому шелковому пути распространялся темуридский стиль в керамике, отличающейся синей гаммой в росписях на белом фоне. Возникнув в императорских мастерских Китая во времена династии Юань (1279-1368 гг.), этот стиль был особенно развит в Иране, Турции, Средней Азии.⁷⁰

Наряду с распространением товаров, образцов культуры в прикладном искусстве, архитектуре, настенной живописи по странам Центральной Азии распространялось искусство музыки и танца. При раскопках исторических памятников на протяжении всего Великого шелкового пути найдены многочисленные материальные подтверждения развития и взаимообогащения музыкальной и театральной культур разных народов. Это – коллекция терракот танского времени, изображающая танцоров и танцовщиц, актеров в масках, музыкальные ансамбли, уместившиеся на верблюжьих горбах. Лица многих из этих артистов принадлежат представителям народов Средней Азии.⁷¹

⁶⁸ Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). / Перевод, предисловие и примечания Р.П. Джалиловой. – М., 1976. – С. 141.

⁶⁹ Давидович Е.А. О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии // Народы Азии и Африки. – 1965. – № 6. – С. 167; Бурнашева Р.З. Монетные находки с городища Оттар тобе за 1974 г. // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1978. – С. 85.

⁷⁰ По Великому шелковому пути. – Алма-Ата, 1991. – С. 38.

⁷¹ Там же. – С. 43.

Иновации не охватывали сразу все слои и группы населения, не затрагивали все способы общественной деятельности и формы их осуществления. Традиционное и новое часто сосуществовали. Многое из предшествующего не исчезло, но существовало в ограниченном, особом употреблении, адаптируясь по форме к новым условиям.

Историко-культурные контакты народов Центральной Азии тесно переплетались с определенными историческими событиями, о которых свидетельствуют материалы археологических, письменных, устных источников. Исторические события рассматриваемого периода способствовали развитию интенсивных отношений между народами Центральной Азии, взаимовлиянию их культур. Этническое родство между населением этих различных областей прослеживается в языке, хозяйстве, быте, искусстве.

Исторические связи в духовной культуре народов Центральноазиатского региона нашли свое отражение в устном народном творчестве (преданиях, сказках, песнях). Сходство в эпических произведениях этих народов обнаруживается не только в идеях, образах, сюжетах. Оно вызвано общими исторически типичными чертами воинского быта степных кочевников, реальными общественными отношениями, отраженными в эпосе, а также сходством явлений идеологии, отражающей шаманистские представления тюркских народов до их мусульманизации. В "Очерках Джунгарии" Ч. Валиханов высказывает интересные мысли о взаимном проникновении эпических сказаний у родственных народов: "Надо сказать, что поэтические предания, вследствие сменности кочевьев и при сходстве языка, легко переходят и заимствуются одним народом у другого, и потому нужно уметь их отличать. Г. Ходзко слышал отрывки из Эдиге от туркменцев, но туркменцы заимствовали от кайсаков или от ногайцев, точно так же, как классический разбойник Кор-Оглу известен кайсацким рапсодам. В Азии много странствующих преданий, легенд и саг".⁷²

Письменные источники, выявленные за последнее время материалы археографических экспедиций значительно пополняют источниковую базу и содержат много оригинальных сведений по взаимовлиянию и взаимообогащению культур народов Центральной Азии в средние века.

---

⁷² Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии... – Т. III. – С. 349.

Своеобразный облик культур народов возникает не только в ходе их внутреннего развития, но в известной степени и в процессе их взаимного влияния. Роль выдающихся поэтов и ученых стран Востока в укреплении культурных связей и взаимообогащении культур трудно переоценить. Крупные города Центральной Азии становятся важными центрами деятельности по переводу книг. Здесь переводились сочинения по истории, литературе, математике, медицине, принадлежащие перу персидских, индийских авторов. Литературные сочинения, созданные выдающимися писателями и поэтами стран Востока, доходили до населения окраин Центральной Азии.

В XVI-XVII вв. значительно расширяются политические и торговые взаимосвязи народов Центральной Азии, происходит обмен торгово-дипломатическими посольствами. Обмен посольствами был, по существу, формой торговых сношений. Из археологических данных следует, что межгосударственная и транзитная торговля требовала большого количества денег из валютных металлов – серебра и золота.⁷³

Города Центральной Азии экономически были тесно связаны между собой. Караванные дороги соединяли среднезиатские города с центрами Индии, Афганистана, Ирана, Китая.⁷⁴ Караваны, груженные шелком из Китая, пряностями и самоцветами из Индии, серебряными изделиями из Ирана, византийскими полотнами и многими другими товарами, шли по пустыням Каракума и Кзылкума, через оазисы Мерва и Хорезма, безбрежными степями Сары-Арки, одолевали перевалы Памира и Тянь-Шаня, Алтая и Карагату, переправлялись через реки Мургаб и Амударью, Сырдарью и Джаяк. На пути караванов стояли богатые селения и города.

Начиная со второй половины XVI в. этот путь получил новый импульс к жизни, что вызвало появление новых удобных путей сообщения и упорядочение старых. Данные торговые пути играли большую роль в хозяйственной жизни населения тех регионов, через которые они проходили. Ремесленники близлежащих населенных пунктов и степей снабжали проходящие караваны необходимой продукцией. В

⁷³ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.В. Позднесредневековый Оттар: XVI-XVIII вв. – Алма-Ата, 1981.

⁷⁴ Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI-XIX вв. – Т., 1983.

качестве охранников и проводников нанимались в основном кочевники. В крупных городах и селениях размещались караван-сараи, которые были средоточием приезжих купцов, местом сделок и хранения товаров. В "Раузат ар-ризван" сообщается, что в некоторых караван-сараях для осуществления коммерческих операций собирались торговцы и купцы из Ирана, арабских стран, со всего мира.⁷⁵ Список привозимых товаров неисчерпаем. Это пряности, драгоценности, ковры, оружие, разнообразные животные, культурные растения и т.д. Многочисленные находки монет подтверждают развитие политических и торговых связей народов Центральной Азии.⁷⁶

С начала XVI в. успешно развивалась торговля между народами Центральной Азии и Индией. К этому периоду сложились глубокие традиции культурного общения и контактов Средней Азии с империей Великих Моголов. Средняя Азия сыграла особую роль в продвижении достижений индийской культуры, многие культурные ценности которой распространялись и в соседние страны.

По торговым путям распространялись также религиозные учения и идеи, в частности, ислам. Его распространителями выступали среднеазиатские суфийские пиры и их агенты. В ряде агиографических сочинений содержится значительный материал, характеризующий быт народов Центральной Азии, их родоплеменную структуру, верования, политическую историю, рассказывающий о миссионерской деятельности Ходжи Исхака, активно проповедовавшего суфийское учение ордена Накшбандийя среди казахов.⁷⁷ Исламизация казахов способствовала укреплению на идеологической основе союза казахских правителей с духовными и светскими среднеазиатскими правителями.

Нельзя не отметить ту роль, какую сыграли в казахском обществе представители ходжей и сейидов. В "Убайдулла-наме" сообщается, что Убайдулла-хан, "пообещал звание накиба высочайшего двора Абдурахим ходже, брату Кара Бахадура сейидатайи, которого казахский народ признавал своим пиром и питал к нему полнейшее расположение, приказал [ему выехать] в Ташкент; казахским ханам

⁷⁵ Раузат ар-ризван. Рукопись ИВ АН РУз. № 2094. – Л. 294аб.

⁷⁶ Давидович Е.А. О времени максимального развития... С. 167; Бурнашева Р.З. Монетные находки... С. 85.

⁷⁷ Абусейтова М.Х. Казахстан и Центральная Азия в XV-XVII веках: история, политика, дипломатия. – Алматы, 1998. – С. 142-145.

и ташкентским ходжам с названным ходжою отправили милостивые (ханские) письма, халаты надлежащей ценности и арабских лошадей, дав срок двенадцать дней и обнадеживши ходжу своими [последующими] милостями".⁷⁸

В целом комплекс источников сообщается о значительном влиянии джуйбарских шейхов на судьбы народов Центральной Азии в XVI в.

Народы Центральной Азии, оказавшись на стыке двух цивилизаций – азиатской и европейской – смогли впитать в себя лучшее из культурных достижений средневековья. Таким образом, культура одного народа или региона, какой бы замкнутой, самобытной и самостоятельной она ни была, в той или иной степени испытывает влияние других культур, соседствующих или контактирующих с ней. Значение контактов между народами в истории человечества и в развитии культуры получило в науке широкое признание. Этническая история является процессом взаимосвязанным и взаимодополняемым. В ней историю одного народа трудно искусственно отделить от истории других народов. Разработка данной проблемы предусматривает изучение динамики историко-культурного развития центральноазиатского региона с раннего средневековья, ретроспективный поиск истоков взаимодействия культур различных народов на Шелковом пути.

Эти проблемы требуют раскрытия глубинных процессов взаимовлияния и взаимообогащения народов при необходимом сочетании теоретических, конкретно-исторических и научно-практических исследований. Накопление таких новых фактов приводит к формированию новых взглядов, к более полному исследованию проблемы взаимодействия культур в экономическом, политическом, культурном отношениях.

Сопоставительное изучение материалов по истории народов Центральной Азии этого периода может пролить свет как на многие стороны исторического развития этого региона в целом, так и на многие частные вопросы истории взаимоотношений народов Средней Азии, Казахстана, Восточного Туркестана, Тибета, Монголии, Китая.

⁷⁸ Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме / Перевод с таджикского с примечаниями член-корр. АН УзССР проф. А.А. Семенова. – Т., 1957. – С. 166.

ЎРТА ОСИЁ ХОНЛИКЛАРИ: ПОЙТАХТ ШАҲАРЛАР ТАРИХИГА ОИД АЙРИМ МАЪЛУМОТЛАР

Ўрта Осиё хонликларининг сиёсий, ижтимоий-иқтисодий ва маданий ҳаётида пойтахт шаҳарларнинг аҳамияти жуда катта эди. Кўрилаётган давр мобайнида мавжуд пойтахт шаҳарлар билан бир қаторда баъзи сиёсий, ижтимоий ва табиий сабабларга боғлиқ рашидда айrim марказларнинг пойтахт шаҳарларга айланиш ва ривожланиш жараёни кечди. Баъзи ҳолларда эса, буни Кўкон мисолида аниқ кузатиш мумкин, янги вужудга келган давлатнинг пойтахти шаклланди.

XVI а. бўсағасида кечган суронли воқеалар мобайнида Моварауннаҳрда янги сулола хукмронлигига асос солган Муҳаммад Шайбоний-хон даврида пойтахт шаҳар мавқеи Самарқанд томонида сақланиб қолди. XVI а. муаррихи Фазлуллоҳ ибн Рӯзбекон "Самарқанд – Жўжи-хон авлоди бўлган чингизий хонлар таҳтининг таянчи, ўзбеклар ва чифатой хонлари мамлакатининг ва Моварауннаҳрга туташ вилоятларнинг пойтахтидир", – деб қайд этган эди.⁷⁹ Бу шаҳарни кўлга киритиш учун бир неча бор урингган Захириддин Муҳаммад Бобур ҳам Самарқанднинг пойтахт шаҳарлигига эътибор қаратиб: "Рубъи маскунда Самарқандча латиф шаҳр камроқдур... Шаҳри Самарқандур, вилоятини Моварауннаҳр дерлар... Темурбек пойтахт қилиб эрди. Темурбекдин бурун Темурбекдек улуғ подшоҳ Самарқандни пойтахт қилғон эмастур".⁸⁰

Моварауннаҳрнинг "катта шаҳарларидан" бўлган ва ундан "кўплаб олиму-фозиллар" етишиб чиққан Самарқанд Шайбонийлар давлати тарихида муҳим роль ўйнади. Моварауннаҳр ва унга туташ ерларни курол кучи билан бўйсундирган Муҳаммад Шайбоний-хон "отимизнинг эгари – бизнинг пойтахтимиз" деб айтсада⁸¹, Самарқанд ҳокимият тепасига келган янги сулоланинг бош шаҳри вазифасини ўтайверди. Янги сулоланинг ички ва ташки сиёсати шу марказдан туриб амалга оширилди.

⁷⁹ Фазлаллаҳ ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя) / Перевод, предисловие и примечания Р.П. Джалиловой. Под ред. А.К. Арендса. – М., 1976. – С. 66.

⁸⁰ Захириддин Муҳаммад Бобур. Бобурнома. – Т., 1990. – 43-б.

⁸¹ Фазлаллаҳ ибн Рузбихан Исфахани. Кўрсатилган асар. – 66-б.

Муҳаммад Шайбоний-хоннинг 1510 й. фожеали ўлимидан сўнг, Захиридин Муҳаммад Бобурнинг Эрон шохи Исмоил Сафавийнинг кўмагига таяниб Моварауннахрни қўлга киритиш борасидаги ҳаракатлари бу гал ҳам бесамар кетди. Бу курашда алоҳида фаоллик кўрсатган Муҳаммад Шайбоний-хоннинг жияни Убайдулла-султоннинг сиёсий мавқеи кучайиб борди. Убайдулла-султон Муҳаммад Шайбоний-хон томонидан бошқарув учун берилган Бухоро вилоятининг ҳукмдори Маҳмуд-султоннинг ўғли бўлиб унга, XVI а. муаллифининг хабарига кўра, Моварауннахр олий ҳукмдори бўлган Кучкунжи-хон (1510-1530) томонидан Бухоро, Коракўл ва Қарши бошқариш учун берилди.⁸² Убайдулла-султон 1533 й. олий ҳукмдорлик унвонига эришгач, давлатни Бухородан туриб бошқарди. Буни XVII а. муаллифи Мир Муҳаммад Салим ҳам тасдиклаб, пойтахтнинг Самарқанддан Бухорога кўчирилиш санаси 1532/1533 й. тўғри келишини кўрсатади.⁸³

Убайдулла-хон ўлимидан сўнг Моварауннахрда ҳукм сурган сиёсий парокандалик оқибатида марказий ҳокимиятнинг парчаланиш жараёни ва икки ҳокимиятчилик вужудга келди. Натижада Убайдулла-хоннинг ўғли Абдулазиз-хон (1540-1550) Бухоро тахтида ўтирган бўлса, Самарқандда олий ҳукмдор сифатида Кучкунжи-хоннинг ўғиллари – аввал Абдулла-хон I (1541 й. март – 1541 й. сентябрь), сўнgra Абдуллатиф-хон (1541-1551) ҳукмронлик қилдилар.⁸⁴ Ушбу сиёсий ҳолатга мувофик равишда Самарқанд ва Бухоро пойтахт шаҳарлар вазифасини адо этишни давом эттириди. Бу давр оралиғида пойтахт шаҳарларнинг равнақи йўлида анчагина саъй-ҳаракатлар килинди. Хусусан, Абдулазиз-хон даврида Бухорода амалга оширилган ишлар ҳақида ёзар экан, шу давр муаллифи: бу хон замонида "салим таъби мамлакат ободлиги ва юрт курилишига киришиб, кўплаб олий иморатлар бино этди. Ҳазрат-кутбулаброр ҳожаи бузурковорнинг хонақоҳ ва хатираси шулар жумласидандир", – деб қайд этади.⁸⁵

Абдулазиз-хоннинг ўлимидан сўнг авж олган якка ҳокимлик учун кураш натижасида 1551 й. Самарқанд ҳукмдори Абдуллатиф-хон ҳамда Тошкент ва Туркистон ҳукмдори Наврӯз Аҳмад-хоннинг

⁸² Ҳафиз-и Таниш Бухари. Шараф-наме-и шаҳи. – Ч. 1. – М., 1983. – С. 86.

⁸³ Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVIII вв. (Письменные памятники). – Т., 1985. – С. 108.

⁸⁴ Р.Г. Мукминова. Народы Узбекистана в XVI – первой половине XVIII в. государство Шайбанидов и Джанидов (Аштарханидов) // История Узбекистана. Т. III. – Т., 1993. – С. 50.

⁸⁵ Ҳасанхожа Нисорий. Музаккири аҳбоб. – Т., 1993. – 46-6.

"хисобини аниклаб бўлмайдиган беҳисоб" кўшини Бухорони қўлга киритиш учун юриш килдилар.⁸⁶ Абдуллатиф-хоннинг ўлимидан сўнг Самарқанд таҳтига Бароқ-хон номи билан Наврӯз Аҳмад-хон (1551-1556), Бухорода эса Убайдулла-хоннинг набираси Бурхон-султон таҳтига ўтирилар. Давлатни бошқарув соҳасида юзага келган бу ҳолатни турк адмиралси Сейди Али Раиснинг куйидаги сўзлари ҳам тасдиқлайди. "...Самарқанд подшоҳи Абдуллатиф-хон вафот этиб, Бароқ-хон Самарқандда хонлик таҳтига ўтирган, Балхда Пирмуҳаммад-хон, Бухорода эса Сайид Бурхон-хон ўз номларига хутба ўқитганлар".⁸⁷

Бароқ-хоннинг ўлимидан сўнг "Давлатни қўриқлаш, ҳамма кўшин ва аҳолининг аҳволи ҳакида қайғумраган" Бурхон-султоннинг ҳукмронлиги ҳам узоқка чўзилмади. 1557 й. яқин амирлардан бири томонидан уюштирилган фитна оқибатида у ҳаётдан кўз юмди. Шу даврдан бошлаб қатъиятли Абдулла-султоннинг Моварауннаҳр сиёсий ҳаётидаги аҳамияти ошиб борди. Абдулла-хон II катта ҳудудларни ўз ичига олган марказлашган давлат тузишга муваффақ бўлди. Унинг даврида Бухоро узил-кесил Шайбонийлар давлатининг пойтаҳтига айланди. Бу ҳакида шу давр тарихчиси "Шавкатли шаҳар Бухорони у давлат пойтаҳтига айлантириди", – деб ёзади.⁸⁸

Моварауннаҳрнинг ягона ҳукмдорига айланган Абдулла-хон Бухоронинг пойтаҳт сифатидаги аҳамиятини ошириш, унинг ижтимоий-иктисодий марказ сифатидаги мавқенини кўтариш борасида катта ишларни амалга ошириди. Тарихчининг ёзиича, "У мадраса, масжидлар, дарвишлар ҳонақолари, дарёлардаги кўприклар, савдо йўлларида яхши ҳимояланган тўхташ жойлари (работлар) ва бошқа фойдали биноларни курища чексиз ҳатти-ҳаракатларни амалга ошириди".⁸⁹ XVIII а. муаллифи Шарафиддин аълам Нуриддин охун мулла Фарҳод бу даврда Бухорода бунёд этилган иншоатлар жумласига Мавлоно Мир Муфтий кутубхонасини (1558), Абдулла-хон чорбогини (1584), Бухоро Чорсусини (1587) ҳам киритади.⁹⁰ XVII а. муаллифи Мир Мухаммад Салим эса бундай иншоатлар жумласида Абдулла-хон II фармойиши билан Бухорода

⁸⁶ Хафиз-и Таниш Бухари. Шараф-наме-йи шахи. – Ч. I. – С. 132.

⁸⁷ Сейди Али Раис. Миръотул мамолик (Мамлакатлар кўзгуси). – Т., 1963. – 97-6.

⁸⁸ Хафиз-и Таниш Бухари. Шараф-наме-йи шахи. – Ч. I. – С. 35; Р.Г. Мукминова. Народы Узбекистана в XVI – первой половине XVIII вю государство Шайбанидов и Джанидов (Аштарханидов) // – С. 52.

⁸⁹ Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Перевод., предисловия, примечания и указателя А.А. Семенова. – Т., 1956. – С. 60.

⁹⁰ Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература... – С. 133.

курилган олти дарвозали карвон-сарой (1577) ва усти ёпик бозор (1583) ни эслатиб ўтади.⁹¹

Абдулла-хон II даврида Шайбонийлар давлатининг пойтахтига узил-кесил айланган Бухоро территориал жиҳатдан ҳам кенгайиб борди. Аслида бу жараён Убайдулла-хон ва унинг ўғли Абдулазиз-хон даврларидаёқ бошланган эди. Шаҳар территориясининг кенгайиши окибатида пойтахт деворларининг айрим қисмлари қайта курилган эди. Абдулла-хон II даврида эса Жуйбор шайхларига тегишли Сумитоннинг Бухоро шаҳрига киритилиши муносабати билан унинг деворлари қайта курилиб, бу ерда янги дарвоза – "Дарвоза-и ноу" курилган эди.⁹²

Шу тариқа, Бухоро Шайбонийлар, сўнгра Аштархонийлар, кейинчалик эса Манғитлар сулоласи бошқарган "Бухоро хонлиги", "Бухоро амирлиги" деб аталган давлатнинг пойтахтига айланди. Бу сулолалар вакилларининг кейинги даврлар – XVII-XIX а. биринчи ярмида олиб борган ички ва ташқи сиёсати натижасида пойтахт шаҳарнинг сиёсий, ижтимоий-иқтисодий мавқеи ва салоҳияти яна-да ривожланиб борди. Айниқса, бу борадаги ўсиш XVIII а. охирлари ва XIX а. биринчи ярмига тўғри келади.

Мураккаб сиёсий воқеалар мобайнида пойтахт шаҳар мавқеини Бухорага берган Самарқанд ҳокимият тепасига келган олий ҳукмдорларнинг шаҳарда жойлашган "кўк тоши"га ўтириш расмий маросими ўтказиладиган марказ сифатидаги аҳамиятини сақлаб қолди. Мир Муҳаммад Амин-и Бухорий дунё ҳукмронлигини орзу қилган турли ҳукмдорлар "Самарқандда... кўк тошга ўтирас эдилар", – деб ёзар экан, Убайдулла-хон аштархоний ҳам "мағруона ва тантановор тарзда юриб, кўк тошга ўтириди... Бухоро ва Самарқанд амирлари ва руҳонийлари баҳтли ҳукмдорнинг таҳтга ўтириши билан ўз табрикларини билдирилар", – деб қайд этади.⁹³ Олий ҳукмдорнинг Самарқандда кўк тошга ўтириш анъанаси XIX а. биринчи ярмида ҳам давом этди. XIX а. 20 – йилларида Бухоро хонлигига бўлган Е.К. Мейендорфнинг ёзишича, олий ҳукмдор таҳтга ўтириш маросимини ўтказиш учун Самарқандга бориши ва Мирзо Улуғбек мадрасасида турган кўк тошга ўтириши лозим эди. "У (кўк тош – Г.А.) тўртбурчак шаклида бўлиб, ҳар

⁹¹ Зияев А.З. "Силсилат ас-салотин" как исторический источник// ОНУ, 1990. – №9. – С. 43.

⁹² История Узбекистана. – Т. III. – С. 105.

⁹³ Мир Муҳаммад Амин-и Бухари. Убайдулла-наме / Перевод с персидско-таджикского с примечаниями А.А. Семенова. – Т., 1957; Гребенкин А. Родословная Манғитской династии // Материалы для статистики Туркестанского края. – Ежегодник. – Под ред. Н.А. Маева. – Спб., 1874. – Вып. III. – С. 337.

томонининг узунлиги бир ярим саржин, қалинлиги бир аршиндир. Бу тошни оқ кигиз ёпиб туради. Хон ўтирган ва учларини уламолар, фуқаролар, фозиллар ва сайидлар ушлаган бу кигизни уч марта кўтарадилар"⁹⁴ – деб қайд этади ушбу муаллиф.

XVI а. бошларида янги ташкил топган Хива хонлигининг Ҳазорасп, Хива, Вазир, Урганч, Кат, Янгишаҳр, Тирсак каби шаҳарлари бўлиб, уларнинг ичида энг азими Урганч эди. У XVII а. муаллифи Маҳмуд ибн Валининг кўрсатишича "Қадимги форслар подшолари давридан" бошлаб Ҳоразмнинг пойтахти бўлган. Шаҳарнинг мамлакат сиёсий ва иқтисодий ҳаётидаги мавқеи ҳамма давларда юкори бўлган.

XVI а. ўргаларига келиб пойтахт бўлган бу шаҳар мамлакатда ҳукм сурган сиёсий курашлар ва ўзаро урушларнинг марказларидан бирига айланниб қолди. 1558-1560 й. Ўрта Осиёда бўлган Антони Женкинсон шаҳар "7 ой мобайнида тўрт марта қўлдан-қўлга ўтган; шунинг учун шаҳарда савдогарлар жуда кам бўлиб, улар жуда камбағал", – деб кўрсатиб ўтади.⁹⁵

XVI а. 70-йилларига келиб пойтахт шаҳарнинг сиёсий ва иқтисодий мавқеига барҳам берган яна бир воқеа содир бўлиб, у шаҳарни сув билан таъминлаган Амударёнинг ўз йўналишини ўзгартириши билан характерланади. Бу табиий оғат натижасида шаҳар сувсизликка учраб, мамлакатнинг сиёсий ва иқтисодий ҳаётидаги етакчи мавқеини йўқота борди. Хива хонлигининг биринчи шаҳари мавқеини бошқа шаҳар – Хива эгаллай бошлади. Маҳмуд ибн Вали бу воқеа ҳақида шундай ёзади: "Ҳозирда, Жайхуннинг ундан /Урганчдан – Г.А./ кетиши натижасида пойтахт унга /Ҳоразмга – Г.А./ тегишли Хивага кўчирилган".⁹⁶ Бу ўринда Хива хони Абулғозийнинг ушбу маълумоти дикқатга сазовордир. У ёзади: "Биз дунёга келмасдан ўттиз йил илгари Аму суви, Хост минорасининг юқорисини Қора айғир тўқайи дерлар, ул ердин йўл ясад оқиб, Тук қальясина бориб, Сир тенгизина куйғон эркандир. Ул сабабдин Урганч чўл бўлубти. Раъият Урганч чўл бўлса ҳам ўлтуруб, хон бошлиқ сипоҳ ҳалки ёз Аму сувининг ёқасинда муносиб ерларда экин экиб ўлтуриб, экинни олгандин Урганч борур-

⁹⁴ Мейendorf Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М., 1975. – С. 90.

⁹⁵ Джэнкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558-1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Перевод с английского Ю.В. Готье. Введение Г. Новицкого. – М., 1937. – С. 177.

⁹⁶ Маҳмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных / Перевод, введение, примечания и указатели Б.А. Ахмедова. – Т., 1977. – С. 43.

лар эркандир".⁹⁷ Келтирилган бу маълумотдан 1570 йилда ёк Урганч сувсизликка учраганилиги аён бўлиб, хон бошлиқ сипоҳлар томонидан эса сувли ерда экин экилиши шаҳар иқтисодий ҳаётини бир маромда ушлаб туришга ҳаракат қилингандигини кўрсатиб, шаҳар бирданига ташлаб кетилмаганлигидан далолат беради.

Хиванинг хонлик пойтахтига узил-кесил айланниши 1611-1612 йилларга тўғри келиб, бу даврда олий ҳукмдорлик қилган Араб Муҳаммад-хон ҳукмронлиги билан характерланади. XIX а. муаллифи Мунис: "Араб Муҳаммад-хон отасидан сўнг пойтахт шаҳар Хивада ҳукмдор бўлди", – деб қайд этган эди.⁹⁸

Хива узил-кесин хонлик похтахт шаҳрига айлангунига қадар ҳам мамлакатнинг сиёсий ва иқтисодий ҳаётида мухим роль ўйнаган. XVI-XVII а. бошларида у ҳукмрон сулола вакилларига бошқариш учун берилар эди. Айрим йилларда эса, бу шаҳар мамлакатнинг сиёсий маркази вазифасини ҳам ўтаган. Атокли олим Я. Фуломов: "1556 й. Бучғахоннинг ўғли Дўст Муҳаммад Хивани ўз пойтахтига айлантириди", – деб ёзганида ҳак эди.⁹⁹ Буни Абулғозининг куйидаги сўзлари ҳам тасдиқлайди. "Бучғахоннинг ўғлонлари Эш, Дўст ва Бурам Хевак ва Ҳазорасп ва Катда бўлади... Эш султоннинг хотири учун акаси Дўстни хон қилдилар. Хевак акамники, менга Урганчни беринглар деб тилади...".¹⁰⁰ Муаррих томонидан келтирилган бу воқеа давомининг баёнидан аён бўладики, Дўст Муҳаммад мамлакатни шу шаҳардан туриб бошқарган. Буни Муниснинг куйидаги сўзлари ҳам тасдиқлайди. Тарихчи Дўст-хон ҳакида "Пойтахт шаҳар Хивақда биринчи бўлиб таҳтга ўтирган киши", – деб ёзган эди.¹⁰¹

Шу тариқа мамлакатнинг сиёсий марказига айланна борган Хиванинг савдо-иктисодий марказ сифатидаги аҳамияти ҳам ошиб борди. Махмуд ибн Вали томонидан "Хива – кенг шаҳардир" деб таъриф берилган бу шаҳар мамлакат иқтисодиёти ва маданияти ривожига катта ҳисса кўшди.

Бухоро хонлиги худудидан XVIII а. бошларида ажralиб чиққан янги Кўқон хонлигининг ривожланиб бориш жараёни билан биргаликда унинг пойтахти вазифасини ўтай бошлаган янги марказ –

⁹⁷ Абулғозий. Шажарайи турк / Нашрга тайёрловчилар К. Муниров, К. Махмудов. – Т., 1992. – 167-б.

⁹⁸ Мунис. Фирдавс ал-икбал // Материалы по истории казахских ханств. Алма-ата, 1969. – С. 448.

⁹⁹ Гулямов Я.Г. Памятники города Хивы // Труды Узбекистанского филиала АН СССР. – Серия 1. – История, археология. – Вып. III. – Т., 1941. – С. 4.

¹⁰⁰ Абулғозий. Шажарайи турк. – 139 б.

¹⁰¹ Мунис. Фирдавс ал-икбал // Материалы по истории казахских ханств. С. 445.

Кўқон шаҳри ҳам шаклланиб борди. Бу даврга қадар тарихий манбаларда Кўқон шаҳар сифатида эслатиб ўтилмайди. Заҳиридин Муҳаммад Бобур ҳам Андижон, Марғилон, Ахси, Ўш, Исфара, Хўжанддан иборат Фарғонада етти шаҳар "етти пора қасабаси бор", – деб ёзар экан, Кўқонни "Хўқон ўрчини" – тарзида ўз эсадликларида эслатиб ўтади.¹⁰² Шу билан бирга, Бобур "ўрчин"нинг маъноси ҳақида тўхтар экан, "Самарқандда, Бухорода ва умуман у ўлкаларда бирор-бир йирик вилоят пойтахтига бўйсунган кичик вилоятлар туман; Андижон, Қашғар ва улар орасидаги /ерлар/ – "ўрчин" деб аталади", – деб ёзади.¹⁰³

Исҳокхон Жунайдуллахожа Ибратнинг XIX а. ёзишича, авваллари "Хўқанддан ул шаҳар бўлмаган вақтда Хўқанд ўрни тўқай ва қамишзор ерлар бўлуб... Бул тўқайзорда ҳар хил хук ва тўнғизлар юрар экан... алар бу чукурлар нима, кимлар кавлаган, деганларида тоҷики жавоб бериб, "хук канд" деганда, яъни тўнғиз кавлаган деганда ул ерни исми "хук канд" бўлган.¹⁰⁴ Бу хусусда X. Бобобеков томонидан илгари сурилган "... ижтимоий ҳаётда мусулмон дини тўлиқ хукмрон бўлган даврда хўжаларнинг уни илгари тўнғизлар яшаб, хор қилган, булғаган жойда қуришга розилик бериши даргумон" фикр тўғридир.¹⁰⁵

Кўқон топоними кўрилаётган даврдан анча илгарироқ, ўрта аср муллифларининг асарларида жой номи сифатида эслатиб ўтилади. Хусусан, Ибн Хордадбек ва Ибн Ҳавкаллар "Хувкенд", Ёкут ал-Ҳамавий эса уни "Хуванд" тарзида эслатиб ўтадилар.¹⁰⁶ Абу Саъд Абдулкарим ибн Муҳаммад ас-Сомъоний ўз асарида Кўқонни – "Хуваканд" тарзида келтиради.¹⁰⁷ XIII а. муаллифи Жамол Қарший ҳам Хўқанд атамасини келтиради.¹⁰⁸ Кирғиз эпоси "Манас"да ҳам Кўқон ҳақида баъзи маълумотлар сакланиб қолган.¹⁰⁹

¹⁰² Бобурнома. – 1990. – 28, 94-б.; Бабурнаме. – 1993. – С. 51, 149; Бартольд В.В. Фергана // Соч. – Т. III. – С. 535.

¹⁰³ Бобурнома – 1990. – 120-б.

¹⁰⁴ Исҳокхон Жунайдуллахожа ўғли Ибрат. Фарғона тарихи // Мерос. – Т., 1991. – 285-б.

¹⁰⁵ Бобобеков X. Кўқон тарихи. – Т., 1996. – 13 б.

¹⁰⁶ Ибн Ҳауқал. Китаб сурат ал-арз. // Материалы по истории Средней и Центральной Азии. – Т., 1988. – С. 18; Бартольд В.В. Фергана // Соч. – Т. III. – С. 531.

¹⁰⁷ Камалиддинов Ш.С. "Китаб ал-ансаб" Абу Саъда Абдалкарима ибн Муҳаммада ас Самъани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. – Т., 1993. – С. 114.

¹⁰⁸ Абу-л-Фадл ибн Муҳаммад Джамал ад-Дин Карши. Мулҳакат ас-сурах // Материалы по истории Средней и Центральной Азии. – С. 122.

¹⁰⁹ Молдабаев И.Б. Манас о городах Бухара и Хива // Тезисы докладов международного симпозиума, посвященного 2500-летию Бухары и Хивы. – Т., 1997. – С. 81.

Бу ўринда XVI-XVII а. га оид манбаларда "Кўқон" атамаси шаҳар тарзида учрамаганлигини қайд этиб ўтиш лозим.

XVIII а. бошларига қадар Кўқон ўрнида бир қанча қишлоклар бор эди. Муаррихнинг ёзишича, "Ул вақтда Хўқанд йўк, ўтрофда Тирғов деган, Чинкат деган ва Сарой қишлоклари бор эди.¹¹⁰ Ушбу маълумотни 1812-1813 й. Кўқонга келган ҳиндистонлик Мир Иззат Улла ҳам тасдиқлаб, "илгарилари у бир қишлоқ эди", – деб қайд этади.¹¹¹

Фарғона водийсида янги ташкил топган давлат асосчилари – Минг уруғи вакиллари бўлган Шоҳруҳ-бий ва унинг ўғиллари хонликини Дехқонтўда деган жойдан туриб бошқаргандар. Бу ҳакида XIX а. муаллифи Муҳаммад Ҳакимхон қуйидагиларни қайд этади: "Шоҳруҳ-оталикнинг уч муносиб ўғли – Раҳим-хон, Абдулкарим-бий ва Шоди-бийлар бор эди. Уларнинг яшаш жойи Дехқонтўда номли жой бўлиб, ҳозирда у Кўқон шаҳрида жойлашгандир".¹¹² Бу сулоланинг дастлабки вакиллари савй-ҳаракатлари натижасида бу ерда Эски Кўрғон курилиб, унга хукмдор ва амалдорлар кўчуб ўтган эди.¹¹³ Бу ер 1732 й. қадар сиёсий марказ ролини ўйнаган.¹¹⁴

Шоҳруҳ-хоннинг ўғли Абдураҳим-бий даврида (1722-1733) Кўқон шаҳри курилишига аста-секинлик билан киришилди. Бу ҳакида Муҳаммад Ҳаким-хон қуйидагича маълумот беради: "Бу даврда Кўқон эндингина курила бошланди ва у /Абдураҳим-бий – Г.А./ бу вилоятнинг ободонлиги учун катта ҳаракат кўрсатди".¹¹⁵ Бу хукмдор муаррих Мирза Алим Тошкандийнинг кўрсатишича, "Дехқонтўда деган жойда кўрғон курди ва ўша ерда яшай бошлади".¹¹⁶ Муаррих келтирган маълумотдаги бу кўрғон юқорида номи зикр этилган Эски кўрғон билан бир бўлиши эҳтимолдан холи эмас.

Кўқон шаҳри ривожининг кейинги босқичи Абдураҳим-бийнинг укаси, "Кўқон мулки ободонлиги йўлида ғайрат қилган ва

¹¹⁰ Исҳокхон Жунайдуллахожа ўғли Ибрат. Фарғона тарихи. 285-6.

¹¹¹ Путешествие Мир Иззет Уллы в Кокандское ханство в 1812 г. // Труды САГУ. – Новая серия. – Вып. LXXVIII. Исторические науки. – Книга 11. – Т., 1956. – С. 159.

¹¹² Муҳаммад Ҳаким-хан. Мунтажаб ат-таварих // Материалы по истории Средней и Центральной Азии. – С. 278.

¹¹³ Бейсембиев Т. "Тарихи-Шахрухи" как исторический источник. – Алма-Ата, 1987. – С. 11.

¹¹⁴ Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Типография императорского Университета. – Казань, 1886. – С. 51.

¹¹⁵ Муҳаммад Ҳаким-хан. Кўрсатилган асар. – 280-6.

¹¹⁶ Мирза Алим Ташканди. Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин // Материалы по истории Средней и Центральной Азии. – С. 314.

курашган"¹¹⁷ Абдулкарим-бек (1733-1747) фаолияти билан узвий боғлиқдир. XIX а. муаллифи Мулла Ниёз Мухаммад ибн Ашур Мухаммаднинг кўрсатишича, 1740 й. у хукмдор қароргоҳини Эски Кўргондан Эски Ўрдага кўчирди ва у ерда шаҳарга асос солди. Янги шаҳарда сарой ҳам қурилиб, уни девор билан ҳам ўраб олганлар. Шаҳар деворида Исфара, Катағон, Марғилон (Марғинон), Тошкент (Тошкандийан) ва Ҳайдарбек дарвозалари қурилди. Бу маълумотни Мирза Алим Тошкандий ҳам тасдиқлаб, қалмиклар шаҳарни қамал қилгандарида, "Абдулкарим-бек шаҳарни мустаҳкамлади", – деб ёзар экан, – Улар ҳар куни қальъадан чиқар ва ҳозирда бозор қаторлари ва мадраса жойлашган Эски Ўрдада курашар эдилар", – деб қайд этади.¹¹⁸ Шу тариқа Янги Кўкон шаҳри шаклана борган.

Кўённинг пойтахт сифатида ривожланишида XVIII а. иккинчи ярмида давлат тепасига келган Эрдона-бий (1751-1769) ва Норбўта-бийларнинг (1770-1798) хукмронлик қилган йилларида амалга оширилган ишлар катта роль ўйнади. Бу даврда пойтахт шаҳарда катта қурилиш ишлари олиб борилди. Ҳусусан, унда тўртта мадраса ва карвон-сарой қурилди.¹¹⁹ Бу даврда қурилган мадрасалардан бири Мир мадрасаси бўлиб, у 1799 й. бунёд этилган эди.¹²⁰

Пойтахт янги хукмдорлар – Олим-хон (1798-1810), Умар-хон (1810-1822) ва Мухаммад Али-хон (1823-1842) даврида ҳам жозибали тус олиб борди. Жумладан, Умар-хон даврида Жума-масжиди (1819) ва шифохона қурилди. Мадали-хон (Мұхаммад Амин-хон) даврида эса "Даҳмаи шоҳон" (1825) ансамбли қуриб битказилди.

Келтирилган маълумотлар таҳлили шундан далолат берадики, сўнгти ўрта асрлар мобайнида Бухоро, Хива ва Кўкон хонликкабининг пойтахт шаҳарлари ривожланиш пиллапояларини ўз бошлиридан кечирдилар. Улар баъзан сиёсий, баъзан ижтимоий-иктисодий ва табиий сабаблар оқибатида пойтахт шаҳар русумини олдилар ва давлатнинг ички ва ташки сиёсати амалга ошириладиган марказлар сифатида тарихий воқелик тараққиётида муҳим ўрин тутдилар.

¹¹⁷ Мирза Алим Ташканди. Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин // Материалы по истории Средней и Центральной Азии.. – 315-б.

¹¹⁸ Ўша ерда. 316-б.

¹¹⁹ Бартольд В.В. Коканд // Соч. – Т. III. – М., 1965. – С. 462.

¹²⁰ История Узбекистана. – Т. III. – С. 206.

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО "СВЯТОГО СЕМЕЙСТВА"
СРЕДНЕВЕКОВОЙ БУХАРЫ
(родословная и родственные связи Джуйбаридов)

Формирование "священных" родственных кланов во всем исламском мире и, в частности, в нашем регионе происходило разными путями. Одни из них старательно вели свои родословные записи (как, например, Термезские саййиды)¹²¹, другие шли на прямой подлог в составлении своих "новых" генеалогий. По нашим наблюдениям, подлог осуществлялся в случае, когда какая-нибудь побочная ветвь рода могла по разным причинам утерять свою записанную родословную, либо помнить о своей принадлежности к "священному клану" по семейной традиции. Однако не исключены и другие пути прямого подлога, когда обретший экономическое и политическое могущество некий клан нуждался в признанной богословами родословной записи для подтверждения легитимности своих притязаний (в том числе и экономических). Наиболее яркий пример последнего случая мы можем наблюдать на примере известного рода Джуйбариев.

Мы, совместно с французской исследовательницей М. Шуппе, уже упоминали,¹²² что фактический основатель этого рода именитый в Мавараннахре политический деятель и суфийский лидер X^ваджа Ислам Джуйбари (ум. в 1563 г.) использовал свою родословную запись (как будет показано ниже – наспех сфабрикованную) по линии

¹²¹ См.: Бабаджанов Б. *Садат-и тирмизи* (Термезские саййиды) // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Прозоров. – М., 2001. – Вып. 3. – С. 83-86.

¹²² Б. Бабаджанов, М. Шуппе. Чар-Бакр (Сумитан) – семейная усыпальница Джуйбариев. (публикация предполагается в ближайшем номере журнала *Ўзбекистон тарихи*); Они же. Джуйбари. // Ислам на территории бывшей Российской империи. – Вып. 3. – С. 36-38. Эти же авторы подготовили к публикации эпиграфический материал некрополя Чор-Бакр: *Les inscription persanes de Char Bakr, nécropole familiale des khwaja Juybary près de Boukhara*. Книга вышла в знаменитой серии *Corpus Inscriptionum Iranicarum*. London, 2002. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить профессора Р.Г. Мукминову за полезную критику во время написания мной дипломной работы, посвящённой эпиграфике Чор-Бакра. Будучи моим оппонентом, она более чем благосклонно отнеслась к моей скромной работе и позже всячески способствовала тому, что эти исследования были продолжены на более фундаментальном уровне совместно с французскими коллегами.

отца как один из главных аргументов в юридическом оформлении обширных участков земли в Сумитане и его округе. К приведённым в названных статьях аргументам можно добавить, что в качестве вновь образованного особого семейного "суб-ордена" Джуйбарида, естественно, нуждались в легитимной родословной, подтверждающей их статус "священной семьи", что, в свою очередь, сулило налоговый иммунитет и служило определённой гарантией их неприкосновенности, как членов Дома Пророка.

Несмотря на многочисленность исследований разных аспектов деятельности Джуйбаридов,¹²³ их родословная не стала до сих пор объектом специального анализа. Более того, как это будет показано ниже, для некоторых исследователей родословная этого клана, зафиксированная, прежде всего, в их семейных хрониках, не подвергалась сомнению, хотя биографические ремарки о самых именитых выходцах рода грешат массой хронологических неувязок и явных подлогов. Причину и суть этих искажений мы постараемся проследить в настоящей статье.

Самый ранний источник, где мы находим известие о том, что родословная Джуйбаридов восходит к Абу Бакру Са'ду – это сочинение Са'дийа, (написано примерно в 1580 году).¹²⁴ Здесь родословная линия приведена в следующем виде: Мухаммад Ислам Джуйбари – X^ваджа Ахмад – X^ваджа Йахья – X^ваджа Мухаммад Ислам – X^ваджа Тахир – X^ваджа Музаффар – X^ваджа 'Ала' ад-дин – Наджиб ад-дин – X^ваджа Захир ад-дин – имам Абу Бакр Ахмад – имам Абу Бакр Са'д – X^ваджа Захир ад-дин – Имам 'Али. Затем автор сразу добавляет: "Совершенно точно установлено, что Хадрат имам ('Али) из потомков 'Абд Аллах А'раджа",¹²⁵ и что потомок послед-

¹²³ Наиболее полную библиографию по истории Джуйбаридов см.: J. Paul. La propriété foncière des sheykhés Juybari // Cahiers d'Asie centrale. Aix-en-Provence – Tashkent, 1997. – № 3-4. – Р. 108-110.

¹²⁴ Мир Мухаммад-Хусайн б. мир Хасан ас-Саракхи ал-Хусайн. Са'дийа. Рук. ИВ АН РУз № 1439; здесь и далее ссылки приводятся под литерой "С".

¹²⁵ Очевидно, имеется в виду 'Убайдаллах ал-А'радж – один из современников лидера антиомейядского движения Абу Муслима (убит в 755 г.). ал-А'радж был признан в качестве одного из побочных потомков "семьи Пророка". Большинство сайдийских семей Центральной Азии ввели его в цепочку имён, восходящей к пророку Мухаммаду (см.: Бабаджанов Б., Муминов А. Ал-А'радж // Ислам на территории бывшей Российской империи. – Вып. 3. – С. 11-15. Там же источники и литература).

него имам Абу Бакр Ахмад¹²⁶ якобы получил в Бухаре от Хулагу хана (1242-1247) какую-то грамоту, где к нему прилагается титул "Накиб ан-нукаба" (С, л. 8^{a, b}).¹²⁷ Автора почему-то не смущила очевидная хронологическая неувязка: ведь Абу Бакр Ахмад (ум. в конце X в.) никак не мог застать монгольское нашествие!

Почти десять лет спустя практически такой же вариант родословия Джуйбаридов¹²⁸ привёл придворный историк 'Абдаллах-хана II (легитимно правил в 1583-1598 гг.) Хафиз-и Таниш. Единственная разница двух вариантов заключается в написании имени внука Абу Бакра Ахмада – Наджиб ад-дина (Хафиз-и Таниш передаёт его в форме "Маджид ад-дин"), хотя этот автор не упоминает 'Убайдаллах А'раджа, а говорит, что упомянутый имам 'Али¹²⁹ (последний в цепочке имён) является потомком шестого имама Джак'фар Садика (ум. в 765 г.; ШН, л. 46^a, перевод с. 269).¹³⁰

¹²⁶ К нему возводят свою родословную Джуйбариды и он действительно погребён на Чор-Бакре / Сумитане (см. ниже).

¹²⁷ Об этом титуле и об обязанностях его носителя в разные периоды подробно см.: D. DeWeese. The descendants of Sayyid Ata and the rank of Naqib in Central Asia // Journal of the American Oriental Society. N.-Y. – New Haven, 1995. – P. 612-634.

¹²⁸ Что касается эпиграфического материала, то сохранился лишь фрагмент родословия кого-то из рода Джуйбаридов (?), доходящего до Абу Бакра Са'да (хазира 12, дахма VII, надгробие 1).

¹²⁹ Издательница и переводчица санкт-петербургского списка "Шараф-наме..." М.А. Салахетдинова отождествила этого "имама 'Али" с восьмым имамом 'Али Риза б. Муса (ум. в 802 г.; Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шарафнама-йи шахи. Факсимile, р. D88, пер., введ., прим. и указатели М.А. Салахетдиновой. – Ч. 1. – М., 1983. – С. 269 перевода, комментарий 313. Далее под литерой "ШН"). Однако это едва ли можно признать точным, т.к. далее Хафиз-и Таниш пишет, этот самый имам 'Али переехал "из священных городов" (Мекка и Медина) в Нишапур, а оттуда в Бухару, где умер и был похоронен (ШН, л. 46 а). Насколько нам известно, о том, что имам 'Али Риза был когда-нибудь в Бухаре (и, тем более о том, что там был похоронен) не упоминает ни один источник.

¹³⁰ Академик Б.А. Ахмедов в одной из своих работ тоже приводит это родословие со ссылкой на ташкентский список сочинения Хафиз-и Таниша, (ИВ АН РУз, № 2207, л. 40^b); текст родословной идентичен с тем, который приведён в санкт-петербургском списке (ШН, л. 46 а). Однако приведённая Б.А. Ахмедовым завершающая часть родословной линии ("...ходжа Са'д – ходжа Захир ад-дин – имам Хусайн – 'Али ибн Аби Талиб") по досадной случайности не соответствует тексту обоих списков названного сочинения и не приводится в таком виде ни в одном из вариантов родословия Джуйбаридов (Б.А. Ахмедов. Роль Джуйбарских ходжей в общественно-политической жизни Средней Азии XVI-XVII вв. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. – М., 1985. – С. 18).

Ещё один автор семейной хроники Джуйбаридов, писавший годами спустя после Хафиз-и Таниша – Бадр ад-дин Кашмири¹³¹ дважды приводит схожее с вариантом Шараф-наме родословие Джуйбаридов (РР, л. 6⁶-22^a). Кроме того, он повторяет тот же рассказ о "переезде" имама 'Али Риза в Бухару (!) из Нишапура, о том, что он "испил здесь напиток из чаши смерти"; автор утверждает, что место расположения его могилы не известно. Затем Кашмири "развивает" дальше рассказ о "внучке" имама 'Али – Абу Бакре Са'де, который якобы обосновался в Сумитане (территория нынешнего Чор Бакра). Среди его многочисленных сыновей автор выделил особо Абу Бакра Ахмада, отличавшегося склонностью к мистическим уединениям и слышавшего большим знатоком "тайных и явных наук" (РР, л. 21⁶-24^b). Следующий затем в рассказе Кашмири эпизод, пожалуй, наиболее сомнителен во всей версии автора: подобно Хусайну Сарахси, он нисколько не задумывается о явном хронологическом несоответствии и приводит упомянутый выше рассказ о милостях, оказанных Абу Бакру Ахмаду Чингиз-ханом. Хан будто бы сделал Ахмада имамом Бухары передал ему во владение Сумитан, о чём была составлена грамота, которая была действительна до времён Мирзы Улугбека (РР, л. 25^{a,b}).

Примерно 80 лет спустя к этой же родословной обратился другой биограф Джуйбаридов Мухаммад Талиб х⁹аджа (сам выходец из этого же клана), который, очевидно, заметил хронологические погрешности в сочинениях своих предшественников.¹³² Автор более тщательно подошёл к разработке нового варианта родословия своих предков, обратившись также ко всем генеалогическим линиям Джуйбаридов. В линии от Мухаммад Ислама Джуйбари и до Абу Бакра Са'да автор полностью сохранил вариант, приведённый до него в сочинении "Са'дийя". К тому времени, когда Мухаммад Талиб писал своё сочинение, генеалогия Джуйбаридов, исходящая от Абу Бакра Са'да, была, очевидно, легализирована и, как мы показали в упомянутой статье, служила даже основанием для "возвраще-

¹³¹ Бадр ад-дин б. 'Абд ас-Салам ал-Хусайн ал-Кашмири. *Раузат ар-ризван ва ха-дикат ал-гилман*. Рук. ИВ АН РУз, № 2094 (далее под литерой "РР").

¹³² Абу-л-Аббас Мухаммад-Талиб б. Тадж ад-дин Хасан Х⁹аджа-йи Джуйбари. *Матлаб ат-талибин*. Рук. ИВ АН РУз. № 80 (далее – "МТ").

ния родовых владений".¹³³ Поэтому внести изменения в эту часть родословия автор не мог. Правда, заметив полную нелепость рассказов своих предшественников о "встречах и доверительных отношениях" Абу Бакра Ахмада с Чингиз-ханом (в других вариантах – с Хулагу-ханом), Мухаммад Талиб сохраняет разработанную до него основную сюжетную линию, но свидетелем монгольского нашествия делает 'Ала ад-дина – внука Абу Бакра Ахмада. 'Ала ад-дин будто бы был накибом Бухары. После того, как монголы разорили Бухару, он бежал вместе со всеми "за Амударью", но затем, "вспомнив о разрушенных мечетях и святынях", вернулся в Бухару. Монголы пощадили его и его близких, оставив в его владении Сумитан (МТ, л. 29^{a,b}; 33^b-34^{a,b}). Его сын имам Музаффар слыл знатоком "наук явных и тайных" и умер 7 рамадана 758/24.08.1357 г. (там же, 34^b). Эта дата вновь заставляет усомниться в достоверности "новой версии", предложенной Мухаммад-Талибом; если верить этой дате, то к моменту монгольского нашествия 'Ала ад-дин ещё не родился, либо, в крайнем случае, был просто младенцем.

Что касается генеалогической линии от Абу Бакра Са'да и до халифа 'Али б. Аби Талиба; то здесь Мухаммад Талиб был более свободен в творческом подходе к родословию своих предков; он, будучи знакомым с определённым кругом сочинений и с родословиями других знаменитых фамилий, ввёл в эту линию известных исторических лиц. Однако, чтобы избежать явных хронологических разрывов, какими изобилует нижняя часть родословия, сюда же была включена целая группа вымышленных лиц. Здесь Мухаммад Талиб явно увлёкся и допустил изрядный дисбаланс "верхней" и "нижней" частей родословия: на группу лиц от четвёртого имама Зайн ал-'Абидина (ум. в 712 г.) и до Абу Бакра Са'да (ум. в 971-972 г.) т.е. на 361 год приходится 22 персоны; в "верхней" же части родословия – от Абу бакра Са'да и до Мухаммад-Ислама Джуйбари (ум. в 1563 г.) – на диапазон в 591 год приходится всего 10 (!) персон, что никак не согласуется с демографической ситуацией смены поколений ни в средневековье, ни в нынешнее время. К тому же у автора заметны подлоги в родственных отношениях некоторых персон в генеалогии. Например, упомянутого 'Убайдаллаха А'раджа б. Хусайна он "дела-

¹³³ Б. Бабаджанов, М. Шуппе. Чар-Бакр (Сумитан).

ет" сыном 4-го имама Зайн ал-‘Абидина (МТ, л. 29 а). Затем, видимо для "пущей достоверности", Мухаммад-Талиб приводит некоторые биографические справки о своих "предках". Так, он пишет, что их далёкий предок некто саййид Мухаммад переехал из Мекки в Нишапур. Там у него родился сын – Имам ‘Али, который приехал в Бухару учиться и остался здесь жить.¹³⁴ Вскоре он прославился своими знаниями и благочестием. Его внук Абу Бакр Са‘д "унаследовал и приумножил" знания деда и стал одним из знаменитых четырёх Бакров Бухары (РР, 30^б-31^{а,б}). "Падишах того времени" дал Са‘ду селения Сумитан, Джуйбар и усадьбы около ворот Нау.¹³⁵ Абу Бакр Са‘д умер в 360/971-972 г. и похоронен в своём селении Сумитан.¹³⁶ Там же был похоронен его сын Ахмад (МТ, л. 33^а). Далее приводится упомянутая выше история внука последнего – ‘Ала ад-дина во время монгольского нашествия. Судя по кратким характеристикам остальных членов семьи, они принадлежали к духовному сословию, хотя не избегали занятий торговлей и сельским хозяйством (там же, 33^б-34^б). По сведениям Мухаммад Талиба, первым в Джуйбаре обосновался Х‘аджа Йахия, получивший поэтому нисбу "Джуйбари" которая затем стала эпонимом всего рода (л. 34^б).

Не меньшее значение авторы семейных хроник Джуйбаридов придавали своим родственным связям с другими кланами. Остановимся кратко на этих родословных, сопоставляя их с данными эпиграфики и других источников.

Х‘аджа Ислам Джуйбари и Х‘аджа Са‘д. Хафиз-и Таниш упомянул, что по матери род Х‘аджа Ислама восходит к Абу Бакр Фазлу б. Дж‘ару ал-Бухари (ум. в 325/937-38 г.; ШН, л. 46^а, перевод с. 108). Её имя – Биби Ази – привёл Мухаммад Талиб, который записал так же её родословную, через 8 колен восходящую до Абу Бакра

¹³⁴ Сравните рассказы об Имаме ‘Али, приведённые выше другими авторами.

¹³⁵ Западные ворота Бухары (полное название *Наубахар*), которые с конца XIV в. стали именоваться *Мазар* (Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения в 9 томах. – Т. I. – М., 1963. – С. 153-155).

¹³⁶ Любопытно, что никто из потомков Абу Бакра Ахмада не был похоронен в Сумитане. Мухаммад- Талиб местами их погребений называет различные известные мазары города Бухары (МТ, л. 34^б-35^б). Тут же автор приводит точную дату смерти Тахир х‘аджа сына Музаффара х‘аджа – 29 джумада II 804/4 февраля 1404 г. (34^б).

Фазла¹³⁷. Отец Биби Ази – Баха’ ад-дин ‘Умар по материнской линии имел саййидскую родословную (МТ, л. 35^{a,6}).

По словам Хусайна ал-Сарахси, походка и осанка Х^аджа Са‘да были царскими (падишахана), поскольку по материнской линии он являлся потомком Тимурида Мирза Султан Хусайна (1470-1506) с одной стороны, с другой – Мир саййида Барака (ум. в 1404), являвшегося духовным патроном Амира Тимура (С, л. 177^{a,6}).¹³⁸ Однако самой родословной автор не привёл. Составитель упомянутой семейной хроники Джуйбаридов – Кашмири не упоминает о родственных связях матери Х^аджа Са‘да – Ага Бика с потомками саййида Барака, но зато более подробно приводит рассказ о её предке Амир Мухаммад-Туман Бахадуре. Последний отдал свою сестру Ага Бигим замуж за Султан Хусайна, который будто бы пожаловал тому титул амир ал-умара’ и назначил правителем в Мерв. Мухаммад-Туман умер сразу после Мирза Хусайна. После него остались сын Мирза Сухраб и две дочери. Мирза Сухраб вынужден был бежать из Хорасана (когда тот попал в руки Шайбани-хана в 1509 г.) в Индию к Мирза Бабиру и его потомкам. Позже старшую из дочерей Мирза Мухаммад-Тумана взял в жёны один из муридов Х^аджа Ислама Джуйбари – Хафиз-и Кунграт, который взялся опекать и младшую сестру своей супруги – Афак Бика; последняя вскоре была отдана за Х^аджа Ислама Джуйбари. От этого брака и родился Х^аджа Са‘д. Через 4 года (в 944/1537-38 г.) Афак бика умерла (РР, 143^a-146^a).

Что касается родственных связей с потомками саййида Барака, то подробно эту часть родословия Х^аджа Са‘да приводит лишь Мухаммад Талиб (МТ, 37^{a,6}). Однако обе линии (от Сайид Барака и от

¹³⁷ И вновь, по названным выше соображениям, приходится указывать на сомнительность этой родословной, поскольку и здесь период смены поколений составляет 62-65 лет.

¹³⁸ Имеется в виду Амир саййид Барака (ум. в 1403-1404 г.), который был одним из авторитетов из числа духовенства при Амир Тимуре (1370-1405). Известия о его происхождении противоречивы – Мекка, Медина, Египет, Анхой (В.В. Бартольд. О погребении Тимура // Соч. – Т. II. – Ч. 2. – М., 1964. – С. 448-449). Судя по погребальным эпитафиям его старших дядюшек по отцу и его сына Амир Хайдара, дед саййида Барака носил нисбу Насафи, т.е. происходил из города в центре долины Кашкадарьи – Насафа (Карши), а не из других городов, как об этом писали (правда, с некоторым сомнением) ряд авторов – Ибн ‘Араб шах, Шараф ад-дин ‘Али Йазди и др. Подробней см.: А. Muminov, B. Babadjanov. Mir sayyid Baraka...

Султан Хусайна), как и следовало ожидать, не выдерживают никакой критики на предмет их достоверности, в особенности, если сравнить их с данными такого надёжного передатчика современных ему генеалогий как Мирза Бабур.¹³⁹

Бадр ад-дин Кашири пишет, что в 954/1547-48 г. Х⁸аджа Са‘да в 14 лет женили на дочери Шайбанида ‘Убайдаллах хана (от брака с Казак ханим). Детей от этого брака не было (РР, л. 156^a, 467^a), но эти родственные узы, очевидно, тоже имели значение в последующем усилении политического влияния Х⁸аджа Ислама.

Х⁸аджа Тадж ад-дин Хасан Джуйбари и его потомки. Его мать – Мах Султаним, была отпрыском из семьи сайидов Нишапура. Её родословие, приведённое Мухаммад Талибом, имеет серьёзные различия с надгробным вариантом.¹⁴⁰ Проверить достоверность имеющихся вариантов этого родословия в настоящее время не представляется возможным, хотя в глазах современников его надёжность, видно, не вызывала сомнений.

Кроме того, Мухаммад Талиб привёл родословие бабушки (по матери) Тадж ад-дин Хасана – Михр Нигар ханим, доходящее по отцовской линии до халифа Абу Бакра Сиддика (ум. в 632 г.), а по материнской – до Чингиз-хана (МТ, 39^{a,b}). Эти обе линии уже исследованы в работе D. DeWeese, который совершенно справедливо отметил, что Джуйбариды старались соединить свою родословную с другими сакральными генеалогиями Внутренней (Центральной) Азии.¹⁴¹ Полагаю, исследователь прав, считая что обе линии, приведённые в "Матлаб...", конечно, основаны на уже существующих версиях, рождённых из эпического и фольклорного материала Джучиева улуса.¹⁴²

¹³⁹ Zahir al-Din Muhammad Babur. Babur-nama (Vaqayi'). Concordance and classified indexes by Eiji Mano. Kyoto, Syokado, 1996, pp. 259-261.

¹⁴⁰ Например, между именами Амир Хайдара и сайид Абу-л-Хасана, автор "вставил" ещё три лица (МТ, л. 37^{a,b}).

¹⁴¹ D. DeWeese. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde, Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical an Epic Tradition /* The Pennsylvania State University Press, 1994. – Р. 392-396; illustr. 5.2 – Р. 386-87. Исследователь использовал список "Матлаб ат-талибин" берлинской Национальной библиотеки. Приведённые родословия этого списка, идентичны тому списку, которым пользовались мы.

¹⁴² D. DeWeese. *Islamization.* – Р. 396.

Матерью другого Джуйбарида – ‘Абд ар-Рахима б. Х^ваджа Са‘да была Зайнаб ханим дочь Мирза Ака-Мухаммад¹⁴³ бия (похоронена в хазира 14, дахма I/1). По словам Мухаммад Талиба, Мирза тоже возводил свой род до Абу Бакра Сиддика. Правда, его родословие не приведено. Сам Мирза-Мухаммад был муридом Мухаммад-Ислама; по указанию последнего Мирза убил правителя Бухары, освободив трон ставленнику Х^ваджа Ислама – Абдаллах-хану II (ШН, 95^б-96^б; перевод – с. 212-213; С, 97^б; РР, л. 72^{а,б}).

Джуйбариды старались также завязать родственные отношения с семьями авторитетных суфийских шайхов Мавераннахра. Так, например, после смерти знаменитого йасавийского лидера Касим шайха Карминаги (ум. 2 раби II.985/19.06 1577), на его дочери женился Тадж ад-дин¹⁴⁴; от этого брака родился его преемник и главный наследник – Мухаммад Йусуп (ум. в 1552; РР, л. 484^{а,б}, 497^б-498^{а,б}; МТ, л. 125^а).

Тесные родственные связи Джуйбариды имели с семьёй Аштарханидов (Джанидов). Все противоречия внутри этой династии прямо или косвенно коснулись их взаимоотношений с Джуйбаридами. Наиболее полную информацию на сей счёт мы находим у Мухаммад Талиба. Он пишет, что первый Аштарханид Баки Мухаммад-хан (1603-1606) утвердился на престоле во многом благодаря помощи ‘Абди-х^ваджа (младший сын Х^ваджа Са‘да), за что новый хан в знак благодарности отдал за Х^ваджу свою сестру Джани ханим (погребена на Чор-Бакре, хазира 11). После воцарения Баки Мухаммад отдался от ‘Абди-х^ваджи, который в отместку стал собирать вокруг себя оппозиционные силы. Однако Баки хан добился расторжения брака своей сестры с Х^ваджой, а его удалил в Индию, где тот через год (в 1607-608 г.) был тайно отравлен неизвестными лицами; тогда ему исполнилось 27 лет (МТ, 215^а-222^а).¹⁴⁵

¹⁴³ Мы придерживаемся транскрипции первого компонента этого имени "АКА" ("алиф"- "каф"- "алиф") по тексту надгробия (хазира 14, дахма I/1). Между тем, в источниках имя написано по-разному: Са'дийя и Шараф-наме – "гайн", вместо "каф" (С, л. 97^б; ШН, л. 95^б, 96^а), в "Матлаб ат-талибин" – как и в тексте надгробия.

¹⁴⁴ В источниках упоминается, что этот брак был заключён по приказу Абдаллах хана. Но это не исключает, что инициатива исходила от Х^ваджа Са‘да Джуйбари.

¹⁴⁵ См. также: Иванов П.П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения Средней Азии в XVI-XVII вв. – М.-Л., 1954. – С. 76.

Тем временем Баки Мухаммад-хан был убит братом Вали Мухаммадом, (1606-1611), в числе сторонников которого был 'Абд ар-Рахим Х^аджа. Новый хан отдал овдовевшую Джани-ханим за 'Абд ар-Рахима с солидным приданым. В дальнейшем хан и Х^аджа продолжали иметь тесные контакты, обмениваясь подарками (МТ, 198⁶, 201⁶-202³).

Вскоре дети покойного Баки-Мухаммада Имам-кули и Надир-Мухаммад сумели в стычке с Вали-Мухаммадом пленить и казнить его.¹⁴⁶ Трон достался Имамкули-хану (1611-1642), который сразу потребовал от 'Абд ар-Рахима удалиться в хадж. Однако за брата вступил Тадж ад-Дин и конфликт был улажен (МТ, 128^a, 203⁶).¹⁴⁷ Пытаясь наладить взаимоотношения с Джуйбаридаами, Имам-кули отдал за Тадж ад-дина свою сестру Иш Паянде Султаним (МТ, 128^a), хотя натянутые отношения с ханом у Тадж ад-дина сохранялись постоянно. Имамкули-хан неоднократно пытался ограничить налоговый иммунитет Джуйбаридов, но эти попытки оканчивались убийством придворных чиновников – исполнителей воли хана (МТ, 155⁶, 162⁶-163^a, 203⁶-204^a). Позже, во время правления Надр-Мухаммада (1642-45), дочь 'Абд ар-Рахим х^аджа и Джани-ханим была отдана замуж за старшего сына и преемника этого хана – 'Абд ал-'Азиз хана (1645-1680) и стала даже главой его гарема (МТ, 202^a). Как показывают результаты исследования эпиграфики, тесные родственные связи у Джуйбаридов были с младшим братом и преемником 'Абд ал-'Азиз хана – Субханкули-ханом (1680-1702).

Заключение. Таким образом, чем больше Джуйбариды обогащались и чем дальше они отдалялись от суфийской практики, тем

¹⁴⁶ Б.А. Ахмедов. История Балха (XVI – первая половина XVII в.). – Т., 1982. – С. 103-107.

¹⁴⁷ В дальнейшем 'Абд ар-Рахим х^аджа всë-таки добился эмиграции в Индию; Х^аджа настойчиво просил Имам-кули хана отправить его туда в качестве посла, против чего резко возражал Тадж ад-дин. Однако, 'Абд ар-Рахим был настойчив и сумел добиться отправки в Индию под тем предлогом, чтобы содействовать улаживанию конфликта между султаном Джахангиром (1605-1627) и его сыном Шах Хурамом (МТ, л. 207⁶-209^a). Прожив там около года, он неожиданно заболел и умер в 1038/1627 г. Ещё через 6 месяцев его останки были перевезены в Бухару и погребены в "хазире великих" (там же, л. 211^a-212⁶). В целом этот эпизод показывает крайне сложные взаимоотношения внутри семьи Джуйбаридов. Этой теме мы собираемся посвятить статью.

больше они заботились об установлении связей с известными кланами, представителями правящих династий. Это, конечно, способствовало возрастанию легитимности, влияния и авторитета членов рода, но в условиях сильнейшего влияния кочевнических традиций, не могло служить гарантой полной неприкосновенности, сохранения "священного" налогового иммунитета и прочих привилегий, получаемых именитыми кланами. Для защиты своих интересов Джуйбарида姆 приходилось всё чаще и чаще прибегать к насильтенным мерам.

Однако в стремлении Джуйбаридов связать своё происхождение с именитыми личностями и родами (сайды, Чингизиды) не стоит исключать и прямые экономические выгоды, которые удавалось извлечь членам этой семьи из удачных родственных связей. Так, фальсификация своих родственных отношений с Абу Бакром Са'дом позволила Хаджа Исламу добиться отчуждения в свою пользу солидного количества земель и недвижимости, не заботясь при этом о безупречном юридическом оформлении этого акта.¹⁴⁸ Прямая родственная связь с Мирза Мухаммад-Туманом (зять Хаджа Са'да) позволила Джуйбарида姆 унаследовать его обширное владение в Хорасане (после захвата его 'Абдаилханом), игнорировав права прямого наследника мирза Сухраба б. Мухаммад Тумана (РР, л. 146^{a,b}). Другой пример. После смерти внука Касим шайха Карминаги все вакфы его ханака и мазара в Кармина по приказу Имамкули хана были переданы Мухаммад Йусуфу Джуйбари (зять Касим шайха) в обход прав кровных родственников (МТ, л. 222^{a,b}). Любой брак Джуйбаридов с отпрысками правящих династий приносил в казну хаджей солидное приданое и подарки в виде денег, земель и других материальных ценностей¹⁴⁹.

Во всяком случае, путём сфальсифицированных и действительных связей с религиозными авторитетами а также с "исламизированными" силами правящих чингизидских династий, Джуйбарида姆 удалось создать, по сути, новый легитимный и "освящённый" родственный клан, восходящий к Абу Бакру Са'ду. Между тем ранние источники, где последний упомянут, ничего не говорят о его

¹⁴⁸ Б. Бабаджанов, М. Шуппе. Чар-Бакр.

¹⁴⁹ Источники и пути обогащения Джуйбаридов уже изучены в ряде статей (см. библиографию в статье J. Paul. La propriété).

сайидском происхождении. Эта "идея", видимо, тоже появилась в XVI в. Более подробно родословие Абу Бакра Са'да "разработал" (однако, не вполне тщательно) Мухаммад-Талиб Джуйбари. Ему же принадлежит заслуга в письменной фиксации других обширных родственных связей Джуйбаридов. Если принять во внимание, что хроника этого автора оказалась довольно популярна и часто цитировалась в последующей агиографической и другой литературе, то можно сказать, что Джуйбаридам и их биографам удалось сформировать "общественное мнение" среди современников, в смысле "сайидской" легитимности своего рода. Несмотря на известный упадок былого экономического могущества, члены этой фамилии сохраняли определённое влияние при дворе; за ними традиционно закреплялись некоторые дворцовые должности; управление местом их традиционного расселения – Джуйбаром, тоже было выделено как особая должность.¹⁵⁰

Тем не менее уже в XIX веке отсутствие достоверного родословия служило постепенному падению былого престижа рода. Посетивший Бухару в начале 1840-х годов Н. Ханыков пишет, что при распределении "сайидских чинов", Сайид-атаидам отдавали предпочтение перед Джуйбаридами, так как последние не имели письменного подтверждения своего сайидского происхождения, хотя их всё-таки признавали ходжами. Этот же автор называет две основные должности, даваемые Джуйбаридам: Шайх ал-ислам и Хаджа-айи Калан; последний единственный, кто мог приветствовать правителя целуясь.¹⁵¹

И последнее. Формирование рода и родословной Джуйбариев имеет некоторое сходство с историей клана Мирхайдари, из которого происходил упомянутый духовный патрон Амир Тимура – Сайид Барака.¹⁵² Мирхайдари тоже пользовались статусом и особой легитимностью "священной семьи", хотя о некоторых из них в источниках сообщается как о лидерах небольших суфийских общин в округе Балха. Например, в балхском Давлатабаде¹⁵³ шайхом одной

¹⁵⁰ Мирза Бади'-диван. Маджма' ал-аркам. Текст – л. 87 б; перевод – С. 93.

¹⁵¹ Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. СПб, 1842. – С. 190.

¹⁵² См. подр.: А. Муминов, В. Бабаджанов. Mir sayyid Baraka...

¹⁵³ Расположен в "шести днях пути" к западу от Балха (Б.А. Ахмедов. История Балха. – С. 41).

из кадиритских (?) ханака был Мир-Падишах Мирхайдари. Ханака была возведена Шайбанидом 'Абдаллах-ханом в знак особого почтения к потомку из дома Пророка и в благодарность за его помощь в дипломатическом урегулировании военных конфликтов хана с правителями Гиссара и Бадахшана (МТ, л. 76⁶, 96^a.) Двою других членов семьи Мирхайдари упомянуты как приближённые х'аджа Са'да Джуйбари.¹⁵⁴

Между прочим, имеющиеся варианты родословий Сайида Барака¹⁵⁵ в своих "верхних частях" (до 'Али б. Аби Талиба) тоже, очевидно, сфабрикованы. Эта фабрикация видимо исходила от его ближайших потомков, для которых "мекканское" (в крайнем случае просто "арабское") происхождение, как это зафиксировано в источниках,¹⁵⁶ сулило экономические выгоды и привилегии и легализовало их неприкосновенность в качестве потомков Пророка.

После смерти Амира Темура (1405) и даже после падения Темурдов (1506 г.) многие сайидские фамилии связывали своё происхождение с потомками Сайида Барака, с которыми многие знаменитые фамилии старались вступить в родственную связь. И если Шахрух-султан (1405-1436), видимо до конца своего царствования, оставался настороженным по отношению к андхудским родственникам Сайида Барака, то его племянник Байкара мирза (сын 'Умар шайха) выдал за одного из андхуских сайидов - Сайид 'Абдаллаха свою dochь Байрам Султаним; правда, написавший об этом Бабур миরза не упомянул, что Сайид 'Абдаллах является выходцем из семьи Сайида Барака.¹⁵⁷ Однако, тот же автор пишет, что родившийся от этого брака один сын был назван Сайид Барака,¹⁵⁸ очевидно, в честь своего знаменитого предка.

Позже авторы упомянутых хроник-биографий Джуйбариев также стараются сфальсифицировать их родственные связи с потомками Сайида Барака.¹⁵⁹ Судя по замечаниям биографов, этим родственным связям Джуйбариды придавали особое значение и видели

¹⁵⁴ Расположен в "шести днях пути" к западу от Балха (Б.А. Ахмедов. История Балха). - Л. 114-б.

¹⁵⁵ A. Muminov, B. Babadjanov. Mir sayyid Baraka.

¹⁵⁶ См. прим. 138.

¹⁵⁷ Zahir al-Din Muhammad Babur. Babur-nama. - Р. 260.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ См. выше.

в них один из самых важных источников для возвышения своего статуса в качестве "священной семьи", члены которой с середины XVI в. начали играть значительную роль в политической, социальной и экономической жизни Мавараннахра.

Между тем, родственный клан Мирхайдари, из которого происходил Сайид Барака, хоть и потерял своё былое политическое влияние, но продолжал сохранять авторитет вплоть до начала XX в. как одна из многочисленных семей саййидов в районах Кашкадарья, Зарафшана, среднего и нижнего течений Сырдарьи. Например, при дворе правителей за саййидами Мирхайдари был закреплён чин главного кади (кади-ий бузург).¹⁶⁰

Во всяком случае, мы полагаем, что дальнейшее исследование истории этих "священных фамилий" в истории региона следует продолжить, обратив особое внимание на критический анализ имеющихся родословных, роль и влияние этих кланов на политическую, экономическую и религиозную жизнь регионов, их взаимные родственные связи.

Буяков Ю.Ф.,
Ташкент

**ШАХРУХИЯ – КРУПНЫЙ ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННЫЙ
ЦЕНТР СРЕДНЕВЕКОВОГО МАВЕРАННАХРА
(по археологическим источникам)**

Сложение цивилизации и государственности Средней Азии и в первую очередь в ее Среднеазиатском междуречье – историческом ядре Республики Узбекистан – с глубокой древности носило урбанизационный характер. Поэтому изучение его древних и средневековых городов как центров ремесла и торговли, сыгравших важную роль в формировании экономики, культуры и социальной структуры страны, является одним из актуальных направлений исследований историков и востоковедов Республики.

Большая работа по разработке этой важной проблемы на материалах письменных источников проведена Р.Г. Мукминовой, авто-

¹⁶⁰ Бартольд В.В. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке. // Соч. – Т. II. – Ч. 2, М., 1964. – С. 388-399. Здесь В.В. Бартольд (издатель и преводчик текста) неверно предположил, что под термином "Мирхайдари" имеются в виду потомки халифа 'Али (с. 395, комментарий 24).

ром ряда крупных научных статей и монографий. Ведущее место среди них принадлежит монументальной работе по истории ремесла Самарканда и Бухары XVI в.¹⁶¹, в которой в отличие от многих исследований письменных материалов, вводящих в науку преимущественно сведения о политических событиях и династических расправах, привлечены и проанализированы сложные по содержанию документы и материалы нарративных сочинений, освещающие вопросы экономической и социальной жизни городов – развитие ремесел, структуры и технологии средневекового производства, основные виды городской продукции, взаимоотношения социальных групп, их трудовой деятельности и правового положения, анализ хозяйства крупных организаторов ремесла, торговцев, военных и светских феодалов, жизнь, быт и уровень культуры населения крупнейших городов Мавераннахра поры развитого средневековья.

Не случайно в зарубежном историографическом обзоре¹⁶² подчеркивалось, что книги Р.Г. Мукминовой о ремесле и социальном положении городского населения – наиболее крупные исследования, в которых подробно рассматриваются вопросы дифференциации населения, представлен социальный состав городов и социально-экономический анализ положения ремесленно-производственных групп, определяющих историческую действительность среднеазиатских городов XV-XVI вв.

Среди анализируемых исследовательницей документов – "Мактубат ва аснад" и сочинение автора XVI в. Зайнутдина Васифи "Бада'и ал вака'и", материалы которых не только характеризуют отдельные ремесленные цеха, но и служат показателем уровня ремесла городов. Наше внимание привлек один конкретный документ. Это грамота узбекского хана Науроз Ахмада, жаловавшая старшине цеха изготовления одежды Хусейну Портному должность главного портного удела Шахрухии.¹⁶³ Как известно, подобный указ давал старшине цеха широкие права в корпорации. Ему беспрекословно подчинялись мастера всех цехов города и входивших в удел населенных пунктов, связанные с этим ремеслом.

¹⁶¹ Мукминова Р.Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре XVI в. – Т., 1976. – 234 с.

¹⁶² Historical Survey of Islamic urban studies. – Tokio, 1991. – P. 295.

¹⁶³ Мукминова Р.Г. Указ. соч. С. 12-13, 170.

Наличие подобной грамоты заставляет предполагать включение Шахрухии в состав ремесленных центров. К сожалению, мы не имеем подробных письменных сведений о жизни Шахрухии. Но в нашем распоряжении имеются археологические материалы, которые при комплексном исследовании позволяют рассмотреть историю города в динамике ее развития, тем более, что слои его не повреждены современной застройкой. Историко-топографические исследования показывают, что город располагался на значительной площади равнины правого берега древнего Яксарта – Сырдарьи близ впадения в последнюю р. Ахангаран. Место это выгодно тем, что могучая Сырдарья, разливающаяся в период половодья на обширной территории, мало затронула твердые останцы, удобные для стационарной переправы через нее, на которых лежит и Шахрухия.

Город сформировался не менее двух тысяч лет тому назад у стационарной переправы через Яксарт, на одной из складывавшихся стационарных трасс Великого шелкового пути и носил название Бенакет. Он был возведен в античных традициях в виде квадратной крепости площадью более 30 га, с цитаделью, нависавшей над рекой в юго-западном углу шахристана.

В составе узбекского ханства Шахрухия служила второй столицей Ташкентского владения, местом пребывания наследника правителя удела.

К настоящему времени река смыла не менее половины шахристана и почти всю цитадель, разрезав город в виде треугольника. Древний Бенакет играл важную роль как крепость и близ переправы через Яксарт, и вдоль речного пути. Китайские источники еще в эпоху Старшего дома Хань отмечают северный торговый путь "по реке Иоша (Яксарт – Ю.Б.) в кочевые владения Янцзы и Янцай",¹⁶⁴ локализуемый большинством исследователей в Приаралье.

Тесные торгово-экономические связи, несомненно, объединяли Бенакет с древней столицей Чача, лежавшей в одном фарсаке к северо-западу от него на городище Канка.¹⁶⁵ Их объединяет и единый принцип городской планировки и общность материальной культуры.

¹⁶⁴ Бичурин Н.Я. (о. Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. – Т. II. – М.-Л., 1950. – С. 170.

¹⁶⁵ Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т., 1982. – С. 109-110.

Свидетельством торговых связей Бенакета этой поры служит находка на городище древнейших чачских медных монет с изображением на лицевой стороне головы государя с реалистичным изображением бодисаттв с возрастными особенностями с диадемами в головном уборе, а на оборотной стороне тамги и легенды, эволюция почерка которой говорит о длительности функционирования этого чекана.

Вес чачских монет, варьирующий от 2,95 до 2 г, свидетельствует о их широком использовании в различных формах торговли, а большое количество находок (в бассейне Средней Сырдарьи более 1300) – об активном развитии последней.

Быстрый рост Бенакета отмечается с поры раннего средневековья. Область в это время входила в состав сначала владений эфталитов, а затем Тюркского каганата. Сырдарья, как сообщают историки, некоторое время служила границей этих государств, но затем Каган Сандэкибу, собрав крупные силы, через Чач и реку Гульдарион (Сырдарью) тронулся на запад и дошел до Бухары, где в результате длительного сражения эфталиты были разбиты. В этот период активизируется торговля на Великом шелковом пути, основная трасса которого проходит через Чач и в составе последнего – через Бенакет. Через него по долине р. Ахангаран проходит ветвь пути в южное владение Чача – Илак, в котором с того времени отмечается активная работа рудников по извлечению золота, серебра и цветных металлов. Не случайно археологические раскопки показали для этого времени нарастание культурных слоев шахристана, возведение оборонительной системы с внутристенной галереей, значительное количество находок предметов материальной культуры, главным образом керамики, в том числе и бракованной, что свидетельствует о наличии гончарного ремесла. И наконец, зафиксирован выпуск городом собственной монеты с названием города Бенакет.

Но наиболее интенсивный расцвет города происходит в IX – начале XIII вв. Вокруг шахристана вырастает обширный рабад с жилыми кварталами, ремесленными мастерскими, площадями базаров.

При раскопочных работах были открыты крупные мастерские стеклодувов. Квартал стеклодувов вырастал вдоль Сырдарьи до восточной границы рабада площадью не менее 2 га (часть его разрушена рекой). Раскрыты небольшие прямоугольные печи, вероятно, для

варки стекла, куски стеклянных полуфабрикатов прозрачного, синего, зеленоватого цвета, подготовленные для дальнейшей работы стеклодувов, специальные площадки для разогрева стекла. Найдена партия из 25 ручек для кружечек и фрагменты разбитой стеклянной посуды, заготовки-жгуты для рельефного декора стенок сосудов. Размеры квартала свидетельствуют о широком развитии стеклодувного производства.

У подножья шахристана, отделенный от него дорогой, вырос крупный квартал керамистов X – начала XIII вв. с производственными площадками, установками для гончарного круга, ванной для готовой глиняной массы, двориками-айванами для подсушки полуфабрикатов, однокамерными и двухкамерными керамическими горнами для обжига сосудов, деталями производственного припаса керамистов – штырями для подвешивания сосудов, подставками-сепоя для установки сосудов открытого типа, глиняными калыбами для изготовления сосудов в формах со штампованным орнаментом, образцы различных типов посуды, ушедших в брак и т.д.

В северном рабаде на базарной площади раскрыты мастерские ювелиров с лункообразными печечками для разогрева металла, а западнее их – один из горнов металлургов. На базаре же находилось интересное крупное полуразрушенное помещение – своеобразный холодильник "яхнахона" для сохранения приготовленных для реализации фруктов и овощей.

В культурных слоях города найдены медные и серебряные монеты. Особенно большое количество их было собрано на территории базара, на юго-западной части которого был найден крупнейший в Средней Азии клад фельсов конца X – начала XI вв., включавший более 800 экземпляров.

Во внешнеторговых связях трасса через Бенакет, более длинная, но удобная, продолжает активно функционировать, и у восточных географов IX-X вв. прямо называют ее "старой бенакетской дорогой". Город известен не только как транзитный путь, по которому шли в Чач и Фергану, но и как центр производства товаров, среди которых славились красные шерстяные "бенакетские ткани" и мужская одежда из них, активно раскупавшаяся на восточных рынках и пользующаяся особо большим спросом у кочевников.

Известна эмиссия собственных монет Бенакета даже для начала XIII в., когда прекратился выпуск монеты даже его столицей – владением Бинкета.

Все эти материалы раскрывают роль Бенакета как крупного торгово-ремесленного центра Мавераннахра, почему в период борьбы с Мухаммедом Хорезмшахом Чингизхан направил в 1219 г. специальный отряд вверх по Сырдарье на Бенакет и Ходженд.

Город, который сопротивлялся 3 дня и на четвертый был взят штурмом, судя по археологическим материалам, подвергся большим пожарам и разрушениям. Более полутораста лет он находился в состоянии упадка, хотя наши наблюдения показывают, что кое-какие участки его были обжиты и в незначительных масштабах шла ремесленная деятельность, в частности, по производству гончарной продукции, правда, более низкого качества, чем раньше.

В 1392 г. во время восточного похода Амир Темур обратил внимание на стратегически важную роль этого пункта на переправе через Сырдарью и приказал восстановить его как военную крепость, дав ему имя своего младшего сына Шахруха. В короткий срок шахристан и часть рабада были окружены мощной крепостной стеной с 30 башнями, построенной полукругом, так, что и восточный, и западный края стен упирались в крутие обрывы русла Сырдарьи. Наиболее крупные бастионы были возведены у ворот северо-западного входа в хисар и внутри него в шахристан.

В 1404 г. в Шахрухии зимовало правое крыло войска Темура, готовившегося к походу на Китай. Через Шахрухийскую переправу возвращался и траурный кортеж с останками великого Сахибкирана.

В последующие годы Шахрухия была важной крепостью в составе государства Улугбека. Сам он останавливался в уделе Шахрухии в 1416 г., зимовал с войском, готовившимся к походу на Моголистан в 1425 г. После его смерти в период междуусобиц город в течение двух лет (1461-1463) был центром большого противостояния политических групп, примирить которые удалось лишь авторитету шейха Ходжи Ахрара, который трижды выезжал из Самарканда в Шахрухию.¹⁶⁶

¹⁶⁶ Бартольд В.В. Улугбек и его времена / Соч. – Т. II. – Ч. 2. – М., 1963. – С. 170.

В конце XV – начале XVI вв. Шахрухия упоминается в источниках как один из крупных военных центров Восточного Мавераннахра. Иногда она входила в состав государства отца Мирзы Бабура Омаршайха,¹⁶⁷ но затем была включена Султан Махмудом в Ташкентский удел, являлась одним из узлов борьбы последних Темуридов с Шейбани-ханом и с 1502 г. окончательно вошла в состав владений последнего, превратившись во вторую столицу Ташкентского удела узбекских ханов и местопребывание наследников удела. В это время к Кельды Мухаммаду в 1518 г. и был вызван историограф-панегирист Зайнутдин Васифи, готовивший документы, в частности, грамоту Хусейну Портному.

Как видим, некоторые моменты политической истории города отмечены в письменных источниках. Однако они рисуют ее в основном как военно-административный пункт.

Археологические источники подтверждают крупный военный потенциал города этого времени.

Раскопки фортификационных сооружений показали, что город окружала крепостная стена с глубоким рвом перед ней, в который был превращен один из городских каналов предшествующего времени, углубленный выемкой грунта. Из стен на расстоянии 15-20 м друг от друга выступали округлые башни разного диаметра. Башни цилиндро-конической формы, двухъярусные. Нижний ярус, вероятно, служил для хранения оружия (в одной из башен было найдено скопление из нескольких камней для метательных машин). Верхний ярус был разделен на две части – боевую и место отдыха воинов. Из стен башен выступали балки, игравшие функциональную роль в обороне. Они свидетельствуют о большом профессиональном мастерстве строителей фортификации города, которая неоднократно обновлялась до конца XVII в.

Но город был не только военной крепостью. Здесь открыто крупное ремесленное производство. На месте квартала керамистов X – начала XIII вв. выросли мастерские гончаров XV-XVII вв. с крупными двухкамерными обжигательными горнами, своеобразным набором выпускаемой продукции, отличным и по форме, и по декору от изделий X-XIII вв. Печи керамистов раскрыты и в восточной части хисара, где они сочетались со стеклодувным ремеслом.

¹⁶⁷ Бабур-наме. Записки Бабура / Перевод М. Салье. – Т., 1958.

При раскопках помещений горожан обнаружена интересная находка обломков железных ножниц, свидетельствующая о наличии швейного производства, что является материальным подтверждением грамоты старшине города о пожаловании звания Главного портного удела.

Несомненный интерес представляет и открытие крупного монетного чекана XV-XVI вв.

Все эти материалы говорят о перспективности изучения Шахрухии XV-XVII вв. как важного торгово-ремесленного центра Восточного Мавераннахра.

Джураева Г.,
Ташкент

ИМЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ БУХАРЫ

Бытует мнение, что в позднесредневековом мусульманском государстве женщина имела весьма ограниченные социальные и юридические права. Однако, основываясь на данных документальных и нарративных письменных памятников, мы можем говорить об активном участии отдельных женщин в политической и в общественной жизни страны. Следует сразу оговорить, что речь идёт о женщинах из состоятельных знатных семей. Женщины из этого круга, судя по источникам, были донаторами (заказчиками) отдельных богоугодных и гражданских сооружений (мечетей, медресе, ханако и т.п.), на которые составлялись вакфные грамоты.¹⁶⁸ В пользу благотворительного заведения довольно часто выделялись также обширные земли и другие виды движимого и недвижимого имущества.

Нередки случаи, когда женщина из правящей династии, обладая значительными богатствами и политическим весом, будучи учредителем вакфа, являлась и его мутаваллием (попечителем вакфных

¹⁶⁸ Вакфные грамоты – документы об изъятии из гражданского правооборота недвижимостей с условием использования доходов с них на благотворительные цели, в большинстве случаев на содержание мечетей, медресе, мавзолеев и т.п. Иногда в вакф передавалось и движимое имущество, как-то: деньги, книги и т.д. См.: Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. Акты феодальной собственности на землю XVII-XIX вв. Подбор документов, перевод, введение и примечания О.Д. Чехович, – Т., 1954. – С. 229. – Прим. 1.

имуществ) и, таким образом, часть доходов с объектов, переданных ею в пользу вакфного учреждения, она сохраняла за собой.¹⁶⁹ Наибольший интерес с этой точки зрения представляет вакфная грамота Михр-Султан-ханум, невестки узбекского хана Мухаммада Шайбани, жены Мухаммада Темура, опубликованная Р.Г. Мукминовой,¹⁷⁰ как и ее статья о роли и положении женщин в период правления Тимуридов и Шайбанидов.¹⁷¹

Уникальные данные из ярлыков приводит в своей работе Б.А. Казаков о назначении на должность мутаваллия мазара Ходжи Шамсаддина Башоро женщин, а именно: в 1564 г. – Бегим-Султан, а позднее, в 1581 г. на ту же должность того же мазара Ага-Калан, дочь шейха Абулкасима.¹⁷²

Извлечения из документальных источников позволяют не только значительно дополнить и уточнить, но часто и выявить новые данные о той или иной представительнице богатого сословия.

На основе исследования и анализа целого ряда вакфных грамот XV-XIX вв. можно говорить о деятельности женщин по благоустройству Бухары. Речь идет о женщинах из династии ханов, военно-феодальной знати, чиновничье-бюрократического круга и высшего духовенства. Некоторые из них известны в научной литературе, но большая часть рассматриваемых личностей уточнена и выявлена благодаря комплексному использованию материалов, извлеченных из вакфнаме, письменных сочинений и этнографических материалов. Отдельные объекты, построенные по заказу именитых женщин позднего средневековья, сохранились до наших дней. Дошли до нас и кварталы, названные в их честь. Так, например, в честь Казак-

¹⁶⁹ Вяткин В.Л. Вакуфный документ Ишратханы / Иштархана. – Т., 1958. – С. 109-136; Чехович О.Д., Вильданова. А.Б. Вакф Субхан-кули-хана Бухарского 1693 г. / Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1973. – М., 1979. – С. 213-235.

¹⁷⁰ Мукминова Р.Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам "Вакф-наме". – Т., 1966.

¹⁷¹ Mukminova R. Le rôle de la femme dans la société de l'Asie centrale sous les Timourides et les Sheybanides // L'Héritage timouride. Iran-Asie centrale – Inde XV-XVIII siècles. Cahiers D'Asie centrale. – № 3-4. – 1997; Она же. Место женщины в среднеазиатском обществе // Ўзбекистонда оила, давлат ва жамият курилишида аёлларнинг роли ва гендер муаммолари. – Т., 1999.

¹⁷² Казаков Б.А. Документальные памятники Средней Азии. – Т., 1987. – С. 18.

хоним, дочери Касым-хана был назван квартал Масджид-и Джами'-ий Хоним (Бегим) ("Соборная мечеть госпожи"). В научной литературе есть только упоминание об этом квартале.¹⁷³ Приблизительное его местоположение, как и чахарбага (огороженный сад с поместьем) и хаули, оставленных в наследство "Хазрат-и Казак-Хоним" ("Её Величество Казак-Хоним") выявлено нами из двух вакфных грамот 1570 г. и 1594 г.¹⁷⁴

Согласно грамоте 1594 г., за пределами старого хисара в квартале Масджид-и Джами'-ий Хоним, располагался караван-сарай, на востоке примыкавший "к отводному каналу (афдак), воды которого впадают в хаузы Лисак (Лисан) и Ходжа Зайнаддин".¹⁷⁵ Следовательно, квартал Масджид-и Джами'-ий Хоним можно локализовать по соседству с кварталами Хаузи Лисак и Ходжа Зайнаддин, местонахождение которых известно.¹⁷⁶

Дополнительные ценные сведения, позволяющие более точно выявить местоположение квартала Масджид-и Джами'-ий Хоним, мы находим в вакфной грамоте 1535 г. в пользу медресе Газийан.¹⁷⁷ Здесь указываются объекты вакфа в квартале Базар-и Нав, примыкающие к запретной полосе (джариб) канала хауза Лисак и Ходжа Зайнаддин. В этом же месте, судя по данному вакфнаме, находилась и тимча, известная как Базар-и Рисман ("Базар по продаже верёвок"). По данным актов джейбарских шейхов 964/1557 г., именно близ указанного выше Базар-и Рисман вне старой крепостной стены ("хисар-и кадим") Бухары находился квартал Масджид-и Джами'-ий Бегим (Хоним).¹⁷⁸ Здесь же при описании границ объектов продажи, расположенных в квартале Масджид-и Джами'-ий Бегим близ Базар-и Рисман, говорится, что они северной границей примыкают к старому рву ("хандак-и кадим") Бухары, а южной – к большой доро-

¹⁷³ Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (В связи с историей кварталов) – М., 1976, – С. 273, 303 – Прим. 38.

¹⁷⁴ ЦГА РУз ф. И-323, оп. 1, ед. хр. 24/1 и 1.

¹⁷⁵ Там же, ед. хр. 1.

¹⁷⁶ Сухарева О.А. Квартальная... – С. 168, 173, 174, 196-198.

¹⁷⁷ ЦГА РУз Ф. И-323, оп. 1, ед. хр. 12.

¹⁷⁸ Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI века. – М-Л., 1938. – С. 314; Иванов П.П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI-XVII вв. – М-Л., 1954. – С. 249, 250.

ге, что на базаре. В акте же шейхов Джуйбари от 961/1554 г. объект продажи – двор, как засвидетельствовано в купчей, располагался внутри старой крепости Бухары, в махалле Ходжа Зайнаддин, близ медресе Нау.¹⁷⁹

Суммируя и анализируя приведенный материал, можно с полным основанием утверждать, что квартал Масджид-и Джами'-ии Хоним (Бегим) находился непосредственно за старой крепостной стеной ("хисар-и кадим") города, вблизи ворот Дарб-и Нау, медресе Нау и квартала Базар-и Нау, по соседству с базаром Рисман.

Как известно, квартал Базар-и Нау (более полное название – Базар-и Дарб-и Нау) – один из известных кварталов XV в. и, по мнению О.А. Сухаревой, являлся наиболее древним названием квартала Имам Мухаммад Газали. По словам исследовательницы, некоторые старожилы Бухары считают, что квартал Базар-и Дарб-и Нау охватывал гораздо большую территорию, включая ещё четыре соседних квартала (Модари-хан, Масджид-и бесутун, Мухаммад-Йар-аталык и Лаби хаузи арбоб).¹⁸⁰

Из рукописных сочинений XVI в. выясняется, что Казак-хоним была женой Шайбанида Убайдаллах-хана и матерью Абдалазиз-хана. Будучи крупным землевладельцем, она подарила своему духовному наставнику (муршид) Ходжа Исламу Джуйбари селение Сумитан.¹⁸¹ Благодаря тексту документа из архива шейхов Джуйбари нам удаётся установить её полное имя – Кутлук Султан-хоним.¹⁸² О смерти Казак-хоним, а также о захоронении её в Сумитане в 1570 г. приводятся сведения в "Раузат ар-ризван".¹⁸³

Другой квартал Мусульман-энага подробно описан в научной литературе.¹⁸⁴ Однако до настоящего времени ошибочно предполагалось, что квартал носил имя некоего мужчины по имени Мусульман (Мусурман)-энага. В действительности же квартал был назван по имени женщины. Её имя упоминается в вакфном акте 1624 г., где она фигурирует как заказчик мечети, в пользу которой был завещан

¹⁷⁹ Из архива... – С. 121; Иванов П.П. Хозяйство... – С. 145.

¹⁸⁰ Сухарева О.А. Квартальная... – С. 188, 189, 301, 302.

¹⁸¹ Тарих-и Шейбани, рук. ИВ АН РУз., инв. № 1505, л. 53 а; Бадриддин Кашмири Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман, рук. ИВ АН РУз., инв. № 2094, л. 396, 40а.

¹⁸² Из архива... – С. 296; Иванов П.П. Хозяйство... – С. 242.

¹⁸³ Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван..., л. 209 а.

¹⁸⁴ Сухарева О.А. Квартальная... – С. 168, 175, 178.

вакф – Бану Мусульман-энага, дочь Нурбек-бия.¹⁸⁵ Ею было пожертвовано в данный вакф несколько селений и земельных участков в различных туманах Бухарского ханства, а также тимча и дуканы в самом городе. Мутаваллием вакфа назначался хатиб (проповедник в мечети) Мир Исмаил, сын Мир Махмуда. В тексте грамоты сказано: "...и эта мечеть расположена за пределами старого хисара ("хисар-и кадим") Бухары вблизи канала Руд-и шахри Бухара, в квартале (гузар) Сар-и Пул-и Раугангаран, который известен и знаменит..." Квартал Раугангаран под своим полным названием Сар-и Пул-и Раугангаран, упоминается в вакфнаме 1735-36 гг.¹⁸⁶ Сведения же нашего источника указывают на то, что название квартала относится ко времени более раннему, чем 1735-36 гг., а именно к 1624 г. Уже после постройки упомянутой мечети на территории квартала Сар-и Пул-и Раугангаран появился самостоятельный квартал Мусульман-энага. Следовательно, датировку квартала Масджид-и Мусульман-энага следует отнести к первой четверти XVII в. Наконец, впервые удалось выявить, что донатором мечети и учредителем вакфа была состоятельная женщина из семьи, принадлежащей к военному сословию – Бану Мусульман-энага, дочь Нурбек-бия.

Ещё об одном квартале Масджид-и Хадича-биби мы узнаём благодаря грамоте 1658 г., составленной от имени Мухаммад-Салих-ходжи, сына Абдаррахим-ходжи Джуйбари.¹⁸⁷ Этот квартал находился внутри старого хисара ("хисар-и кадим") Бухары. Там же находилась мукомольная мельница (харос-ард), пожертвованная в вакф, северная граница которой граничила с Каппан-и мавиз (крупное торговое заведение по продаже изюма). Других ориентиров для локализации квартала в тексте данного вакфнаме не оказалось. Согласно же сведениям другой вакфной грамоты 1642-1643 гг. удалось выявить, что Каппан-и мавиз находился в одноимённом квартале вблизи от мечети Раугангаран,¹⁸⁸ впоследствии получивший название квартала Ходжа Калон.¹⁸⁹

¹⁸⁵ ЦГА РУз., ф. И-323, оп. 1, ед. хр. 1291/1.

¹⁸⁶ Сухарева О.А. Квартальная... – С. 177, 178.

¹⁸⁷ ЦГА РУз., ф. И-323, оп. 1, ед. хр. 823/5.

¹⁸⁸ Там же. хр. 115/1.

¹⁸⁹ Сухарева О.А. Квартальная... – С. 205, 219, 220, 272, 315.

Таким образом, можно считать, что название квартала Хадича-биби было более ранним названием квартала Ходжа Калон. Кто такая Хадича-биби, к сожалению, не удалось установить. Можно предположить, что речь идёт о женщине-суфии Хадича-биби, одной из приверженок суфийского ордена Увайсия, упомянутой в "Тазкира-йи Богра-хани".¹⁹⁰

Название бухарского жилого квартала Ой-биби-инак джариба Калобод дошло до наших дней в несколько изменённой форме – Ой-бинок (возможно от Ой-биби-инок, или Ой-бий-инок). В квартале была старинная купольная мечеть, школа и два медресе. Ой-бинок толкуется как прозвище бедной женщины, отстроившей квартальную мечеть за деньги, вырученные от продажи портнянок, пряжу для которых она пряла из шерсти, собранной ею по клочку в степи, где паслись овцы.¹⁹¹ Подобную легенду можно воспринимать как интересный процесс мифотворчества.

Но обнаруженная недавно копия недатированной вакфной грамоты мечети Ой-биби инак говорит, что донатором названной мечети была женщина "хаджжи ал-харамайн (дважды совершившая хадж) по имени Салиха-ой-хонум, дочь великого султана благородного хакана хаджжи ал-харамайн...".¹⁹² К сожалению, мы не знаем ни времени учреждения вакфа, ни полного имени учредительницы. Мечеть была выстроена из жёлтого кирпича, ганча (сорт алебастра) и включала в себя северную, восточную и южную веранды; подробно указаны границы мечети, сохранившейся до наших дней. В пользу мечети Салиха-ой-хонум учредила вакф и пожертвовала примерно 50 танабов земли с рибатом (странныноприимный дом), чахарбагом и тахуном (мельница) в местности Каракуль тумана Пай-и Руд-и Бухара. Поскольку название квартала и мечети Ой-биби инак встречается также в вакфнаме Ханако Хазрат-и Ходжа Мухаммад Парсо, оформленном в 810/1407-08 гг., то датировку строительства мечети можно предположительно отнести к более раннему времени.¹⁹³

¹⁹⁰ Тазкира-йи Богра-хани Ркп. ИВ АН РУз., инв. № 1841, л. 319а – 322а.

¹⁹¹ Сухарева О.А. Квартальная... – С. 246, 249-250, 273, 316.

¹⁹² Далее пропуск. ЦГА РУз. ф. И-323, оп. 1, ед. хр. 129/10. Оригинал грамоты был утерян, восстановлен не в полном виде и заверен печатью Эмира Шах-Мурада в 1205/1790 гг., о чём написано в конце грамоты.

¹⁹³ ЦГА РУз. ф. И-323, оп.1, ед. хр. 1291 / 16, 55 / 13.

Об уровне образования и образованности в позднесредневековой Бухаре можно судить по количеству медресе, построенным по заказу именитых людей своего времени, в том числе и женщин. Об этом свидетельствуют построенные по заказу последних многочисленные медресе, в частности, и для женщин. Судя по вакфной грамоте 1700 г., в Бухаре некой Биби-халифа были построены медресе, мечеть и хаммам (баня).¹⁹⁴ О медресе есть упоминание в литературе. Оно находилось в квартале Мир-Тахури диван, известном под названием Мадраса-йи Биби-халфа ("Медресе учительницы"). Обучались в нем девочки. Мечеть же в названном квартале представляла собой старинное здание с купольным сводом. В литературе упоминается о бане с тем же названием Хаммам-и Биби-халфа ("Баня учительницы") в квартале Устад Рухи, выстроенной на средства некой женщины, имевшей конфессиональную школу для девочек и являющейся чтицей молитв при совершении семейных обрядов.¹⁹⁵ Ясность по этому вопросу вносят данные вакфнаме, написанного в зу-л-ка'да 1111 г.х. / апрель-май 1700 г. В нём говорится, что некая Ходжа Биби-халифа, дочь Муллы Мухаммад-Саида, будучи донатором медресе и мечети, учредила в их пользу вакф.¹⁹⁶ Медресе, согласно данным грамоты, было выстроено из камня, жжёного кирпича, дерева и состояло из двадцати каменных помещений, четырёх порталов (пештак), одной классной комнаты (дарсхане), внутренней и внешней площадок (саҳн) и десяти деревянных помещений. Указаны точные ориентиры медресе, западная сторона которого примыкала к дороге общего пользования (роҳ-и омма), северная – к определённому рву (афдак), вода которого течёт в хауз, восточная – к чахарбагу вакфа, где располагались макбара (место погребения) и сагана (надгробие), которые приказала построить для себя вакфодательница, южная – ко двору такого-то. В вакф в пользу медресе были завещаны посевные земли махалли Варбудун и Зийарат и две мельницы (асийа), а также чахарбаг, расположенный к востоку от медресе и каравансарай на территории города. Мутаваллием назначалась сама учредительница вакфа.

¹⁹⁴ ЦГА РУз. ф. И-323, оп.1, ед. хр. 1021.

¹⁹⁵ Сухарева О.А. Квартальная... – С. 144, 263.

¹⁹⁶ ЦГА РУз. ф. И-323, оп. 1, ед. хр. 1021, 55 / 18.

С женскими именами связаны также два медресе с одинаковым названием – Ой-Чучук-ойим.¹⁹⁷ Один из них локализован в джарии Турки Джанди в квартале Махдуми А'зам, где "...была стариная мечеть, напротив которой находилось двухэтажное медресе, известное под именем Чучук-оим; как показывает название, его постройка приписывалась какой-то знатной женщине (оим – термин обращения и приставка к именам женщин из знатного рода)".¹⁹⁸ В вакфной грамоте 1820 г. нам удалось обнаружить дополнительные данные о донаторе этого медресе – Чучук-ойим, дочери Кул-Мухаммада дадха,¹⁹⁹ которая пожертвовала в пользу построенного ею медресе невыделенную одну треть земли Фаровиз, Йанги Курган и Карчигай вилайата Кармина.²⁰⁰ Медресе, судя по описанию в вакфнаме, было выстроено из дерева и необожжённого кирпича, состояло из 9-ти комнат (худжр) и размещалось в квартале Ходжи Аман-бай, соседствующего с кварталом Махдуми А'зам. Видимо, позже, в результате дробления кварталов, медресе Ой-Чучук-ойим оказалось на территории квартала Махдуми А'зам.

Другое медресе под названием Ой-Чучук-ойим неизвестно в научной литературе, информацию о нём мы находим в вакфнаме 1792 г.²⁰¹ Донатором медресе и учредительницей вакфа выступает Ой-Чучук-ойим, дочь Мухаммад-Шукура туксаба.²⁰² Последний, по данным грамоты, построил от имени своей дочери высокое медресе с многочисленными худжрами, мечетью, тахорат-хане, граничащими друг с другом, с тремя высокими портиками (равак) в Чахарбаг-и Баки-хан, внутри нового хисара, недалеко от медресе Святейшего Ишан-ходжи. В пользу указанного медресе было пожертвовано 180 танабов земли милк-и хурр-и халис в местности Хасан-Йар тумана

¹⁹⁷ ЦГА РУз. ф. И-323, оп. 1, ед. хр. 40, 50/6.

¹⁹⁸ Сухарева О.А. Квартальная... – С. 94.

¹⁹⁹ Дадха – лицо, передающее эмиру жалобы от населения, а также вручающее последнему полученный от эмира ответ. См.: Мирза Бади'-диван. Маджма' ал-аркам ("Предписание фиска") (Приёмы документации в Бухаре XVIII в.) / Факсимile рукописи / Введение, перевод, примечание и приложения А.Б. Вильдановой. – М., 1981. – С. 97.

²⁰⁰ ЦГА РУз. ф. И-323, оп. 1, ед. хр. 40.

²⁰¹ Там же. хр. 55/6.

²⁰² Туксаба – раскладывающий еду и наполняющий чаши напитками, а также исполняющий военные обязанности. См.: Мирза Бади' – диван. Маджма'. – С. 98, 99.

Каракуль вилайата Бухары. Известно, что Чахарбаг-и Баки-хан размещался на территории квартала Чукур-макхалла.²⁰³ В этом квартале были два медресе. Один из них, по-видимому, и был построен по заказу Ой-Чучук-ойим.

Нередко женщины, по свидетельству документов, были организаторами строительства бань. Например, "Хаммам-и Ходжа" была выстроена по заказу некой женщины дважды совершившей хадж (хаджжи ал-харамайн) Хаджжи-ой-биби, дочери Ака бакаула. Она передала эту баню в вакф в пользу мавзолея Исмаила Самани, Ханако Хазрат-и Айуб, мечети Такийа и мечети Турумтай-бий, которая известна как Лаби хаузи мурдахо.²⁰⁴ Вакф был составлен в месяце раджаб 1132/ май-июнь 1720 г. В грамоте дано детальное её описание, судя по которому, баня была выстроена из жёлтого кирпича, камня, дерева, ганча и извести (ахак), и состояла из традиционных помещений,²⁰⁵ снабжённых оборудованием. В бани использовалась вода реки, текущей с северной стороны по направлению к озеру общего пользования (кул-и омма). Баня располагалась, согласно грамоте, за пределами старого хисара ("хисар-и кадим") города в квартале мечети Такийа, и была известна как "Хаммам-и Ходжа". К началу XX века в квартале Такийа такой бани уже не было.²⁰⁶ Лишь благодаря рассматриваемой вакфнаме стало известно о существовании гражданского сооружения – бани "Хаммам-и Ходжа", а также имя его донатора и вакфодателя – Хаджжи-ой-биби. Мутаваллием назначалась сама учредительница вакфа.

Таким образом, конкретно-исторические материалы, извлечённые из письменных памятников, и в частности вакфных грамот, позволяют выявить новые данные об именитых женщинах средневековой Бухары, а также о построенных по их распоряжению архитектурных сооружениях.

²⁰³ Сухарева О.А. Квартальная... – С. 103, 119, 120, 122, 123, 268, 281, 320, 321.

²⁰⁴ ЦГА РУз. ф. И-323, оп. 1, ед. хр. 1291/10.

²⁰⁵ Подробнее о средневековых бухарских банях см.: Джураева Г.А. Средневековые бани и другие водные сооружения Бухары (По материалам письменных памятников) // ОНУ. – 1998. – № 4-5. – С. 93-95.

²⁰⁶ Сухарева О.А. Квартальная... – С. 124, 134, 284, 309.

К ПРОБЛЕМЕ "ИДЕАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЯ" В МИНИАТЮРЕ МАВЕРАННАХРА И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Тема "идеального правителя" – олицетворения высшего и всеобщего блага – была издавна актуальной в государствах восточных цивилизаций.

Так, в зороастрийских дидактических "андарзах" – наставлениях содержатся советы по мудрому управлению государством и правилам поведения высшей аристократии,²⁰⁷ повлиявшие в дальнейшем на подобную арабскую литературу.

В VIII в. в халифате возросла потребность в книгах, трактующих вопросы управления. Отсюда рождение огромного комплекса литературы типа трактатов по этике, рассуждений о правах и обязанностях носителей власти²⁰⁸ и пр.

Главной причиной создания и развития этого жанра были потребности управления громадным многоэтническим государством, наличие массы административных проблем и обуздание нередкого безнравственного произвола тиранов. Цель – "благо владыки и всеобщая польза".²⁰⁹

В рамках небольшой статьи мы коснемся лишь некоторых аспектов проблемы отражения образа "идеального правителя" в миниатюрах к "Хамсе" Низами (1141-1203) и Навои (1441-1501) в списках XIV-XVII вв.

²⁰⁷ Изведать дороги и пути праведных. Пехлевийские назидательные тексты / Введение, транскрипция текстов, перевод, комментарий, глоссарий и указатели О. Чунаковой. – М., 1991. – ППВ. – XCIV. – С. 13.

²⁰⁸ В том числе, например: "Счастье и осчастливливание в человеческой жизни" ал-Амири ан-Нисабури (X в.), "Ускорение триумфа" (XI в.), "Сиасет-наме", "Сирадж ал-мулук" ("Светоч царей") Абу Бакра ат-Туртуши (XII в.), "Чистейшего золота поучение владыкам" Абу Хамида ал-Гарнати ал-Газали (XII в.), "Чудеса на пути или природа владычества" Ибн ал-Азрак (XV в.) и пр. (Игнатенко А.А. Средневековые "Поучения владыкам" и проблематика власти. / Социально-политические представления в исламе. История и современность. – М., 1987. – С. 24; Пиотровский М.Б. Светское и духовное в теории и практике... С. 286).

²⁰⁹ Игнатенко А.А. Средневековые "Поучения владыкам"... С. 23, 32.

Знаменитый везир сельджуков (1050-1225) Низам ал-Мульк в "Книге о правлении" так писал о том, что подобает иметь "владыку мира": "...красивую наружность, добрый нрав, справедливость, мужество и храбрость, мастерство верховой езды, знание, умение владеть всякого рода оружием, понимание искусств, благоволение и милосердие к народу, верность в исполнении обетов и обещаний, исполнительность по частиочных молитв и продолжительности постов, почтение к людям возвышенного знания, уважения к подвижникам, благочестивым и мудрым людям, постоянную благотворительность, хорошее отношение к нищим, добронравие и обходительность с подручными и служами, умение оберегать народ от угнетателей".²¹⁰

Одним из главных качеств идеального правителя на Среднем Востоке считалась справедливость. "Основа закона – справедливость. Держава удержится на неверии, но не удержится на несправедливости".²¹¹

Тема справедливости вслед за поэтами неоднократно привлекала внимание и художников. Так, в поэме Низами "Мазхан ал-асрап" ей посвящены миниатюры к двум притчам: "Нуширван слушает разговор двух сов" и "Старая ткачиха жалуется султану Санджару на притеснения". Сюжет в двух списках – Бухарском и Тебризском – посвящен мысли о том, что главная обязанность правителя – заботиться о благе народа, восстанавливать попранную справедливость, ибо благо народа составляет основу блага всей страны и самого правителя.²¹²

Обе миниатюры решены в близкой схеме: на гористую лужайку выезжает пышная кавалькада с шахом во главе. К его стремени пришла сгорбленная старуха с палкой в руке, доведенная до отчаяния притеснениями градоправителя, и говоря, что если он не восстановит справедливость, то станет лишь рабом, притязающим на власть шаха. Но султан остался глух к словам мудрой старухи и вскоре погиб.²¹³

²¹⁰ Сиасет-наме. Книга о правлении вазира Низам ал-мулька. / Перевод, введение и изучение памятника проф. Б.Н. Заходера. – М.-Л., 1949. – С. 12-13.

²¹¹ Игнатенко А.А. Указ. соч. С. 35-36.

²¹² Список из Тебриза от 1539-43 гг. Хр.: Лондон, Британский музей, OR2265-7, илл. 5; список из Бухары, 1545 г. Хр.: Париж, Национальная библиотека, 985, л. 40а-8, илл. 37.

²¹³ Пугаченкова Г.А., Галеркина О. Миниатюры Средней Азии в избранных образцах (из советских и зарубежных собраний). – М., 1979. – С. 128, илл. 37.

В миниатюрах использованы символико-метафорические изобразительные приемы, "говорящие детали". Так, в бухарской миниатюре султан едет из зоны с пышной растительностью, цветущими весенними деревьями в зону с мрачно засохшим деревом и чахлым кустарником. В тебризской миниатюре использовано больше красноречивых деталей. Это желто-коричневая "осенняя" гамма растительности, а сама "лужайка" представляет оголенную коричневую землю.²¹⁴ В небе тебризской миниатюры на огромное золотое светило наползает темная туча – древний, еще с зороастрийских времен, образ борьбы дракона (символ зла) с солнцем (добро). Один из древнейших сюжетов борьбы добра и зла – это борьба солнца-огня (отара) с драконом; может быть, первоначально – образ тучи, застилающей солнце.²¹⁵

Несправедливость, которая является причиной самодурства, ведущего к разорению страны, обличается в сюжете "Нуширван слушает разговор двух сов" ("Махзан ал-асрап", Тебриз). В благодатной местности с обилием воды и журчащих водопадов среди цветущих деревьев и летающих птиц как бы контрастом предстает полуразрушенный остов когда-то прекрасного дворца, украшенного остатками узорных панелей. Полуобвалившиеся стены зияют провалами и выщербленными плитками декоративного покрытия. Внизу картину разорения щедро наделенного природными богатствами края усиливает выразительная метафора – двое мужчин варварски рубят топорами зеленые деревья, видимо, на дрова.

В суфизме развалины – аллегория бренного мира, также символизировала ум (в данном случае – султана), разрушенный упорствующим в заблуждениях мышлением и ожидающий возрождения. Сова несет страдания бедствия, несчастья, владеет страшными тайнами.²¹⁶ Но царя интересует не картина запустения, а разговор сов. На вопрос царя, о чем они говорят, мудрый везир отвечает, что одна из сов выдаст дочь замуж, а за нее требует несколько разрушенных деревень. Другая отвечает: "С притеснениями шаха долго ли ждать?

²¹⁴ Низами. "Хамсе". Миниатюры. / Составитель, автор предисловия и аннотаций альбома К. Керимов. – Бакы, 1982. – л. 273.

²¹⁵ Брагинский И.С. Иранское литературное наследие. – М., 1984. – С. 30.

²¹⁶ Бедиль. Куллият Чор унсур. Литографированное издание. – Бомбей, 1299 г.х. – С. 100.

Сто тысяч развалин смогу тебе дать!". После такого разговора шах осознал свою вину, отменил непосильные налоги, получив прозвище "Справедливый". Как демонстрирует составленный исследовательницей Л.Н. Додхудоевой Индекс миниатюр на эту сцену в списках произведения Низами с XIV-XVII вв. на Среднем Востоке, он выполнен в 49 списках рукописей школ Герата, Шираза, Табриза, Исфахана, Хорасана,²¹⁷ как вызывавший сочувствие к страданиям народа и равносильный обличению тирана.

На решение образа "идеального правителя" поэтами и художниками оказало влияние учение суфизма, к XIV в. сформировавшее свою доктрину и получившее феноменальную популярность в Мавераннахре, вообще на Среднем Востоке. В совокупности с рационалистическим направлением мышления идеология суфийского учения стала выражением гуманистических идей, обращенных к утверждению в обществе социальной справедливости, борьбы со Злом, утверждения Добра, призыву к подвигу трудовой жизни, человеколюбию.

Низами и Навои считают достойным сана правителя лишь человека, ставящего себе высокие цели, не ограничиваясь лишь приобретением мирских ценностей.²¹⁸ Лишь благо народа, его покой для идеального правителя дороже всего. На сюжет поэмы Низами "Искандер-наме" – "Искандар у дервиша-мудреца" в Индексе Л. Додхудоевой отмечено 16 миниатюр в списках разных школ Среднего Востока с 1400 г. по 1562 г. Одна из лучших выполнена Бехзадом. По сюжету, после безуспешных попыток 40-тысячного войска разбить занявших Дербентский замок разбойников, грабящих караваны и нарушивших мирную жизнь окрестных сел, правитель страны отправился за помощью к святому праведнику. Паломничество к отшельнику понималось и как духовное искаание, один из путей к Богу. Вытянутая по вертикали миниатюра Бехзада²¹⁹ впечатляет точкой обзора, как бы с высоты охватывая вид мощного замка с величественными зданиями и башнями внутри высоких укрепленных стен, скалистые цепи горной страны, которые пришлось с

²¹⁷ Додхудоева Л.Н. Поэмы Низами в средневековой миниатюрной живописи. – М., 1985. – С. 108-110.

²¹⁸ Бертельс Е.Э. Навои и Джами. / Избранные труды. – М., 1965. – С. 388.

²¹⁹ "Хамса" Низами, Герат, 1495 г.; хр.: Лондон, Британский музей, OR6810, л. 273.

большими трудностями преодолеть государю со свитой, чтобы достичь пещеры святого аскета и попросить помощи. Изображенный в верхнем левом углу Дербентский замок как бы нависает над головой Искандара, символизируя всю тяжесть навалившейся на его государство беды и всю несправедливость торжества зла. Беседа отшельника с высоким гостем, молтива аскета помогла освобождению замка, что продемонстрировало всемогущество Бога и бессилие человека, даже носителя власти. Данный эпизод иллюстрировал усиливавшееся понимание хода истории как испытания людей и божьего волеизъявления: "Люди могут только служить, господствует лишь Бог".

На Востоке сложилось представление об "идеальном правителе", соединяющем мусульманское благочестие с глубоким знанием мудрости Востока и Запада.²²⁰ Популярность трудов Аристотеля и античных философов, их влияние на мусульманскую философию ощущалась веками. Эта близкая связь давала возможность поэтам объединить вопросы политики, управления страной с вопросами философскими, онтологическими, гносеологическими, с этическими учениями.²²¹ У Низами сан при дворе Искандара устанавливается в зависимости от знаний, а не от происхождения и богатства. В поэме Навои "Сади Искандари" Искандар окружен греческими мудрецами, с которыми он советуется по важным вопросам управления. Традиция совещательных обсуждений с мудрыми уходит на Среднем Востоке в глубокую древность. Низам ал-мульк отмечал это: "Устройство совещаний доказывает рассудительность, полноту разума и предусмотрительность... Мудрые сказали: рассуждения одного, как сила одного человека, рассуждения десяти, как сила десяти".²²²

Но в поэмах Низами и Навои совещания с греческими философами касались сугубо научных проблем, в которых Искандар показал себя сведущим и образованным даже более остальных мудрецов. Так, в циклах поэм Низами, согласно Индексу Л. Додхудоевой, зафиксировано 50 миниатюр на тему "Тайное собеседование Искандара с семьёй мудрецами" в списках разных школ Среднего Востока с

²²⁰ Бертельс Е.Э. Указ соч. С. 312.

²²¹ Там же. С. 283.

²²² Сиасет-наме. С. 97.

1434 по 1677 г. (Исфахан, Шираз, Герат, Казвин, Турция, Мавераннахр, Индия).²²³ Наиболее интересно разработана миниатюра Бехзада на тему "Собеседование Искандара с семью мудрецами" в гератском списке "Хамсе" Низами от 1495 г.²²⁴ По сюжету, Искандар приглашает во дворец семью греческих философов и обсуждает волнующий его вопрос о сотворении мира. Собравшиеся сидят на айване перед стеной двухэтажного дворца. Искандар вознесен на вершину пирамидального расположения философов в центре картины. Позы и жесты философов отмечают их заинтересованное участие в беседе. Знаменательно в этой сцене, что Искандар представлен не героизированным носителем власти, а человеком средних лет, неторопливым в движениях, спокойно и вдумчиво обсуждающим с присутствующими важные вопросы. Общество ведет обмен мнениями в благопристойной и уважительной атмосфере.

Бехзад явно разделяет мнение Низами о том, что идеальным правителем государства должен быть просвещенный глубокими знаниями мудрец, опирающийся в решениях на мнение столь же просвещенных и прозорливых мужей.

Идея прославления творческого труда и человеколюбия в применении к правителю впервые на Востоке было интересно развита Навои в поэме "Фархад и Ширин" (1484 г.), где Навои как бы предвосхищает возможность и желательность появления правителя деятельного, с горячей необычной любовью и интересом к труду и вся кому мастерству, в какой бы форме оно ни проявлялось.

Завоевавшая в XIV-XV вв. в Мавераннахре и Хорасане лидирующие позиции идеология суфийского ордена Накшбандийа в лице его деятелей провозгласила, в отличие от проповедуемого более ранним суфизмом (с IX в.) пассивного неприятия несправедливостей жизни, приводившего к аскетизму и уходу из общества в поисках некоей абстрактной правды, тезис о необходимости активной жизненной позиции, отрицая существование за счет чужого труда. Выдвинув идею о необходимости и благости труда, высокой роли труженика, теоретики Накшбандийа получили возможность активно вмешиваться в жизнь общества.

²²³ Додхудоева Л.Н. Указ. соч. С. 277-278.

²²⁴ Низомий "Хамса" сига ишланган расмлар. Альбомнинг тўзувчиси ва сўз боши муаллифи Фозила Сулаймонова. – Т., 1985. – Илл. 44.

Новая ситуация выдвигала новые темы, образы. Разработанный еще Низами пленительный образ могучего телом и духом замечательного труженика Фархада, выходца из народа, не случайно был подхвачен Навои. Но у Навои этот образ исключителен тем, что его Фархад – не простой выходец из народа, но принц, наследник престола могущественного хакана из Восточного Туркестана, сочетавший бесстрашие эпических богатырей с необычной мягкостью и человечностью. Отличающийся исключительными способностями и любознательностью, он легко и быстро обучается многим сложным искусствам. Этим качеством Фархад в поэме Навои сильно отличается от правителей других знаменитых поэм Среднего Востока. Другая особенность царевича – его глубокая и благородная любовь к одной Ширин, отличающая его от иных царственных героев – Хосрова, Бахрам-Гура и др., не дороживших даже жизнями фавориток (Азаде, Фитне) и постоянно пополнявших гаремы новыми красавицами.

По поэме Навои, Сократ-мудрец, к которому стремился попасть для мудрой беседы царевич Фархад, предсказывает ему "великую любовь, страданьем велика", которая сделает Фархада "могущественней тысячи владык" и "оставит по нем память преданий на века".²²⁵ Постигшая вскоре любовь Фархада к Ширин стала смыслом жизни царевича и сравняла его с Меджнуном. Увидев в волшебном зеркале прекрасную девушку Ширин, Фархад влюбляется и в поисках ее прибывает в страну Армен, где совершает трудовой подвиг по прорытию канала. Увидев, как мучаются люди на строительстве канала, царевич Фархад, пожалев их, выполняет за день работу, которую 200 мастеров не могли выполнить за три года. Сцена приезда Ширин на грандиозный канал, прорытый им, является общей для всех поэм других авторов, связанных с Фархадом (Низами, Амир Хусрау Дихлави, Навои и пр.) и вызвала своей сказочной фантастичностью и романтичностью огромное число вариаций – "назире". Так, по Индексу Л. Додхудоевой, только в списках поэмы Низами, где ремесленник Фархад не является главным героем, сцене проекладки Фархадом дороги на Бисутун посвящено с 1411 г. по XVIII в. 85 миниатюр, а на сюжет "Фархад спасает Ширин и ее коня" в сцене, где юноша подхватывает всадницу на коне, начавшем скользить

²²⁵ Навои А. Фархад и Ширин /Соб. соч. в 10 томах. – Т. IV. – Т., 1968. – С. 131-132.

на камнях, на плечи и относит их в горный замок, выполнено 45 миниатюр в списках с XIV по XVIII вв.²²⁶ Совершив великие подвиги во имя любви к девушке и поверив страшной клевете соперника Хосрова о ее ложной смерти, царевич Фархад теряет в поэме Навои смысл и волю к жизни, погибая от горя. Фархад верит страшной клевете Хосрова о "смерти" Ширин, принесенной подкупленной старухой Ясуман, потому что он сам не допускает мысли об обмане в важных для жизни вопросах. Его чистоту и благородство символизируют две кроткие лани, стоящие рядом с теряющим сознание Фархадом (символизируют любовь Фархада и Ширин), а кровожадные барс и медведь дополняют характеристику коварной старухи в сцене "Ясуман сообщает о "смерти" Ширин".

В сцене получения ложной вести о смерти Ширин Фархада окружают дикие звери, испытывающие к нему сверхъестественное тяготение. Фархада окружают дикие звери и в миниатюре к поэме Низами "Хосров и Ширин" в кашмирском списке XVIII в., в сцене, где ремесленник Фархад, полюбив Ширин, удаляется в пустыню, где его утешают дикие звери.²²⁷ Эта особенность – окружение влюбленного юноши дикими зверями – объединяет Фархада не только с Меджнуном, но также с великим первоцарем иранских народов Каюмарсом из "Шах-наме" Фирдоуси, одарившим свой народ великими благами цивилизации.²²⁸ В этих сценах стремление к высокому и прекрасному предстает в мотиве гармонии между человеком и живой природой.

Тема высокой красоты чувств и этических принципов в ряде направлений суфизма имела особое значение. Ими наделялся "совершенный человек" ("инсони комил"), совершенный как в духовном, так и в физическом отношении.

Краткий обзор проблемы "идеального правителя" в миниатюрной живописи Мавераннахра и Среднего Востока указывает, что комплекс этих взглядов был тесно связан с развитием средневекового общества, соответствующими изменениями в мировоззрении и психологии, эволюцией в духовной культуре.

²²⁶ Додхудоева Л.Н. Указ. соч. С. 148-152, 152-154.

²²⁷ Адамова А., Грек Т. Миниатюры кашмирских рукописей. – Л., 1976. – Илл. 60.

²²⁸ Wonders of the Age. Masterpieces of Early Safavid Painting, 1501-1576 by Stuart Cary Welch. – Fogg Art Museum, Harvard University. 1980. Илл. С. 17.

К БИОГРАФИИ ИБН АН-НАДИМА

Современная историография располагает достаточно подробными данными, характеризующими историю науки и культуры средневекового Востока. Однако, когда речь заходит о том или ином конкретном деятеле науки средневековья, выясняется, что круг сведений о его жизни и деятельности весьма узок. Поэтому мы не имеем почти никаких биографических данных о многих средневековых ученых Востока. К числу таких относится и Ибн ан-Надим (ум. в 385/995 г.) – автор знаменитого био-библиографического сочинения "ал-Фихрист" (Перечень наук), написанного в X в. на арабском языке в Багдаде.²²⁹

Известный российский востоковед В.В. Полосин, посвятивший изучению этого памятника специальное исследование, писал, что "при крайней бедности биографических сведений об Ибн ан-Надиме вообще возможность извлечь некоторый дополнительный материал из его имени никогда не упускалась исследователями. В последние десятилетия выбором именной формы все чаще постулируется то или иное решение важного вопроса о социальном положении Ибн ан-Надима. Действительно, для оценки автора "Фихриста" крайне существенно, был ли он надимом,²³⁰ или же он был просто варраком и сыном (или потомком) какого-то надима, т.е. Ибн ан-Надимом".²³¹

²²⁹ Данные о дошедших до нас рукописях и изданиях "ал-Фихриста" Ибн ан-Надима содержатся почти во всех библиографических трудах по истории арабской литературы. См.: Brockelmann K. Geschichte der Arabischen litteratur. – Bd. 1-2. – Weimar – Berlin, 1898-1902.- Bd. 1. – S. 147-148; Brockelmann K. Geschichte der Arabischen litteratur. Supplementbande. – 1-3. – Leiden, 1936-1939. – Bd. 1. – S. 226-227; Sezgin F. Geschichte des Arabischen Schrifttums. – Bd. 1-7. – Leiden, 1967-1978. – Bd. 1. – 1967. – S. 387-388; Хайр ад-дин аз-Зирикли. Ал-А'lam. В 10 томах. Каир, 1954-1959. Т. VI. С. 253 (на араб. яз.); а также: J.W. Fuck. Ibn an-Nadim. // The Encyclopaedia of Islam. / Ed. by B. Lewis, V.I. Menage, Ch. Pellat and E.J. Brill. – Vol. 3. – Leiden – London: E.J. Brill and Luzac & Co., 1971. – P. 895-896; Kitab al-Fihrist. / Mit Anmerkungen hrsg. von G. Flugel. – Bd. 1-2. – Lgz., 1871; Полосин В.В. "Фихрист" Ибн ан-Надима как историко-культурный памятник X века. – М.: Наука, 1989. – С. 11-30; и др.

²³⁰ Надим – специальная должность придворного собеседника, компаньона и сотрапезника при дворах правителей, в том числе и багдадских халифов. В обязанности

Из источников известна родословная автора "ал-Фихриста" – Мухаммад ибн Исхак ибн Мухаммад ибн Исхак ан-Надим или Ибн ан-Надим, а также его обиходное имя – Абу-л-Фарадж ибн Абу Йа'куб ал-Варрак. Исследовав все имеющиеся данные об авторе "ал-Фихриста", В.В. Полосин пришел к выводу, что его лакаб следует читать в форме Ибн ан-Надим, т.е. "потомок надима".²³² Один из первых исследователей "ал-Фихриста" Г. Флюгель еще в XIX в. высказал мнение, что в родословном имени Ибн ан-Надима два последних звена (...ибн Мухаммад ибн Исхак) могли быть ошибкой переписчика, заключающейся в механическом повторении первых двух звеньев.²³³

Существует также мнение, что автор "ал-Фихриста" был потомком знаменитого певца Абу Мухаммада Исхака (ум. в 235/850 г.), сына Абу Исхака Ибрахима, известного как ан-Надим ал-Маусили (ум. в 188/803 г.). В таком случае, его полное имя должно выглядеть в форме Абу-л-Фарадж Мухаммад ибн Исхак ибн Мухаммад ибн Исхак ибн Ибрахим Ибн ан-Надим.²³⁴ Согласно этой версии, Ибн ан-Надим, умерший в 385/995 г., должен быть правнуком певца Исхака, умершего в 235/850 г., и правнуком Ибрахима ан-Надима, умершего в 188/803 г. Однако, если считать, что разница времени между поколениями составляет в среднем около 30 лет, то такая родословная связь окажется маловероятной.²³⁵

Исследуя арабо-язычную историко-биографическую литературу мы обнаружили новые данные, которые, возможно, смогут помочь пролить свет на происхождение Ибн ан-Надима. В сочинении ас-Сам'ани под нисбой "ас-Сули" приводится биография известного

надима входило поддерживать интересные беседы в светских кругах и окружении халифа, удовлетворять интересы халифа в области науки и культуры и составлять ему компанию в его трапезах. На должность надима, как правило, назначались известные ученые и поэты, обладающие высокой эрудицией, остроумием и широким кругом знаний в области поэзии, филологии, истории, коранических и других наук, а также приятной внешностью и ораторскими способностями. См. Полосин В.В. "Фихрист" Ибн ан-Надима... – С. 78-79.

²³¹ Полосин В.В. "Фихрист" Ибн ан-Надима... – С. 69.

²³² Там же. С. 76.

²³³ Kitab al-Fihrist. – Bd. I. – S. XI.

²³⁴ Полосин В.В. "Фихрист" Ибн ан-Надима. – С. 73.

²³⁵ J.W. Euck. Ibn an-Nadim. – P. 895.

багдадского ученого и поэта Абу Бакра Мухаммада ибн Йахии ибн 'Абд Аллаха ибн ал-'Аббаса ибн Мухаммада ибн Сула ал-Катиба ан-Надима ас-Сули аш-Шатранджи (ум. в 335/946-47 г. или 336/947-48 г.), который принадлежал к древнему и знатному роду Сулидов, многие представители которого были профессиональными катибами, т.е. секретарями и писцами, а также известными учеными, поэтами и вазирами.²³⁶ По данным Ибн ан-Надима, он жил в Багдаде и был известным ученым в области адаба. Сначала он был придворным учителем в детстве халифа ар-Ради²³⁷ и впоследствии стал его надимом. Кроме этого он был также надимом халифа ал-Муктрафи,²³⁸ а затем – халифа ал-Муктадира.²³⁹ Он был очень остроумным, благородным и доблестным человеком. Он был искусным игроком в шахматы, в чем не имел себе равных.²⁴⁰ За это он был прозван особы нисбой "аш-Шатранджи", т.е. Шахматный.²⁴¹ Среди его сочинений упоминается специальный труд, посвященный шахматам – "Китаб аш-Шатрандж" (Книга о шахматах).²⁴²

Его первая нисба "ал-Катиб" указывает на то, что в определенный период своей жизни он занимался также традиционным занятием своих предков – был писцем. Кроме этих двух нисб, в отдельных источниках его называют также с нисбой "ал-Джалис",²⁴³ которая, так же как нисба "ан-Надим", употреблялась в значении "придворный собеседник".

²³⁶ Он был потомком в пятом поколении доисламского тюркского правителя области Дехистан в Хорасане – Сул-тегина по линии его сына Мухаммада, пустившего корни в Багдаде. См.: Абу Са'д 'Абд ал-Карим ибн Мухаммад ас-Сам'ани. Ал-Ансаб. / Изд. 'Абд ар-Рахмана ибн Йахиа ал-Му'алими ал-Йамани. – В 10 томах. – Бейрут: Мухаммад Амин Дамадж, 1980-1981. – Т. VIII. – С. 110-111.

²³⁷ 'Аббасидский халиф ар-Ради правил в 322-329/934-940 гг. Его жизнеописанию ас-Сули посвятило одно из своих сочинений. См.: Abu Bakr Muhammad ibn Yahya as-Suli. Akhbar ar-Radi wa-l-Muttaqi. / Ed. J. Heyworth-Dunne (E.J.W. Gibb Memorial trust). – London: Luzac & Co., 1935.

²³⁸ 'Аббасидский халиф ал-Муктрафи правил в 289-295/902-908 гг.

²³⁹ 'Аббасидский халиф ал-Муктадир правил в 295-320/908-932 гг.

²⁴⁰ Kitab al-Fihrist. – Bd. I. – S. 150.

²⁴¹ Ибн Халикан. Вафайат ал-а'ян... Т. I. – С. 508.

²⁴² Kitab al-Fihrist. – Bd. I. – S. 156.

²⁴³ Al-Masudi. Kitab at-Tanbih wa-l-ishraf. / Ed M.J. de Goeje. Bibliotheca geographorum arabicorum. – Pars 8. Lugduni-Batavorum: E.J. Brill, 1967. – P. 345.

По данным ас-Сам'ани, Мухаммад ибн Йахья ас-Сули был знаком известий о доисламских царях и правлении халифов, а также известий о благородных потомках пророка Мухаммада и поколениях поэтов. Он был искусным в сочинении книг, и составлял сочинения, строго разделив их по тематике. Он написал истории правления халифов и их жизнеописания, собрал стихи придворных поэтов, в которых восхвалялись халифы. Кроме того, он собрал также известия о поколениях поэтов, вазиров, писцев и мудрецов, живших в Багдаде в разные времена. Он сам сочинял стихи и его перу принадлежит множество восхвалительных од и газелей. Он занимался также хадисоведением и его сборник хадисов "ал-Амали" еще в XII в. был на руках у людей в Багдаде. Его сочинения и стихи были широко распространены и знамениты.²⁴⁴

Всего известны названия около 20 сочинений Мухаммада ибн Йахии ас-Сули, таких как "Китаб ал-вузара'" (Книга о вазирах), "Адаб ал-катиб" (Руководство для писца), "Ал-Аурак фи ахбар Аал ал-'Аббас ва аш-'арухум" (Страницы истории рода ал-'Аббаса и стихи о них),²⁴⁵ "Аш-'ар аулад ал-хулафа' ва ахбарухум" (Стихи потомков халифов и известия о них),²⁴⁶ "Ахбар ар-Ради ва-л-Муттаки" (Известия о халифах ар-Ради и ал-Муттаки),²⁴⁷ "Ахбар аш-шу'ара ва-л-мухаддисин" (Известия о поэтах и передатчиках хадисов),²⁴⁸ "Ахбар ал-кара-

²⁴⁴ Абу Са'д ас-Сам'ани. Ал-Ансаб. – Т. VIII. – С. 110-111; Ибн Халликан. Вафайят ал-а'ян... – Т. I. – С. 508; Mustafa b. Abdallah Katib Jelebi. Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum. / Ed G. Flugel. – Leipzig – London, 1835. – Bd. I. – S. 60, 74, 171. (далее Хаджи Халифа. Кашф аз-зунун).

²⁴⁵ Рукопись этого сочинения хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в г. Санкт-Петербурге (Ханыков, инв. № 60). В 1998 г. она была издана с переводом на русский язык. См. Абу Бакр Мухаммад ас-Сули. Китаб ал-аврак ("Книга листов"). Критический текст и перевод на русский язык В.И. Беляева и А.Б. Халилова. Предисловие, примечания и указатели А.Б. Халилова. СПб., 1998. 592 с.

²⁴⁶ Рукопись этого сочинения дошла до нас и была издана: Abu Bakr Muhammad ibn Yahya as-Suli. Ash 'ar awlad al-khulafa' wa akhbaruhum from the Kitab al-Awraq. / Ed. J. Heyworth-Dunne (E.J.W. Gibb Memorial trust). – London: Luzac & Co., 1936. – 361 p. of Arabic text and 11 p. of preface.

²⁴⁷ Рукопись этого сочинения дошла до нас и была издана: Abu Bakr Muhammad ibn Yahya as-Suli. Akhbar ar-Radi wa-l-Muttaqi. / Ed. J. Heyworth-Dunne (E.J.W. Gibb Memorial trust). – London: Luzac & Co., 1935.

²⁴⁸ Рукопись этого сочинения дошла до нас и часть его была издана: Kitab al-Awraq. Qism Akhbar ash-Shu'ara'. / Ed. J. Heyworth-Dunne. – London: Luzac & Co., 1933.

мита" (Известия о карматах), "Ахбар ал-Халладж" (Известия об ал-Халладже), "Ахбар Аби Таммам" (Известия об Абу Таммаме) и др.²⁴⁹

Мухаммад ибн Йахья ас-Сули был известным собирателем книг,²⁵⁰ имел у себя дома великолепную библиотеку и был одним из первых арабо-мусульманских библиографов. Он очень гордился своими книгами, потому что сам лично изучал каждую из них под руководством того или иного шайха.²⁵¹ Все его книги стояли у него дома рядами, и каждый ряд книг имел определенный цвет, означающий определенную отрасль знания²⁵² – ряд красных, ряд желтых и т.д.²⁵³ Автор XI в. Абу-л-Фазл Байхаки называет его единственным своего времени знатоком в словесности, грамматике и составлении словарей, подобные которому в столетия появляются мало.²⁵⁴

Умер он, по данным Ибн ан-Надима, в 330/941-42 г. в Басре, где он скрывался от знати и простого народа, которые хотели его убить за то, что рассказывал непристойную историю об 'Али ибн Абу Талибе.²⁵⁵ А по данным ас-Сам'ани, он умер в 335/946-47 г. или 336/947-48 г. в Басре, куда он выехал из Багдада из-за постигшей его травмы.²⁵⁶ Из этих данных следует, что, судя по всему, он, будучи суннитом, подвергся преследованию со стороны разъяненной толпы шиитских фанатиков. В средневековом Багдаде такие стычки между суннитами и шиитами имели место довольно часто, особенно после прихода к власти шиитских правителей Буидов (945-1056 гг.).²⁵⁷ Следует полагать, что его отъезд из Багдада был связан именно с

²⁴⁹ Абу Са'д ас-Сам'ани. Ал-Ансаб. – Т. VIII. – С. 110-111; Ибн Халликан. Вафайят ал-а'ян. – Т. I. – С. 508-509; Kitab al-Fihrist. – Bd. I. – S. 150-151; Хайр ад-дин аз-Зирикли. Ал-А'lam. – Т. VIII. – С. 4; Хаджи Халифа. Кашиф аз-зунун. – Т. I. С. 60, 74, 161, 171.

²⁵⁰ Kitab al-Fihrist. – Bd. I. – S. 150.

²⁵¹ The Irshad al-arib ila ma'rifat al-adib or Dictionary of Learned Men of Yaqut. / Ed. by D.S. Margoliouth. – 8 vols. – Vol. 7. Leiden – London, 1927. – P. 136.

²⁵² Al-Anbari. Nuzhat al-alibba fi tabaqat al-udaba' / Ed. A.Amer. – Stockholm, 1963. – P. 165.

²⁵³ Полосин В.В. "Фихрист" Ибн ан-Надима. – С. 50, 79.

²⁵⁴ Абу-л-Фазл Байхаки. История Мас'уда (1030-1041) / Перевод с персидского, введение, комментарий и приложения А.К. Арендса. – М.: Наука, 1969. – С. 733.

²⁵⁵ Kitab al-Fihrist. – Bd. I. – S. 150.

²⁵⁶ Абу Са'д ас-Сам'ани. Ал-Ансаб. – Т. VIII. – С. 110-111.

²⁵⁷ Михайлова И.Б. Средневековый Багдад (некоторые аспекты социальной и политической истории города в середине X – середине XIII вв.). – М., 1990. – С. 130.

тем, что он остался не у дел, когда в 334/945-46 г. Багдад был занят войсками буйидского султана Му‘изз ад-Давлы²⁵⁸ и власть ‘Аббасидских халифов была свергнута.²⁵⁹ Исходя из этих данных, следует полагать, что год смерти ас-Сули, указанный ас-Сам‘ани (335/946-47 г.), является более точным, а год, указанный Ибн ан-Надимом (330/941-42 г.), скорее всего, является ошибкой переписчика.²⁶⁰

Нам представляется, что автор "ал-Фихриста" Ибн ан-Надим мог быть потомком, а точнее внуком именно этого надима, т.е. Абу Бакра Мухаммада ибн Йахии ас-Сули. В таком случае, его родословная должна была выглядеть в следующей форме: Абу-л-Фарадж Мухаммад ибн Исхак ибн Мухаммад ибн Йахиа²⁶¹ ибн ‘Абд Аллах ибн ал-‘Аббас ибн Мухаммад ибн Сул ас-Сули, известный как Ибн ан-Надим. В пользу этого утверждения говорят все вышеизложенные данные, свидетельствующие о преемственности научных,²⁶² профессиональных²⁶³ и других интересов²⁶⁴ этих двух лиц, свиде-

²⁵⁸ Му‘изз ад-давла – первый султан династии Буйидов, правил в 334-356/945-967 гг.

²⁵⁹ Михайлова И.Б. Средневековый Багдад. – С. 33.

²⁶⁰ В арабской графике цифры 0 и 5 пишутся почти одинаково, и при чтении в письменном виде их очень легко перепутать.

²⁶¹ В этом звене, на ошибочность которого уже указывал Г. Флюгель (см. выше), вместо имени Исхак, возможно, должно быть имя Йахиа, чему не противоречит и сходное написание обоих имен в арабской графике.

²⁶² Круг интересов обоих ученых охватывал главным образом гуманитарные науки, а именно, историю доисламской эпохи и историю ислама, арабскую филологию, поэзию, историографию, богословские науки и, наконец, генеалогии, биографии ученых и библиографию. Ибн ан-Надим в известной степени мог быть продолжателем этих традиций и получить свои богатые знания в этих областях науки, пользуясь огромной библиотекой своего деда, Ибн ас-Сули, которая могла достаться ему по наследству. Ибн ан-Надим приводил сведения только о тех книгах, которые он видел лично своими глазами, или о существовании которых он имел информацию от заслуживающего доверия источника. См. J.W. Fuck. Ibn an-Nadim. – Р. 896.

²⁶³ И тот, и другой были выходцами из среды близких профессиональных кругов – *катибов* и *варраков*. Многие представители семейства Сулидов, в том числе и Мухаммад ибн Йахии ас-Сули, в начальной стадии своей карьеры были придворными *катибами*, т.е. писцами и канцелярскими работниками, а затем стали известными учеными, поэтами и должностными государственными чиновниками при дворе ‘Аббасидов. Ибн ан-Надим не смог стать известным ученым и достичь высокого положения в обществе, как Ибн ас-Сули. Однако, нельзя исключать и того, что это могло быть связано именно с теми гонениями и бедственным положением, в котором оказался последний в конце своей жизни после смены власти в Багдаде, что не могло не отразиться и на судьбе его потомков.

тельствующие о том, что оба ученых были неарабского происхождения.²⁶⁵ Этому не противоречит и время жизни обоих ученых.²⁶⁶

С другой стороны, на первый взгляд, кажется странным, что Ибн ан-Надим в своем "ал-Фихристе" приводит некоторые сведения о Мухаммаде ибн Йахье ас-Сули, но при этом ни словом не обмолвился о каких-либо своих связях с ним.²⁶⁷ Однако, следует иметь в виду, что в своем сочинении Ибн ан-Надим вообще очень скромно говорит о своих личных связях даже с многими из своих знаменитых современников и коллег, несомненно, имевших с ним близкие отношения.²⁶⁸ Будучи профессиональным букинистом, он интересовался, в первую очередь и главным образом, только книгами, а не их авторами, поскольку к тому времени уже существовали сочинения, посвященные биографиям ученых и поэтов.²⁶⁹ Кроме того, в сочинении Ибн ан-Надима имеется специальный раздел, посвященный надимам, и он, являясь потомком надима, должен был привести хоть какие-то сведения о своем предке, хотя и не указывая на свои родст-

²⁶⁴ В круг интересов обоих ученых входили шахматы: Ибн ас-Сули сам был искусственным шахматистом и написал специальной сочинение, посвященное этой игре: "Китаб аш-Шатрандж" (Книга о шахматах). Ибн ан-Надим также посвятил шахматам один из разделов своего сочинения.

²⁶⁵ В первые века господства Арабского халифата среди принявший ислам интеллигентии неарабских народов завоеванных стран было распространено движение *ash-shu'uubiyya*. Представители этого культурно-политического движения (от араб. *shu'uub* – народы, т.е. иные народы), зародившегося в середине VIII в. среди иранской и тюркской интелигенции, отрицали претензии арабов на руководящую роль в культурной, и иногда, и в политической жизни стран ислама. Принадлежность тех или иных ученых к этому движению, при отсутствии прямых указаний или высказываний, можно определить по целому ряду признаков, в том числе, по их повышенному интересу к изучению истории и культуры доисламской эпохи, а также истории различных еретических течений, оппозиционных ортодоксальному исламу. Все эти признаки наблюдаются и у обоих ученых.

²⁶⁶ Разница во времени жизни обоих ученых составляет около 50 лет, что приблизительно соответствует разнице во времени между двумя поколениями: Ибн ас-Сули умер в 335/946-47 г., а Ибн ан-Надим – в 385/995 г. Предполагается, что Ибн ан-Надим родился приблизительно в 325/936-37 г. (См.: J.W. Fuck. Ibn an-Nadim. – Р. 895). Следовательно, когда умер Ибн ас-Сули, ему было около 10 лет.

²⁶⁷ Kitab al-Fihrist. – Bd. 1. – S. 151.

²⁶⁸ Полосин В.В. "Фихрист" Ибн ан-Надима. С. 86-96. Примечательно, что и Мухаммад ибн Йахье ас-Сули в своей книге "Китаб ал-аврак" приводит сведения о некоторых представителях семейства Сулидов, но при этом ни слова не упоминает о своих родственных связях с ними.

²⁶⁹ J.W. Fuck. Ibn an-Nadim. – Р. 896.

венные отношения с ним. Другими словами, среди биографий других надимов, приведенных в этом разделе, несомненно, должна присутствовать и биография его предка, который также был надимом.

Еще более серьезным противоречием следует признать то, что Ибн ан-Надим был шиитом или му‘тазилитом,²⁷⁰ тогда как Мухаммад ибн Йахья ас-Сули, судя по всему, был суннитом. Однако известно, что он имел родственников по отцовской линии, которые были шиитами. Так, в Басре проживал Абу ‘Али Ахмад ибн Мухаммад ибн Дж‘а‘фар ас-Сули (ум. после 353/964 г.), который был известным шиитским (имамитским) историком, биографом, мухаддисом и факихом.²⁷¹ В истории известны случаи, когда сунниты по тем или иным причинам изменяли свои взгляды и становились шиитами.²⁷² Кроме того, были и такие ученые, которые одновременно могли быть авторитетом как для суннитов, так и для шиитов.²⁷³

Таким же образом некоторые из предков семейства Сулидов могли быть суннитами, а другие – шиитами. Так, судя по имеющимся данным, шиитом, по всей вероятности, мог быть Мухаммад ибн Сул (ум. в 137/754-55 г.), казненный в Сирии по приказу ‘Абд Аллаха ибн ‘Али ал-‘Аббаси – мятежного "дяди" первых ‘Аббасидских халифов.²⁷⁴ Шиитом, по всей вероятности, был и ‘Амр ибн Мас‘ада

²⁷⁰ Хайр ад-дин аз-Зирикли. Ал-А‘lam. – Т. VI. – С. 253; J.W. Fuck. Ibn an-Nadim. – Р. 895.

²⁷¹ Прозоров С.М. Арабская историческая литература в Ираке, Иране и Средней Азии в VII–середине X в. (Шиитская историография). – М.: Наука, 1980. – С. 197.

²⁷² Так, известный теолог и факих из Самарканда Абу-н-Надр Мухаммад ибн Мас‘уд ал-‘Айяши ас-Сулами (ум. ок. 320/932 г.) в молодости был суннитом, слушал и собирая хадисы суннитских ученых, написал даже биографии первых халифов, в том числе Му‘авии, но затем "прозрел", как пишут шиитские ученые, и стал шиитом. См.: Прозоров С.М. Арабская историческая литература... – С. 184).

²⁷³ Одним из таких ученых был известный историк, мухаддис и факих из Багдада Абу Бакр Мухаммад ибн Ахмад ал-Катиб ал-Багдади, известный как Ибн ас-Салдж (ум. в 325/937 г.). Известны названия 10 его сочинений, три из которых были написаны в духе суннитской традиции, а остальные семь – с позиций шиитской традиции. См.: Прозоров С.М. Арабская историческая литература... – С. 187-188.

²⁷⁴ В Сирии была расположена столица Омейядов и здесь были сосредоточены арабские племена, враждебно настроенные к ‘Алидам. Что касается партии ‘Аббасидов, то в начальный период своей деятельности она в значительной степени опиралась на поддержку ‘Алидов, которые активно помогали им в их борьбе против Омейядов. См.: Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII-XV вв. (Курс лекций). – Л.: Изд-во Ленинградского ун-тета, 1966. – С. 57-59.

ибн Са‘ид ас-Сули (ум. в 217/832 г.), который служил при дворе халифа Харун ар-Рашида (правил в 170-193/786-809 гг.) и был оклеветан со стороны вазира Дж‘фара ибн Йахий ал-Бармаки. Затем он нашел убежище при дворе ал-Ма’муна (правил в 198-201/813-817 гг.) в Мерве, который возвысил его положение при своем дворе, а когда стал халифом, назначил его своим визиром.²⁷⁵

Город Басра в IX-X вв., наряду с Куфой и Куммом, был одним из главных центров шиитского движения. Следует полагать, что, кроме вышеупомянутого Абу ‘Али Ахмада ибн Мухаммада ибн Дж‘фара ас-Сули (ум. после 353/964 г.) здесь должны были проживать и другие представители семейства Сулидов.²⁷⁶ Родственными узами с Басрой был связан и Мухаммад ибн Йахия ас-Сули, который, несомненно, должен был иметь здесь близких родственников. Поэтому в 335/946-47 г., когда он получил тяжелую травму в результате гонений разъяренной толпы, он бежал от преследования из Багдада именно в Басру, где умер и был похоронен своими близкими.

Таким образом, Мухаммад ибн Йахия ас-Сули, имея в Басре родственников-шиитов, мог быть близок к шиитским кругам.²⁷⁷ После печальных событий конца жизни Мухаммада ибн Йахий ас-Сули, которые были связаны с приходом к власти в Багдаде буйидского правителя Mu‘izz ad-Давлы и с последовавшими за этим шиитско-суннитскими погромами, его потомки с целью обеспечения своей безопасности и под влиянием своих шиитских родственников в Басре, могли не только изменить свои взгляды и стать шиитами,

²⁷⁵ Известно, что Харун ар-Рашид был непримиримым к шиитам, а ал-Ма’мун, наоборот, относился к ним лояльно и охотно принимал их под свое покровительство. (См: Прозоров С.М. Арабская историческая литература... – С. 22). Симпатии ал-Ма’муна к ‘Алидам были настолько велики, что сразу после прихода к власти в Багдаде в 201/816-17 г., он отменил официальный черный цвет ‘Аббасидов и приказал своей знати и войску носить зеленую одежду (зеленый цвет был символом шиитов). Более того, своим преемником после себя в халифате он назначил известного шиитского шайха ‘Али ибн Мусы ар-Рида (См.: Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-тарих. – В 12 томах. – Каир, 1883-1885. – Т. VI. – С. 134).

²⁷⁶ С Басрой, в частности, была связана жизнь матери Ибрахима ибн ал-‘Аббаса ас-Сули, которая являлась сестрой известного поэта ал-‘Аббаса ибн ал-Ахнафа ал-Ханафи (ум. в 192/808 г.). См.: Хайр ад-дин аз-Зирикли. Ал-А‘lam. – Т. IV. – С. 32.

²⁷⁷ Во всяком случае, кажется не случайным, что среди его исторических трудов упоминается сочинение, посвященное истории карматского движения – "Тарих ал-карамита" (История карматов). См.: Kitab al-Fihrist. Bd. I. S. 151.

но и отказаться от громкой фамилии (ас-Сули) своего попавшего в немилость знаменитого предка.

Что касается Ибн ан-Надима, то о каких-либо его связях с Басрой, насколько известно, никаких сведений нет. Известно только, что он жил в Багдаде, а в молодости некоторое время, возможно, провел в Мосуле.²⁷⁸ В связи с Мосулом следует отметить, что один из предков семейства Сулидов – Мухаммад ибн Сул, который, возможно, был шиитом (см. выше), был в свое время назначен наместником Месопотамии с резиденцией в городе Мосуле, некоторое время жил в этом городе²⁷⁹ и вполне вероятно, что оставил здесь потомство. Можно предполагать, что после того, как Мухаммад ибн Йахия ас-Сули вынужден был бежать из Багдада, и скончался в Басре, его имущество в Багдаде было конфисковано, а его семья переехала к родственникам сначала в Басру, а затем – в Мосул.²⁸⁰

В первой половине X в. в Багдаде жил некий Абу Йа'куб Исхак ибн Мухаммад ал-Басри, который был "крайним" шиитом-мухаддисом и знатоком теологических учений.²⁸¹ Был ли он отцом Ибн ан-Надима или это простое совпадение имен,²⁸² и тем более, находился ли он в каких-либо родственных связях с Сулидами, предстоит еще выяснить. Тем не менее, примечательно, что один из информаторов Ибн ан-Надима по имени Абу 'Абд Аллах Мухаммад ибн 'Имран ал-Марзубани (ум. в 384/994 г.)²⁸³ был одним из учеников Мухаммада ибн Йахии ас-Сули.²⁸⁴ Поэтому, исходя из всего высказанного, на наш взгляд, стоит задуматься над мыслью о возможной принадлежности Ибн ан-Надима к семейству Сулидов. Если наше предположение верно, то в таком случае, Ибн ан-Надим окажется потомком в седьмом поколении доисламского тюркского пра-

²⁷⁸ J.W. Fuck. Ibn an-Nadim. – P. 895; Полосин В.В. "Фихрист" Ибн ан-Надима. – С. 95.

²⁷⁹ Арабскийanonim XI века. / Издание текста, перевод, введение в изучение памятника и комментарии П.А. Грязневича. – М.: Наука, 1960. – С. 123, 197, прим. 601.

²⁸⁰ Когда Ибн ас-Сули умер (335/946-47 г.), Ибн ан-Надиму должно было быть около 10 лет (см. выше).

²⁸¹ Прозоров С.М. Арабская историческая литература... – С. 79, 115, 167, 186.

²⁸² Отца Ибн ан-Надима, согласно его родословной, звали именно Абу Йа'куб Исхак ибн Мухаммад.

²⁸³ Полосин В.В. "Фихрист" Ибн ан-Надима. – С. 85.

²⁸⁴ Абу Са'д ас-Сам'ани. Ал-Ансаб. – Т. VIII. – С. 111.

вителя области Дехистан в Хорасане – Сул-тегина,²⁸⁵ по линии его сына Мухаммада, потомки которого пустили корни в Багдаде. По данным источников, еще в середине XI в. в Джурджане и Дехистане проживали его потомки;²⁸⁶ многие из них возглавляли диваны секретарей и принимали участие в управлении делами государства.²⁸⁷ Надеемся, что дальнейшие исследования в этом направлении помогут пролить свет на окончательное решение этого вопроса.

Каримов Э.Э., Абдурасулов У.А.,
Ташкент

ХАНСКИЕ ЯРЛЫКИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ХИВИНСКОГО ХАНСТВА

В ходе ряда экспедиций 1998-2002 гг. по Хорезмскому вилаяту совместной научной группой сотрудников Института истории АН РУз и Национального общества молодых учёных Узбекистана, под руководством д.и.н. Э.Э. Каримова, в фондах Государственного музея-заповедника "Иchan-Калъ", а также в ряде частных коллекций и в наличии у местных жителей, были обнаружены уникальные документальные исторические источники, датированные XVII – началом XX

---

²⁸⁵ Сул-тегин был дихканом области Дехистан, а его брат Феруз был марзбаном соседней области Джурджан. Они оба были тюрками, но внешне мало чем отличались от персов: они исповедовали зороастризм и приняли язык и обычай персов. В 98/716-17 г. обе эти области были завоеваны арабским военачальником Йазидом ибн ал-Мухаллабом, после чего Сул-тегин принял ислам и впоследствии принимал активное участие в последующих военных походах арабов. Был убит в 102/720-21 г. в одном бою вместе с Йазидом ибн ал-Мухаллабом. См.: Абу-л-Фарадж ал-Исфахани. Ал-Агани. – В 21 томе. Бейрут: Дар ал-фикр – Дар мактабат ал-хайят, 1955. – Т. IX. – С. 38 (на араб яз.); История ат-Табари. Избранные отрывки / Пер. с араб. В.И. Беляева. – Дополнения к переводу О.Г. Большакова и А.Б. Халидова. – Т., 1987. – С. 165-170.

²⁸⁶ Абу Са'ид Гардизи. Зайн ал-ахбар. Украшение известий. Раздел об истории Хорасана / Пер. с перс. А.К. Арендса. Введение, комментарии и указатели Л.М. Епифановой. – Т., Фан, 1991. – С. 33.

²⁸⁷ По родословным из различных источников нам удалось выявить имена 14 представителей семейства Сулидов, которые были известными для своего времени учеными, поэтами и государственными деятелями, и проживали в Багдаде, Басре, Мосуле, Сирии, Азербайджане, Мерве, Самарканде и других городах и областях Арабского халифата. См. Генеалогическую таблицу потомков Сул-тегина в конце статьи.

века.²⁸⁸ О научном значении материалов этой экспедиции в полной мере можно говорить лишь после проведения полномасштабных исследований собранных письменных памятников. Однако уже предварительная работа над текстами документов говорит о наличии новых ценных сведений по социально-экономической и общественно-политической истории Хивинского ханства XVII – начала XX веков.

Проблема слабой изученности ряда аспектов социально-экономической жизни Хивинского ханства и необходимости широкого привлечения, наряду с нарративными хрониками, документальных источников неоднократно поднималась исследователями.²⁸⁹ Архив хивинских ханов XIX в., обнаруженный П.П. Ивановым в 1936 г. в фондах Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина,²⁹⁰ лишь в некоторой степени позволил удовлетворить потребности исторической науки в фактическом материале по социально-экономической истории Хивинского ханства. Позднее материалы данного архива были дополнены новыми документами. Они были обнаружены благодаря архивным исследованием Ю.Э. Брегеля, М.Ю. Юлдашева²⁹¹, А.Б. Вильдановой, А. Шайховой²⁹² и др. На базе этого фактологического материала был опубликован ряд трудов, в значительной степени воссоздавших картину

²⁸⁸ Документами данной коллекции заинтересовался ряд отечественных и зарубежных исследовательских и спонсорских организаций. Так, весной 2002 г. нами был получен технический грант со стороны Государственного Департамента США на проведение работ по компьютерному копированию письменных памятников и сохранению их в электронном формате. К настоящему моменту сняты компьютерные копии практически со всех документов, обнаруженных в ходе экспедиционных работ. Они хранятся в электронном архиве Национального общества молодых учёных Узбекистана.

²⁸⁹ Иванов П.П. Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. – Л., 1940. – С. 15.

²⁹⁰ Подробнее об архиве см.: Иванов П.П. Новые материалы по истории Средней Азии. // Историк-марксист. – Кн. 3. – М., 1937. – С. 220-222; Юлдашев М.Ю. Новые архивные источники по истории Средней Азии. // КСИВ АН. – Вып. 1. – М., 1951. – С. 35-41.

²⁹¹ Юлдашев М.Ю. К истории крестьян Хивы. – Т., 1966; Он же. Новые ценные архивные материалы по истории Средней Азии. // Общественные науки в Узбекистане. – № 6. – 1962. – С. 57-59; Он же. Интересный документ по истории Хивинского крестьянства XIX в. // Общественные науки в Узбекистане. – № 1. – 1968. – С. 28-30.

²⁹² Шайхова А. Документы об аренде вакуфных земель в Хивинском ханстве XIX – начала XX века. // Общественные науки в Узбекистане. – № 1. – 1986. – С. 48-51.

аграрных отношений и налоговой системы в Хивинском ханстве XIX в., тогда как социально-экономическое положение Хивинского ханства XVIII в. и ряда других исторических периодов оставалось неизученным. Исключением стала публикация "Каталога хивинских казийских документов XIX – начала XX вв"²⁹³, в которой приведены краткие описания значительного количества хивинских юридических актов XVIII-XX вв.

В настоящей статье мы хотели бы упомянуть о части коллекции, собранной в ходе упомянутых выше изысканий, состоящей из 78 документов. Часть их представлена документами типа вакфнома, другая часть – ханскими ярлыками. Наиболее ранний из документов датирован 1070 г.х./1659-60 гг., наиболее поздний – месяцем рамазан 1338 г.х./май 1919 г. Документы данной части коллекции, таким образом, освещают более чем двухсот пятидесятилетний период. Относительно небольшую часть ее составляют документы XVII века, затрагивающие правление последних ханов династии Арабшахидов (1512-1714 гг.). Часть документов датировано XVIII веком. Основная же часть документов относится к XIX веку – главным образом к периоду правления Сайд Мухаммад-хана (1856-1864) и Мухаммад Рахим-хана II (1864-1910). Такая хронологическая тенденция может быть объяснена следующими причинами. Некоторые документы, в частности вакфные грамоты, вследствие изношенности переписывались заново, при этом новый документ датировался днём обновления с сохранением прежнего содержания документа и фигурирующих там дат. Например, вакфный документ двух ханака Шайха Сулайман Хадади²⁹⁴ был составлен в 1070 г.х./1659-60 гг. по указанию Абулгази-хана взамен первоначального документа, датированного месяцем рамазан 750 г.х./ноябрь 1349 г., по причине изношенности последнего.

Ханские ярлыки, касающиеся различного рода пожалований со стороны хана, иногда нуждались в подтверждении его преемниками, издававшими новый ярлык. Другие ярлыки требовали изменения для подтверждения прав потомков получателя ярлыка, после смерти последнего. Так, к примеру, Аранг Мухаммад-ханом (1691-1695) в

²⁹³ Каталог хивинских казийских документов XIX – начала XX вв. Ташкент – Киото, 2001.

²⁹⁴ Вакфнома двух ханаках Шайха Сулайман Хадади, 1070 г.х.

месяце сафар 1100 г.х./ноябрь 1688 г.²⁹⁵ был обновлён ярлык, выданный Хайит шайху и Ашур шайху и перешедший к их сыновьям Нийозу и Эшнийозу. Новый ярлык сохраняет прежние права.

Основная часть документов хивинской коллекции написана смешанным почерком – хивинский насталик с сильными элементами шикаста. В отдельных вакфных грамотах при написании басмалы используется почерк насх. Язык написания документов – хивинский узбекский. Некоторые наиболее ранние документы написаны на языке фарси.

В рамках настоящей статьи мы хотим привести характеристики отдельных ханских ярлыков.

Стиль написания ханских ярлыков носит официальный канцелярский характер и не отличается особой цветистостью и растянутостью содержания. Структура таких документов практически не изменилась на протяжении XVII-XIX вв. Условно ханские ярлыки можно классифицировать следующим образом:

– тарханные ярлыки – о даровании ханом титула тархан, обычно потомкам авлийа, сайдов и ишанов. Получателю данного ярлыка даётся привилегия налогового иммунитета, т.е. освобождение от различного рода налогов, податей и повинностей. В тарханном ярлыке Сайд Мухаммад-хана, выданном в месяце джумада' I 1277 г.х./ноябрь 1860 г.²⁹⁶ на имя Мулло Назар Охунда и других лиц, потомков святого Чопон-ота, получателям ярлыка даруется титул "тархан" и они освобождаются от различных налогов, податей и принудительных работ;

– суйургальные ярлыки – о пожаловании ханом земель своим приближенным;

– ярлыки о назначении ханом лица на должность (хакима, раиса, кази и т.д.);

– ярлыки о продаже земель, где фиксируется факт продажи ханом земель из состава государственных или собственных наделов ханской семьи должностным лицам и сановникам, в большинстве случаев для вознаграждения нукеров.

Анализ ханских ярлыков данной коллекции доказывает, что термин "суйургал" употреблялся не только в случаях земельного пожало-

²⁹⁵ Ярлык Аранг Мухаммад Баходур-хана, 1100 г.х.

²⁹⁶ Рук., ярлык Сайд Мухаммад-хана, 1277 г.х.

вания, но и относительно других видов ханских пожалований. Так, в уже упомянутом выше документе Аранг Мухаммад-хан жалует получателей документа налоговым иммунитетом. Факт пожалования иммунитета обозначается не термином "тархан", как в других документах коллекции, а термином "суйургал", который чаще применяется при пожаловании земельных наделов. В определении самого документа встречается термин "нишон", что в соответствии со списком типовых названий документальных источников, разработанным О.Д. Чехович²⁹⁷, не что иное, как указ. В другом ярлыке, составленном в месяце сафар 1316/июнь 1898 г.²⁹⁸, Мухаммад Рахим-хан II жалует должность раиса города Ханка домулло²⁹⁹ Аваз ходже. Факт пожалования на должность фиксируется как "суйургал килдук". Таким образом, на основании данных источников хивинской коллекции можно предположить, что в ханских ярлыках XVII – нач. XX вв. термин "суйургал" использовался не только в значения пожалования земельного надела, но и в значении пожалования вообще.³⁰⁰

Все ханские ярлыки начинаются словами "...сузимиз" ("...наше слово"). Ханский ярлык скрепляется личным мухром хана, который обычно имеет миндалевидную форму. Внутри мухра имеется надпись с именем хана. Встречаются ярлыки с несколькими различными ханскими мухрами. Это объясняется тем, что отдельные ханские ярлыки при смене правителя утверждались мухром нового хана. Например, ханский ярлык Мухаммад Рахим-хана I (1806–1825), составленный в месяце джумада'II³⁰¹ 1224 г.х./июль 1809 г. о даровании титула "тархан" потомкам святого скреплён тремя различными ханскими мухрами. Внутри первого надпись "Мухаммад Рахим Баходур-хан", по краям мухра приведён отрывок из коранического айата. В третьем мухре надпись – "Рахимкули-хан ибн Аллакули-хан". Надпись внутри второго мухра неразборчива, но можно с уверенностью

²⁹⁷ Чехович О.Д. Задачи среднеазиатской дипломатии. // Народы Азии и Африки. – № 6. – 1969. – С. 80.

²⁹⁸ Рук., ярлык Мухаммад Рахим-хана II, 1316.

²⁹⁹ Домулла – учитель; почтительное обращение к человеку, в знак уважения к его знаниям.

³⁰⁰ Подробнее о значении "суйургал" см. Ахмедов Б.А., Мукминова Р.Г., Пугаченкова Р.А. "Амир Темур. Жизнь и общественно-политическая деятельность". – Т., 1999. – С. 70–73.

³⁰¹ Рук., ярлык Мухаммад Рахим-хана I, 1224 г.х.

стью предположить, что она принадлежит, сыну Мухаммад Рахимхана – Аллакули-хану. Таким образом, данный документ первоначально был скреплён мухром Мухаммад Рахим-хана, после его смерти документ был заново утверждён его сыном – Аллакулиханом (1825-1842), а после смерти последнего – следующим правителем Рахимкули-ханом (1842-1846).

Дальнейшее исследование ханских ярлыков хивинской коллекции позволит извлечь ценные сведения о различных аспектах социально-экономической жизни Хивинского ханства XVII – начала XX вв., таких, как налоговая и административная система, выявить круг прав и обязанностей отдельных должностных лиц и характер оплаты их труда, о категориях чиновников, податного населения и т.д.

*Отахўёжаев А.,
Ташкент*

ЎЗБЕК ДАВЛАТЧИЛИГИ ТАРИХИДА СУФД-ТУРК МУНОСАБАТЛАРИ ИЛДИЗЛАРИ

Дунёда кўплаб қадимги маданият ўчоклари – цивилизациялар мавжуд бўлганлиги маълум. Улар орасида Турон – Ўрта Осиё цивилизацияси ўзига хос бўлиб, алоҳида эътиборга моликдир. Шу цивилизациянинг ажralмас қисми – ўзбек халқи ва унинг давлатчилиги тарихининг қадимиий илдизларини ҳар томонлама ўрганиш мустақил республиканизмнинг келажак сари дадил олға бориши учун улкан тажриба манбаи сифатида фойт мухимдир.

Ўзбек давлатчилиги тарихи илдизлари қадимиий ўтрок дехқончилик маданияти, хунармандчилиги ва илк шаҳар-давлатлар маданиятини юзага келтирган даврлардан то бугунгача ушбу азалий макон – Туронзаминда давом этмоқда. Асрлар давомида тарихий узилишлар, инқирозлар, сиёсий таназзул, қарамлик ҳолатлари ҳам рўй бергани маълум.

Ўзбек давлатчилиги тарихини ўрганиш тарихий-географик мъянода нафақат бугунги Ўзбекистон худудини, балки бутун Марказий Осиё деб аталмиш улкан минтақада бўйлаб кечган барча сиёсий, иқтисодий, маданий ва этник жараёнларнинг буткул воқеаходисаларини қамраб олади.

Турон – Туркистон худудида рўй берган мухим жараёнлардан бири этник ёки полиэтник ҳодисадир. Бу интеграцияловчи кўплаб

этносларни бирлаштирувчи ижтимоий, сиёсий, маданий ходисалар билан кўшилиб кетади. Умуман олганда этник жараёнлар илмий асосда, холис илмий назарияга сунгган ҳолда Туронзаминда ўзбек халқи иштирок этган туркий забон этник қатламнинг шу маконда азалий, автохтон, абориген қатлам сифатида мавжуд бўлғанлигини тан олиш негизида қаралиши лозим. Аслида ҳам бу ҳудуд ўзига хос бўлган маданиятлар кесишувида бўлиб, қанчалик давлатлар унинг бошқарув усусларига ўз таъсирини ўтказмасин, турли этник кўринишидаги сулолалар четдан келган деб кўрсатилмасин натижада эса ўлкамизнинг ўтрок маданияти анъаналари билан кўчманчи маданият қоришуви – симбиози жараёни туб жой давлатчилиги шакли асосида қолаверди.

Республикамиз Президенти Ислом Каримов: "Бир сўз билан айтганда, минг йиллар давомида юртимизга келиб-кетганлар озми? Эрондан Аҳмонийлар, Юнонистондан Александр келди, Арабистондан Кутайба, Мўгулистондан Чингизхон келди, рус истилочилиари келди: лекин халқ қолди-ку. Хўш, бунда қандай сир-синоат бор? Халқ қандай ички куч-кудратга таяниб ўзлигини саклаб қолди? Қадим-қадим замонлардан ўтрок яшагани, илм-маърифатга интилгани, буюк маданиятта эга бўлгани, ўз урф-одатларини муқаддас билгани учун эмасми?"³⁰² деб, таъкид этган ҳам бежиз эмас.

Минтақамизда ҳозирги кўринишидаги юксак маданият ўчигига асрлар давомида кимлар асос солди деган, ҳақли савол ечимга муҳтоҷдир. Тарихан Ўрта Осиёning туб жой аҳолиси асос эътибори билан икки этник компонентлардан ташкил топган бўлиб, булар "шарқий эроний тили": суғд, хоразм, чоч, бохтар ҳамда турк тили элатлар ва қабилалардир. Уларни ягона номда "Ўрта Осиёликлар" деб, аташ мумкин бўлади. Чунки ҳам "шарқий эроний тили" ҳам туркий халқлар туб халқлар бўлиб, кейинчалик ўзбек ва тоҷик халқларининг шаклланишида етакчилик қилишди. Тарихимиз тадқиқотчиларидан бири рус олими С.П. Толстов XX аср ўрталарида ўзбек халқининг келиб чиқиши ҳақида фикр юритар экан шундай деб, ёзган эди: "Ўзбек халқининг қарор топишида қадимги суғдиклар ва хоразмиклар, кўчманчи массагетлар ва саклар, кўчманчи-келиб чиқиши туркий бўлган қабилалар ва ниҳоят Олтин Ўрда ўзбеклари, қипчокларнинг авлодлари юз йиллар давомида қоришиб, ҳозирги ўзбек халқини ташкил килган".³⁰³

³⁰² Каримов И. Тарихий хотирасиз келажак йўқ. – Т.: Шарқ, 1998. – 17-6.

³⁰³ Толстов С.П. Древняя культура Узбекистана. – Т., 1943. – С. 35.

Биз бунга күшимча равища ўзбек халқининг шаклланиши тарки-
бига чочликлар, фарғоналиклар ва бактрияликларнинг қадимий
аҳолисини ҳам кўшган бўлардик.

Булар орасида сұғд ва турклар симбиози масаласи алоҳида
ўзига хос ўрин тутади. Чунки улардаги умумий бўлган жиҳатлар
салмоқлидир. Бу умумийлик ҳаётнинг барча соҳаларида ўз аксини
тотган. Узоқ йиллар бирга яшаш Марвдан то Мўғулистонгача
бўлган улкан худудда сұғд-турк ёки турк-сұғд маданият шаклининг
этно-маданий киррасига асос солди.

Милоддан аввалги I минг йилликдан то милодий I минг йиллик
охиригача бўлган деярли 2 минг йиллик тарих давомида ягона маданий-тариҳий макон вужудга келди. Шу боис ҳам рус тарихчилари
дан бири А.Н. Бернштам ўз даврида Ўрта Осиёнинг қадимий ва
илк ўрта асрлар тарихини даврлаштирганда милодий VI-VIII асрлар
(570-783 йй.) турк-сұғд даври деб белгилайди, бу бежиз эмас
эди албатта. У тузган тарихни даврлаштириш қўйидаги манзарани
касб этган эди:

1. Мил. авв. VII-IV асрлар скиф-сұғд даври;
2. Мил. авв. IV-III асрлар (380-250 йй.) сак-хоразм даври;
3. Мил. авв. III-II асрлар (250-140 йй.) қанғ-парфиён даври;
4. Мил. авв. II ва милодий II асрлар (м.а. 140 – м.180 йй.) кушон – тохаристон (илк) даври;
5. Милодий II-V асрлар (180-420 йй.) сўнгти кушон даври.

6. V-VI асрлар хунн-эфталлар даври (420-570 йй.) ва ниҳоят
сўнгиси биз юқорида таъкидлаганимиз турк-сұғд даври³⁰⁴. Биз мазкур даврлаштиришни ижобий ўрганишимиз жоизdir.

Юқоридагидан ҳам кўриниб турибдики, милоддан аввалги I минг йилликдан бошлаб туркий кабилалар ва элатлар асосини
ташкил этган: скиф, сак, канға, кушон (юечжи), хунн-эфталлар
ҳамда кейинчалик турк (тукю) номини олган хоқонлик аҳли ҳамма
даврларда ҳам минтақамиздаги сиёсий, этник жараёнларда узлуксиз
иштироки борлигининг гувоҳи бўламиз.

Сұғд-турк бирлиги айникса, қадимги ва илк ўрта асрлар
(мил.авв VI-III асрлардан то милодий XI асргача бўлган давр) да
яққол намоён бўлди. Сұғд ахлининг шарққа қараб доимий равища
турли сабаб ва эҳтиёжлар натижасида силжишлари ва турклар билан
коришиб бориши охир-оқибат уларнинг бир қисмини туркий
қатлам билан ассимиляциясига олиб келди. Ўрта Осиё ва Еттисув

³⁰⁴ Бернштам А.Н. Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет // ВДИ.
– №3. – 1947. – С. 91.

йўналиши бўйлаб сүғдлар Шаркий Туркистонга Хитой чегаралари қадар етиб бордилар. В.А. Лившиц, европалик сүғдшунос В.Б. Хеннинг фикрига қўшилган ҳолда сүғдларнинг хитойлар билан муносабатга киришувини мил. авв. III аср билан белгилайдилар.³⁰⁵ Шу даврдан Шаркий Туркистонда сүғд колониялари вужудга келди. У ердаги сүғдлар орасида туркча исмлар расм бўла борган.³⁰⁶

Демак, то сүғдлар хитойлар билан савдо-тижорат ва иқтисодий алоқаларни ўрнатишларига қадар бевосита туркий элатлар худудларидан ўтиб улар билан ҳар томонлама қалин муносабатда бўлгандар шубҳасиздир. Бу муносабатлар мил. авв. I минг йилик бошлари билан белгиланади. Шу ўринда таъкидлаш зарур-ки, кўплаб европа, рус ва ҳатто баъзи тоҷик олимлари "евроцентризм" назариясини илгари суриб, уларнинг Ўрта Осиёга туркий халқлар фақат V-VI асрлардан кириб келган деган дъяволари асоссиз бўлиб чиқмоқда. Ўзаро муносабатлар ҳам сүғдларнинг ҳам туркларнинг табиий эҳтиёжлари орқали кечган. Ҳатто IV-VI асрларда Туронзиминда ҳукмронлик ўрнатган хиёнийлар, кидарийлар ва эфталитлар ҳам асли келиб чиқиши туркий қабилаларданлиги маълум. Шу боис ҳам на хиёний, на кидарий, на эфталитлар ва на Турк хоқонлиги худудимизда маҳаллий халқлар қаршилигига учрамаган. Балки эфталитларнинг Эрон подшоси Перуз устидан қозонган ғалабаларига кўмақдош бўлишган. Акс ҳолда эфталийлар Эрон-ликлар устидан уч бора юришларида ҳам ғалабага эриша олмаган бўлардилар.

Кейинги даврларда, яъни илк ўрта асрларда сүғдларнинг Марказий Осиё минтақасидаги маданий таъсири кучайди. Бу ўринда икки ўртадаги геосиёсий яқинлик ҳам муҳим ўрин тутади. Сүғд тили, маданияти ва ёзуви Амударё соҳиллардан Хитой девори қадар бўлган худудда етакчилик қила бошлади. Бу ҳеч қандай монеълик келтириб чиқармади. Минтакимиизда ва фақат ўзига хос бўлган сүғдча kand – кент, шаҳар, кўрғон маъноларини берувчи шаҳарлар тизими кенг тарқалди.³⁰⁷ Бу жараён то XI-XII асрларга қадар давом этди.

³⁰⁵ Основы иранского языкоznания. Среднеиранские языки. – М.: Наука, 1981. – С. 348.

³⁰⁶ Чугуевский Л.И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана. // Народы Азии и Африки. – Вып. X. – М.: Наука, 1971. – С. 147.

³⁰⁷ Основы иранского языкоznания. Среднеиранские языки. – М.: Наука, 1981. – С. 348.

Сүфд тилининг амалий кўлами шу даражада кенг бўлганки, Ўрта Осиё ва Еттисув вилояти ҳам Шаркий Туркистоннинг кўплаб аҳолиси сүфд ва турк тилларида бемалол сўзлашаверган, кўпроқ шаҳарларда сүфд-турк икки тиллилиги расмий ҳолат бўлганлиги Маҳмуд Кошгариининг "Девону лугатит-турк" асаридаги хабардан маълум.

Илк ўрта асрларда Сүфднинг ўзида рўй берган жараёнлар ҳам эътиборга моликдир. VII-VIII асрларга оид Муғ тогидан топилган "Сүфд подшоси, Самарқанд ҳокими", сўнг Панж ҳокими Деваштичга тегишли ҳужжатларда³⁰⁸ Шаркий Сүфд вилояти марказларидан бири Панҷ шаҳри ҳокими Чакин Чур Билга исмли турк бўлганлиги (В-8 рақамли ҳужжат), Уттагин исмли турк шаҳзодаси (асилзодаси) билан Дугудгунча исмли сүфд қизи никоҳининг қайд этилиши (Nov. 3 ва Nov. 4 ҳужжатлари), Панҷ ҳокими Деваштичнинг иш юритувчиси – фрамандари – Ўтт исмли турк бўлганлиги (A-18, B-9 ва бошқа ҳужжатлар) сүфд-турк бирлигининг сиёсий-маъмурий бошқарувдаги иштирокининг далилидир. Ушбу архивнинг I.1 рақамли ҳужжати истилочи араблар амири Абдурраҳмон ибн Субҳанинг Деваштичга мактубидир. Мактубда зардуштийлик дини коҳини Кўрчи исми қайд этилган. Бу шахс Зардуштий коҳини-турк қавми вакили бўлган. Бу мактуб Сүфдда яшаган турклар орасида ҳам зардуштийлик динига эътиқод бўлганлитини кўрсатади.

Араб истилочиларига қарши курашиш учун 712-714 йилларда Деваштич ўз чопари Фатуфарни Чочга юбориб, Чоч тудуни, Фарғона подшоси ва Турк ҳоқони билан иттифоқчилик муносабатларини ўрнатиш харакатида бўлган (A-14 ҳужжати).³⁰⁹ Азалдан туркларнинг ҳарбий маҳорати юксак бўлганлиги учун сүфдлар доимий равишда душманга қарши курашда уларнинг кўмагига суннганлар. Қолаверса, VI-VIII асрларда Сүфд ўлкаси Турк ҳоқонлиги вассали эди. Асрлар давомида минг-минг чакиримлик карвон йўлларида ҳаракат қилган сүфд савдогарлари турк суворийлари ҳимоясида бўлганлар. Бу сүфдларга бехатар, эмин-эркин савдо-тижорат ишлари билан муғулланиш имконини берган.

Ҳоқонликда сүфд тили даражаси баланд бўлиб, улар орасида Бугут эпиграфик ёдгорлиги тадқиқотчилари В.А. Лившиц ва С.Г. Кляшторнийлар 1-Турк ҳоқонлигининг расмий тарихи баёнига

³⁰⁸ Согдийские документы с горы Муг. – Вып. 2. – М.: Наука, 1962. – 222 с.

³⁰⁹ Исҳоков М.М. Унутилган подшоликдан хатлар. – Т.: Фан, 1992. – 6-6.

дахлдор деб баҳолайдилар. Ёднома 583 йилга оид деб ҳисобланади.³¹⁰

Яна бир мисол, VII аср 2-ярми воқелигини акс эттирувчи Самарқанд Афросиёбидаги деворий суратларда Чагониён ҳукмдори Туронтош номидан Суғдга келган элчини кутиш манзараси ўз аксини топган. Элчи кийган халатнинг этак қисмига 16 қатор суғдча нома битилган. Унда қайд этилишича чағонхудот Туронтош (туркий исм!) ўз элчиси Букарзотни Суғдга юборган. Шундан хулоса киладиган бўлсак, VI-VIII асрларда юртимизда турк қатлами ва нуфусининг юқори даражада бўлганлиги ўз аксини топади.³¹¹

X-XI асрларга келиб эса бу этник жараёнлар натижасида бир хил урф-одат ва антропологик ўхшашлиги яқин бўлган ўзбек ва тожик халқларининг шаклланиши якунида муҳим ўрин тутди.

Тарихчи олим Карим Шониёзов тожиклар ва уларнинг илк аждодлари билан ўзбек аждодлари қадим-қадимдан бир худудда яшаб бир-бирлари билан араласиб кетганингини, IX-X асрларга келиб эса кўплаб суғдлар ўз тилларини унтиб туркий тилда сўзлашганиларини илмий-асослашга ҳаракат килганлар.³¹²

Хулоса килиб айтганда, гарча XI асрга келиб суғд тили ўла бошлиган бўлсада, суғд халқининг кейинги тараққёти ўзбек ва тожик халқлари ҳаёти тарзида давом этди. Араб йистилосидан сўнг Туркистондаги суғд маҳаллий аҳолиси қисман турк ва қисман форс-тожик тилини (асосан шаҳарларда) қабул қилган бўлса, Еттисув ва Шарқий Туркистонда суғдлар деярли турлашдилар.

Суғд ёзуви таъсирида уйгур ёзуви-шаклланди. Турк-суғд муносабатларининг деярли икки минг йилик тарихи илдизлари ҳозирги сиёсий иқтисодий ва миллий масалаларга холис баҳо бериш учун муҳимдир. "Тожиклар-ориј ирқига, туркий-ўзбеклар мӯғул ирқига мансуб"³¹³ деган, даъволар асоссиз эканлигини исботлайди.

Дарҳақиқат, халқларнинг қадим даврларданоқ бир-бирлари билан араласиб, коришиб келганлиги ва соғ (аралашмаган) халқ бўлмаганинг тарихнинг ўзи гувоҳлик беради.³¹⁴ Чунки Туронзамин нафақат суғд-турк муносабатлари, қолаверса хоразм, чоч, боҳ-

³¹⁰ Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута. // Страны и народы Востока. – Вып. 10. – М., 1971. – С. 121-146.

³¹¹ Исҳоков М.М., Отахўжаев А. Суғд – Чагониён муносабатларидан (Афросиёб суғд ёзма лавҳаси асосида). / Термиз шаҳрининг жаҳон цивилизациясида тутган ўрни. – Термиз, 2001. – 6-7-6.

³¹² Шониёзов К. Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. – 92-6.

³¹³ Масов Р. История с грифом "Совершенно секретно". – Душанбе, 1995. – С. 20.

³¹⁴ Шониёзов К. Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. – 81-6.

тар, фарғона, қанғ худудий этник муносабатлари учун ҳам ягона макондир. Бу маконда дунё тамаддунининг ўзига хос бешикларидан бири бўлган Ўрта Осиё цивилизацияси шаклланган ва шу кунга қадар яшаб келмокда. Ўрта Осиёликлар шу маданий тараккиётнинг тенг хукукли меросхўрларидир.

Пугаченкова Г.А.,
Ташкент

БУХАРСКИЕ ХАНАКА

Среди культовых зданий ислама особое место принадлежало ханака. Они появляются по мере формирования суфизма, упоминаются уже в X в. и получают значительное распространение в Хорасане и Мавераннахре в XI-XII вв., когда продвигаются и на запад – в Сирию и вплоть до Египта. Их предназначение – место встречи членов суфийских орденов и временного пребывания тех из них, кто прибывал издалека. Первоначально ханака слагались близ места обитания духовного главы – пира, где выслушивались его поучения и совершались экстатические радения. Изначально это были строения, которые характеризуют как “скромную обитель”. Однако по мере развития суфизма и усиления роли в идеологии и в политической жизни видных представителей суфийских орденов (таковы, например, были Наджмеддин Кубра, глава ордена кубрави в Хорезме, или Бахауддин Накшбанди в Бухаре) ханака становятся особым видом архитектурно-организованного здания, выделяющегося в окружающей застройке или ландшафте. Отвечая функциям места суфийских радений, ханака со временем приобретают качества определенного архитектурного типа. И в этом аспекте нельзя согласиться с утверждением автора статьи “Ханака” в “Энциклопедии ислама” (Т. IV, Лейден – Париж, 1978), будто для них не был выработан собственный архитектурный тип, присущий, например, медресе. В действительности такой тип был разработан, пройдя эволюцию от простой к более сложной его объемно-планировочной организации.

Ранние ханака до нас не дошли – они, скорее всего, со временем подвергались перестройке; возведенные из недолговечных материалов, они заменялись новыми, более капитальными. Сохранившиеся до наших дней ханака восходят к темуридской эпохе. О некоторых из них сообщают письменные источники. Так, в Самарканде упоминает-

ся ханака жены Темура Туман-ака, ханака Улугбека на площади Регистан, чей купол, по словам Бабура, был одним из самых грандиозных в мире. Есть свидетельство о ханаке Халасийё Алишера Навои, возведенной напротив медресе в ансамбле Ихласийё в округе Герата. Такого рода парное сочетание было, по-видимому, в ходу в ту пору. Так, в Самарканде Темуром был создан небольшой комплекс гробницостоящих на единой оси и соединенных двориком медресе и ханака для его внука Мухаммад-Султана, которого он прочил своим наследником. Они играли не столько роль мусульманских зданий, сколько лицей для подготовки его внуков и юношей из знатных семей для будущей государственной деятельности. Остатки этой ханаки, вскрытые археологами, сохранили ее фасад с айваном в центре.

Из немногих дошедших до наших дней можно назвать ханаку Ходжа Абду-Дарун в Самарканде, возведенную в XV в. смежно с отреставрированной усыпальницей этого высокочтимого законоведа IX в. Она представляет зал, перекрытый куполом на барабане, вход выделен порталом, а по периметру двора располагались бытовые постройки и небольшая мечеть (перестроены в XIX в.). В Хорасане сохранилось несколько ханака XV в. Одна из них – Зарингархана высится близ входа в высокочтимую хазире пира Герата – Абдаллаха Ансари. Главный фасад выделен порталом, за ним продолговатый вестибюль, далее обширный зал, интерьер которого покрывает богатая орнаментальная роспись с обильным применением позолоты и затем три служебных помещения и внутренние лестницы.

Ханака XV в., воздвигнутая при мавзолее Хакими ат-Термизи в Термезе, представляет собой обширный квадратный зал с двумя сильно вытянутыми на оси порталами.

Характерны в объемно-планировочном отношении две ханаки в Гератской области – одна у погребения Садреддина Армани, другая у погребения Мулло-Калян в Зааратгохе. У них центральный квадратный зал, на осях – глубокие айваны, в углах размещенные в двух этажах худжры. В объемном решении выделены возвышенные арки порталов и центральный купол, вероятно, приподнятый на барабане (ныне перекрытия обеих ханака разрушены). Именно этот архитектурный тип получает дальнейшее развитие в XVI столетии.

При Шайбанидах большое число монументальных ханака появляется в Мавераннахре, причем в основном в Бухаре и Бухарской области.

Ханака Зайнуддина (первая половина XVI столетия) расположена в одном из центральных кварталов Бухары. Здание сочетало функции ханаки, квартиральной мечети и места захоронения шейха Зайнуддина. Прямоугольное в плане, оно включает зал для молитв и радений, несколько помещений и нишу над погребением шейха. Два обращенных на улицы фасада выделены – один порталным входом, другой – нишей над намогильником, фасады же двора охватывает Г-образный навес на стройных деревянных колоннах, с расписным потолком. Главный зал перекрыт куполом, как бы парящим в венце сталактитов над арками и сетчатыми парусами. Интерьер насыщает богатый декор – мозаичные панели, росписи в технике кундаль с преобладанием голубого цвета.

Ханака Бахауддин (1544/45 г.). Построена в мемориальном комплексе у погребения высокочтимого в Бухаре шейха Бахауддина Накшбанди. Квадратный план при строго симметричной разработке: центральный зал, на осьх его по фасадам глубокие сводчатые айваны, угловые четверти включают по одной большой и по четыре малых худжры. Перекрытие зала – купол на четырех пересекающихся арках, конструкция которых открыта снаружи, в интерьере же сложная система веерно расходящихся сетчатых парусов. Поверхность их и купола насыщает орнаментальный узор в технике кырма.

Ханака в ансамбле Чар-Бакр (1560-1563). У нее крестовидный благодаря обширным нишам на осьх зал, вход выделен сильно выдвинутым сводчатым порталом.

Ханака Файзабад (1598/99 г.). Здание с центральным купольным залом и группой худжр в углах, обведенное с трех сторон открытой арочно-купольной галереей. Главный фасад имеет трехступенчатое построение – от арок галереи к нишам второго яруса и далее в центре – высокий сводчатый портал. Наружный купол зала покоятся на многогранном барабане с оконными проемами. В интерьере чаша купола, вознесенная на тонком сплетении сетчатых парусов, расписана темным силуэтным растительным орнаментом.

Небольшая ханака Надира Диван-беги была возведена в Бухаре у Ляби-хауза уже при Аштарханидах, во втором десятилетии XVII в. Она включает центральный крестообразный зал, по обе стороны которого по четыре худжры, на боковых фасадах углубленные своды порталов, на главном – сильно выступающий портал, фланкированный башнями.

В Бухарском оазисе сохранилось еще три крупных ханака шайбанидского времени. Ханака Мулло-мир близ Рамитана возведена в 1587 г. У нее центральный крестовидный зал и четыре угловых худжры. На главном фасаде мощный сводчатый портал, увенчанный аркатурой и фланкированный круглыми башнями на восьмигранных пьедесталах, на трех остальных фасадах в центре глубокие своды и по обе стороны от них двухъярусные лоджии.

Ханака Касым-шейх в Кармана (последняя треть XVI в.) также имеет крестовидный зал и угловые лоджии. Главный фасад выделен стройным порталом, увенчанным аркатурой, на трех остальных фасадах также порталы, но не столь высокие. В объемной композиции царит купол на очень высоком барабане со следами майоликовых облицовок, он основан на четырех пересекающихся арках. Центральный купол и угловые куполки интерьеров имеют ганчевые плафоны на сетках щитовидных парусов.

Ханака Имам-Бахра на городище Кала-и Дабус XVI в. является продолговатое здание, включающее крестовидный зал и расположенные на главной оси два портала. Между ними высится приподнятый на высоком барабане купол, который основан на четырех пересекающихся арках и щитовидных парусах. Снаружи поздние деревянные навесы на стройных колоннах.

Замечательным свидетельством теоретических проектных разработок является один из четырех архитектурных чертежей бухарского зодчего XVI в., хранящихся в фонде Института востоковедения Академии наук Узбекистана. Они содержат планы караван-сарай, рабата, водохранилища-сардобы и ханаки. Планы эти расчерчены на сетке модулей. Модулем служил гяз – мера длины, варьировавшая в разных районах, но при этом модуль не зависел от его абсолютной величины. На чертеже ханаки выделен центральный квадратный зал с нишами, глубокие своды на осях, на главном фасаде – выдвинутый портал, группы худжр на углах общего прямоугольника плана.

По существу, все перечисленные выше ханака Бухары и Бухарского оазиса дают варианты этой схемы, нередко не столь сложные, но развивающие единый планировочный принцип. При разных их масштабах налицо стремление зодчих в каждом конкретном случае дать некий иной вариант. Это многообразие в единстве, своя интерпретация единой темы – показатель творческого подхода бухарских

здчих при выполнении единого задания. Бухарские ханака предстают, как определенный архитектурный тип постройки, предназначенней выполнять определенные функции. При этом в XVI в. с наибольшей полнотой его разработка получает свое воплощение именно в ханаке бухарского региона (особенно самой столицы – Бухары) в шайбанидский период. Данный тип ханака не имеет прямых аналогий в западных областях мусульманского Востока. И в этом отношении бухарские ханака дают еще одно подтверждение того, что даже в единых по своему назначению культовых сооружениях ислама проявляется специфика разных архитектурных школ мусульманского мира.

Ртвеладзе Э.В.,
Ташкент

МЕДНЫЙ ПРЕДМЕТ С ИМЕНЕМ АМИРА АБИ МАНСУРА НАСРА Б. АХМАДА

В 1896 г. В.Г. Тизенгаузен опубликовал медный предмет с арабской надписью. Он был приобретен В.В. Бартольдом во время его путешествия по Туркестану в местности Шахристан, расположенной вблизи города Ура-тюбе в Северном Таджикистане.³¹⁵ Предмет овальной формы, выпуклый с одной стороны и вогнутий с другой. Выпуклая сторона предмета покрыта сложным растительным орнаментом; центральное поле другой стороны гладкое, без какого-либо орнамента, в обрамлении круговой арабской надписи, с элементами цветущего куфи.

В.Г. Тизенгаузен прочитал ее как *امير ابن منصور نصیر بن احمد ادامر الله مزرا امير*

– "Эмиру Абумансуру Носайру сыну Ахмада, да увековечит Аллах славу его, аминь!".

Не вызывает сомнения правильность большей части предложенного В.Г. Тизенгаузеном чтения этой надписи, однако он ошибся, читая

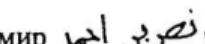
³¹⁵ Тизенгаузен В.Г. "Пайзе" с арабской надписью // ЗВОРАО. – Т. IX. – Вып. IV. – СПб., 1896. – С. 279-280.

имя амира как "Носайр", принимая отходящий от основной части буквы "сад" конечный завиток за букву "йа". На самом деле именно такое написание буквы "сад" с конечным завитком весьма характерно для саманидских монет. Поэтому здесь нет двух букв, а имеется только одна – "сад" В силу этого обстоятельства следует читать имя амира, приведенное в надписи не "Носайр", а "Наср", а всю надпись – как "ал-амир Аби Мансур Наср б.Ахмад,увековечит Аллах славу его, амины!".

В.Г. Тизенгаузен отнес данный предмет к XIII-XIV вв., основываясь на якобы имеющемся сходство стиля письма надписи с надписями на металлических зеркалах этого времени. Исходя из этой датировки, он считал, что этот предмет мог быть либо амулетом, либо знаком отличия, либо пайцзой, выданной упомянутому Ахмаду (в его чтении) одним из хулагуидских ханов.

Однако подобная датировка и трактовка данного предмета как пайцзы не представляется нам корректной. Стилистические особенности надписи, написание отдельных букв свидетельствует о ее датировке саманидским временем. В пользу этого свидетельствует также содержание самой надписи, которая с отсутствующим здесь первыми словами – , весьма характерна для круговых легенд всех саманидских монет и совсем несвойственна монетным легендам и эпиграфическим надписям XIII-XIV вв.

Бросается в глаза сходство употребленных в надписи титулатуры и имени с титулатурой и именем саманидских амиров. Таковых было двое: амир Наср I б. Ахмад (864-892 гг.) – первый правитель Самарканда и ал-амир ас-Са'ид Наср II б.Ахмад (914-943 гг.). Однако как будто ни у одного из них не было кунью Аби Мансур.

Вместе с тем аналогичную кунью и имя отца носил саганианский амир . Он был сыном могущественного политического и военного деятеля саманидской эпохи Али Чагани. Из письменных источников известно, что в конце 340 / мае 952 г. Абу Али Чагани, назначенный на пост наместника Хорасана, оставил Саганийан в управление своему сыну Абу Мансуру Насру б. Ахмаду.³¹⁶

³¹⁶ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. // Сочинения. – Т. I. – М., 1963. – С. 309.

Выявлены и медные фельсы, битые от его имени в Саганиане в 365/975-76 гг.³¹⁷ Следовательно, получив в 952 г. в свое владение Саганиан, он продолжал управлять им, судя по монетам, и в 975-76 гг. В круговой легенде на монетах приведены его титул, кунья и имя, полностью совпадающие с таковыми же на анализируемом предмете.

Исходя из этого, можно предположить, что анализируемый предмет датируется второй половиной X в. и, судя по содержанию надписи, мог принадлежать саганианскому амиру Аби Мансуру б. Насру б. Ахмаду.

Отметим, что данный предмет был приобретен В.В. Бартольдом в местности Шахристан, соответствующей городищу Шахристан – средневековой столице области Уструшана, городу Бунджикату.³¹⁸

Известно, что Уструшана и Саганиан имели общую границу, проходившую через Зеравшанский и Гиссарский хребты, через которые в Саганиан вели караванные тропы и дороги, по одной из которых, между прочим, через труднодоступный перевал Мура отступил Бабур после поражения от Шейбани-хана.³¹⁹ Поэтому нет ничего странного в поступлении данного предмета из Саганиана в Уструшану. Однако неясно, принадлежал ли он непосредственно амиру Саганиана или являлся продукцией массового производства?

В пользу первого говорит его уникальность, отсутствие других аналогичных находок, в пользу второго – сравнительно дешевый материал изготовления – медь. Б.Д. Кочнев обратил мое внимание на находку медной складной ложки и вилки, датированных М.Е. Массоном XI – первой половиной XII вв., найденной на городище Ак-тобе I в Южном Казахстане.³²⁰ Овальный слегка вытянутый резервуар этой ложки и расположение арабской надписи по его краю, аналогичной анализируемому предмету, позволяет также считать его частью ложки. В надписях на них можно заметить некоторое совпадение имен, но и только – владельцы их два разных лица: один из них мулла, другой – амир. При всех обстоятельствах часть

³¹⁷ Ртвеладзе Э.В. Саганианские медные фельсы Мухтаджидов X в. // Средневековый Восток. – М., 1980. – С. 231-237.

³¹⁸ Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан. // Материальная культура Уструшаны. – Вып. I. – Душанбе, 1966. – С. 194.

³¹⁹ Бабур-наме. Записки Бабура. / Перевод М. Салье. – Т., 1958.

³²⁰ Древности Чардары. – Алма-Ата, 1968. – С. 147-171.

ложки из Шахристана является незаурядным эпиграфическим памятником и предметом прикладного искусства Средней Азии саманидского времени.

Урунбаев А.

ПИСЬМА АВТОГРАФЫ ХАДЖИ АХРАРА, КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МАВЕРАННАХРА И ХОРАСАНА XV ВЕКА

Известно, что XV век, период правления Темуридов, занимает особое место в социально-политической, экономической и культурной истории Центральной Азии, в частности Мавераннахра и Хорасана. Это время в истории региона считается периодом возрождения после расцвета науки и культуры в IX-X вв., когда жили и творили такие выдающиеся учёные, как ал-Хорезми, Беруни, Ибн Сина и др. На основе общего подъёма культуры в XV в. наблюдаются сдвиги и в духовной жизни общества – происходит дальнейшее развитие и рост популярности суфийского ордена накшбандийя, возникшего на этой почве и оказавшего большое влияние как на духовную, так и на социальную и политическую жизнь этого региона.

Основатель ордена Бахааддин Мухаммад ибн Бурханаддин Мухаммад ал-Бухари, по прозвищу Накшбанд, родился в марте 1318 г. в селении Касри Хиндуван, в 7 км к востоку от Бухары. Умер он там же в марте 1389 г.

Учение Бахааддина Накшбанда вполне укладывается в рамки правоверного ислама. Его принцип – неуклонное следование заветам пророка Мухаммада и его сподвижников и применение основных их положений на практике в жизни. Главное требование ордена формулируется так: “Уединение в обществе, странствие на родине, внешне – с людьми, внутренне – с богом”, т.е. не уходя от общества, человек должен жить так, словно он находится все время с богом. Девиз этого ордена: “Рука – в труде, сердце – с богом”³²¹.

Положения ордена накшбандийя, характеризующиеся своей жизненностью, стали притягательной силой для всех слоёв общества. Число приверженцев этого ордена быстро росло не только в Мавераннахре и Хорасане, но и за их пределами. Особенно широкое распространение в Центральной Азии орден накшбандийя получил

³²¹ Фахраддин Али. "Рашахат мин 'айн ал-хайат". – Лахор, 1308/1890-91 г. – С. 255.

во второй половине XV века. В это время орден возглавил Ходжа Убайдаллах Ахрап.

Убайдаллах ибн Махмуд Ходжа Ахрап – глава суфийского ордена накшбандийя в Мавераннахре в XV в. и известный шейх – владел огромными земельными угодьями, движимым и недвижимым имуществом, занимался также торговлей. Он родился в рамадане 806/марте-апреле 1404 г. в селении Багистан Ташкентского вилаета. Его предки были потомственные шейхи, бывшие одновременно землевладельцами и купцами; умер Ходжа Ахрап 21 февраля 1490 г. в Самарканде и там же похоронен.³²²

Ходжа Ахрап пользовался большим авторитетом во всех слоях общества Мавераннахра и Хорасана второй половины XV века. Благодаря этому он активно влиял на социально-политическую жизнь этих регионов, а также на идеологию общества. Автор XVI в. Мирза Мухаммад Хайдар в своих мемуарах "Тарих-и Рашиди" говорит о большом авторитете Ходжи Ахрапа и сообщает, что у султанов того времени было принято устанавливать связь с одним из мюридов Ходжи Убайдаллаха, чтобы через него иметь доступ к Хода Ахрапу.³²³ И действительно, среди мюридов Ходжи Ахрапа мы видим Темуридов Султана Абу Са'ида (1415-1469), Умаршайха (ум. в 1494 г.), Султана Ахмада (1469-1494) и других.

Духовный авторитет Ходжи Ахрапа позволял ему активно вмешаться и влиять на политическую жизнь общества. Так, в 1454 г. шейх принял участие в обороне Самарканда, осаждённого войсками правителя Хорасана Абулкасима Бабура (1452-1457). Он выступил посредником между защитниками города и Султаном Абу Са'идом, который собирался оставить город. Позднее, в 890/1485 г. Ходжа Ахрап сумел примирить трех правителей – Темуридов в городе Шахрухия близ Ташкента.³²⁴ Миротворческую миссию Ходжа Ахрап продолжал всю свою жизнь.

³²² Чехович О.Д. Введение к изданию "Самаркандинские документы XV-XVI вв." (О владениях Ходжи Ахрапа в Средней Азии и Афганистане). – М., 1974. – С. 19; Мир Абдаллавал-и Нишапури. "Масму'ат". Ркп. ИВ АН РУз. – Инв. №3737 / II. – Л. 226 а-б.

³²³ Мирза Мухаммад Хайдар. "Тарих-и Рашиди". // Введение, перевод с персидского А. Уринбаева, Р.П. Джалиловой и Л. Епифановой. – Т., 1966. – С. 287.

³²⁴ Там же. С. 141.

Поэт и мыслитель XV в. Абдаррахман Джами, принадлежавший к ордену накшбандийя и развивавший в своих произведениях теоретические положения этого тариката писал, что Ходжа Ахрап, предаваясь постоянно в "созерцанию тайны единения", в то же время занимался мирскими делами, как это следовало из учения Бахааддина Накшбанда. Например, в произведении "Силсилат уз-захаб" Джами пишет, что Ходжа Ахрап заставлял правителей освобождать народ от пошлининых сборов (тамга и йаргу), введенных Чингизидами в XIII в., а также выступал против налогов, не предусмотренных шариатом.³²⁵ В поэме "Тухфат ул-Ахрап" Джами восхваляет заслуги Ходжи Ахрапа в установлении в стране справедливости и уничтожении притеснений, оставшихся со времён Чингиз-хана.³²⁶ А в повести "Йусуф и Зулайха" Джами пишет о том, как Ходжа Ахрап заботился о развитии земледелия и считал это гарантией для достижения благ в потустороннем мире.³²⁷

Об активной общественной и политической деятельности придерживавших учения накшбандийя, особенно его руководителей, сообщается также во многих жизнеописаниях шейхов этого ордена. К ним относятся "Нафахат ал-унс" Абдаррахмана Джами, "Силсилат ал-арифин" Мухаммада Кази, "Масму'ат" Мир Абдалаввала Нишапури, "Рашахат айн ал-хайат" Фахраддина ас-Сафи, "Макамат-и Ходжа Накшбанд" Мухаммада Парса и др. Но вместе с тем достоверным источником, показывающим активную роль руководителей ордена накшбандийя в жизни общества следует считать также их письма-автографы. Они сохранились в уникальной рукописи Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан под названием "Маджмуа-и мурасалат" или, по имени составителя, – "Альбом Навои".³²⁸

Альбом заключает в себе 594 письма-автографа шестнадцати авторов, живших в Самарканде и Герате, которые вели обширную переписку с гератским двором Темуридов. Письма написаны между 1469-1492 годами, хранились в государственном архиве в Герате и были собраны в единый альбом по инициативе Алишера Навои, которому было адресовано большинство писем.

³²⁵ Нураддин Абдаррахман Джами. "Хафт авранг". – Тегеран, 1370 (1950). – С. 158-161.

³²⁶ Там же. С. 384.

³²⁷ Там же. С. 588.

³²⁸ Рук. Института востоковедения АН РУз. – Изв. № 2178.

Больше половины писем в альбоме принадлежит упомянутому выше поэту-мыслителю Абдаррахману Джами, их всего 337,³²⁹ 128 писем – Ходжа Убайдаллаху Ахрару, а остальные – его мюридам и другим личностям из образованного круга людей Мавераннахра и Хорасана XV в. Что особенно важно, все эти авторы принадлежали к ордену накшбандийя.

Имён адресатов в письмах нет, за исключением нескольких. Так, в семи письмах названо имя Амира Алишера. По аналогии с ними и судя по приводимым титулам и форме обращения к адресатам можно прийти к выводу, что большинство писем в альбоме адресовано Алишеру Навои, занимавшему важные государственные должности в Хорасане в 1469-1487 гг. Несколько писем были адресованы Султану Хусейну Байкару, правившему Темуридским государством в Хорасане (1469-1506) и должностным лицам, ведавшим делами вакфов.

Некоторые письма Ходжа Ахрара отправлял Абдаррахману Джами, как своему единомышленнику, чтобы добиться его поддержки в осуществлении своих дел, связанных со двором Темуридов в Герате. В таких случаях Джами писал письмо ко двору, приложив к нему просьбу Ходжи Ахрара. Об этом свидетельствуют наличие двух писем в альбоме – Ходжи Ахрара и Джами – по одному и тому же вопросу.³³⁰

Письма Ходжи Ахрара касаются главным образом вопросов политических взаимоотношений Мавераннахра и Хорасана второй половины XV в. – это территориальные распри и феодальные междоусобицы между Темуридами Султаном Махмудом (1459-1494, правил в Хирасе) и Султаном Ахмадом (1468-1493, правил в Самарканде) с одной стороны и Султаном Хусейном Байкара (1469-1506), правившим Хорасаном – с другой.³³¹

Ряд писем Ходжа Ахрара посвящён вопросам религии и суфизма³³² – это наставления шейха по укреплению шариата, призыв к

³²⁹ Письма Джами изданы. См.: "Письма-автографы Абдаррахмана Джами" из "Альбома Навои". / Введение, перевод, примечание и указатели А. Уринбаева. – Т.: Фан, 1982.

³³⁰ Упомянутая рукопись имеет инв. №2178, письмо №276/281 Ходжа Ахрара (№262/217 – Джами), № 307/310 Ходжи Ахрара (64/69 – Джами) и др.

³³¹ Например, там же. Письмо №21.

³³² Там же. Письма №№ 14, 27/26, 52/53, 293/294 и др.

правителям воздержаться от применения силы в междоусобных конфликтах без санкции на то духовных авторитетов³³³ и т.п.

В альбоме имеются и письма Ходжи Ахара, касающиеся его хозяйственной деятельности (покупка земель в Хорасане, торговля и др.). Имеются также письма-ходатайства Ходжа Ахара за других лиц, они по своему содержанию примыкают к указанным выше трём группам (например, освобождение из-под ареста и отправление в Мавераннахр лиц, задержанных в Герате по политическим мотивам, освобождение от непредусмотренных шариатом налогов, оказание поддержки людям духовного сана, едущим из Самарканда в Герат, защита имущественных, торговых и других интересов приверженцев Ходжи Ахара, приезжающих в Хорасан или живущих там,³³⁴ и т.п.).

Письма Ходжи Ахара не оставались без ответа, ему писали и Алишер Навои, и Султан Хусейн Байкара. До нас дошло письмо Султана Хусейна к Ходже Ахару в ответ на его просьбу разрешить двум высокопоставленным лицам – эмирам, задерживаемых в Герате по политическим мотивам, уехать в Самарканд. Султан Хусейн заверяет Ходжу Ахара в своей полной готовности выполнить все его просьбы, в частности и эту, хотя, как он пишет, по нынешним обстоятельствам это нецелесообразно.³³⁵

В альбоме, кроме самого Ходжи Ахара, представлено письма ещё девяти человек – это его сыновья, зятья и близкие приверженцы, которые вели оживлённую переписку с гератским двором Темуридов: Мир Абдалаввал-и Нишапури, мюрид и зять Ходжи Ахара, автор известного агиографического труда "Масму'ат", посвящённого Ходже Ахару; Ходжа Али – другой мюрид и зять Ходжи Ахара; Маулана Касим – ближайший мюрид Ходжи Ахара, называемый современниками тень Ишана и др.

В письмах этих лиц, часто со ссылкой на Ходжу Ахара, затрагиваются те же вопросы, относящиеся к политической, экономической и духовной жизни общества, как это мы видим в письмах самого Ходжи Ахара. Кроме того, в них изложены личные просьбы авторов, касающиеся их собственных материальных интересов, а также других

³³³ Там же. Письма №№ 20, 49/50, 301/305, 314/318 и др.

³³⁴ Там же. Письма №№ 267/272, 313/317, 500/506 и др.

³³⁵ Аснад ва макатибот-и тарихи-йи Иран аз Темур та Шах Исма'ил. Гирд аваранде д-р Абдулхусайн Навои. – Тегеран, 1963. – С. 390-393.

людей, принадлежавших к духовному сословию. Например, в письмах Ходжа Али мы видим, как он, обращаясь к султану Хусейну Байкару, просит его осуществить всеобщее прощение, т.е. он просит отпустить захваченных им в плен людей Султана Махмуда;³³⁶ он поднимает вопрос о необходимости милостивого отношения к людям и сообщает об одобрении Ходжой Ахрапом ведущихся переговоров, в которых в качестве посредников выступают сейиды, действующие по указанию Ходжа Ахрара.³³⁷ В другом письме Ходжа Али выражает удовлетворение тем, что Амир Алишер сообщил о результатах переговоров между султанами, направленных на перемирие и установление дружбы. Письмо Алишера прочитано и одобрено Ходжой Ахрапом.³³⁸

В ряде писем Ходжа Али хлопочет по торговым делам Ходжи Ахрара, например, он просит адресата помочь в продаже нескольких харваров бумаги, кунжути, риса, хлопка и других товаров, отправленных Ходжой Ахрапом на продажу в Герат.³³⁹

Как Ходжа Убайдуллах Ахрап, так и Абдаррахман Джами осуществление в жизни гуманистических идей учения накшбандиния связывали с другим своим единомышленником – поэтом Алишером Навои, видным государственным деятелем Хусейне Байкара. Когда Навои ради своего творчества собирался отказаться от должностей при дворе, Ходжа Ахрап, а за ним и Джами, писали ему: "...быть вблизи могущественного султана и иметь возможность склонить его к принятию своего мнения – великое благо, и благодарность за это состоит в посвящении себя и своего времени интересам мусульман, устраниению злодеяний жестоких людей и притеснителей...".³⁴⁰

Подводя итог сказанному, следует отметить, что основные положения учения накшбандиния, провозглашённые Бахааддином Накшбандом в XIV в. – гуманизм, трудолюбие, справедливость и забота о человеке – продолжали жить в XV в. в среде его приверженцев. Авторитет главы ордена позволял Ходже Ахрапу активно влиять на политическую и экономическую жизнь страны, останавливать междоусобицы, и, согласно принципам учения накшбандиния, проводить

³³⁶ Рук. № 2178. Письмо № 490/496.

³³⁷ Там же. Письмо № 557/563.

³³⁸ Там же. Письмо № 584/590.

³³⁹ Там же. Письмо № 386/392.

³⁴⁰ Там же. Письмо Джами № 64/69, письмо Ходжи Ахрара № 544.

широкую миротворческую политику. Всё это было как бы духовной основой того общего культурного развития в Центральной Азии в XV веке при правлении Темуридов.

Письма Ходжа Убайдуллаха Ахара и его мюридов, заключённые в "Альбоме Навои" – уникальный источник для изучения как духовной, так и социально-политической и культурной жизни общества в Центральной Азии XV века.

*Фрагнер Б.Г.,
Германия*

ОБЩИЕ СТРУКТУРЫ И ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ИРАНА С XIII ПО XIX ВЕК: МАКРОИСТОРИЧЕСКИЕ РАМКИ ДЛЯ СИНЭРГЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1. Макроистория. Одним из самых очевидных и широко распространенных подходов к истории является поиск исторического объяснения местной или региональной обстановки, который всегда приводит к поиску "национальной истории". Национальная история имеет два лица: с одной стороны (научной) она стремится к возможной интервенции на постоянном научном спросе. С другой стороны, она преследует цель коллективного образования нации, ее исторического воспитания в отношении специфического восприятия исторического происхождения нации, по возможности ведущих к созданию общей национальной исторической сознательности. Как доказывают многочисленные примеры Центральной Европы XIX века (Германия, Италия, Венгрия, Польша и Чехия, Греция, Румыния и др.), эти намерения воспитания нации могут иногда увести далеко от научных позиций исследователей в случае преувеличений. Этим объясняется тот факт, что даже создавая "национальную историю" на воспитательном уровне, научный уровень должен постоянно поддерживаться и приниматься во внимание. Или, говоря другими словами, воспитательный элемент должен составлять часть научного аспекта. Последний имеет неоспоримое превосходство.

Так как все историки ссылаются на совместимые теории, методы и инструменты исследования, то даже "национальные истории" не могут быть полностью отделены от более общего уровня истории.

Вы можете назвать этот более высокий уровень "мировой историей", или "универсальной историей", или "историей человечества". Местные, региональные и национальные истории должны пониматься как составляющие часть этой категории.

Любое восприятие истории должно пониматься лишь как восприятие, а не как абсолютная и окончательная очевидность. Следовательно, история как научная дисциплина во многом построена с помощью известного познавательного принципа "проб и ошибок". Кроме того, она является дисциплиной, базирующейся на рассуждениях, и они не могут быть ограничены какими-либо государственными границами. Все это позволяет мне сделать заключение, что историкам, работающим со специфическими регионами, странами и нациями, приходится постоянно считаться с межнациональными рассуждениями и, вероятно, даже с таковыми в мировом масштабе, касающимися перспектив, теорий и методов исторического познания.

Тот факт, что в течение последних семидесяти лет значительное число историков, в большинстве своем французов, были особенно изобретательными и креативными в области макроисторических и теоретических рассуждений не подвергается большому сомнению. Они доказали (и до сих пор доказывают) как раз мою точку зрения: начав с более глубокого анализа и углубляясь в свою собственную историю, они развили огромную цепь понятий, вопросов и методологических заключений, которые могут быть применены к любому периоду и любой территории во всем мире. Среди прочих, Фернан Бродель обнаружил важное соответствие между временем и пространством в истории и обрисовал первейшие аспекты и факторы, которые, по его мнению, были исключительно решающими для истории, но которые не всегда были связаны с личными или обдуманными решениями, принятыми отдельными личностями. В дискурсивной ретроспективе была одна важная альтернатива, касающаяся своего рода неразрешимого спора между идеалистическим историцизмом XIX в., поддерживающим абсолютную значимость выдающихся личностей для исторических процессов (в соответствии с лозунгом "историю делает человек") и узким ортодоксальным марксизмом, уменьшающим роль индивидуума в истории до простой метафоры, демонстрирующей социально-экономические формации и структурные позиции внутри так называемой классовой борьбы.

Бродель развел совершенно иной подход: он различал разные слои истории, кратковременный слой, большей частью сформированный индивидуальными решениями и поступками, и долговременный слой, который превзошел границы индивидуального и личного влияния. Чем дольше время, тем скорость изменений медленнее, самая долгая концепция может быть найдена в геологии, за пределами человеческой деятельности. Бродель особенно настойчиво отмечает так называемые "длительные периоды", имея в виду широко задуманные макро-регионы, например, его самый известный регион – Средиземноморье. Эти транс-индивидуальные перспективы были задуманы во всех отношениях как "анти-индивидуальные". Бродель исследовал условия фиксирования индивидуума в истории.

Другой концепцией, развитой французскими учеными и принятой затем остальными, включая английского ученого Ритера Брука, является концепция "истории менталитетов (мышлений)". Оставаясь краткими, мы можем сказать, что это приложение и продолжение идей Броделя в области психологии и культурной антропологии. Согласно Жаку Ле Гоффу, "история менталитетов" относится в основном к малосознательным или бессознательным коллективным действиям, воображаемому миру, априори в восприятии. В тесной связи с концепцией "длительного периода" Броделя, эти коллективные восприятия трактуются как "менталитеты", также медленно изменяющийся феномен, и следовательно, сравнимый с концепцией "длительного периода" Броделя.

Удивительно новое дополнение к концепции "истории менталитетов" было развито Яном Ассманом, немецким египтологом. Его идея, называемая "коллективной памятью", или культурной памятью, уже проявила себя как очень плодотворная идея.

Другая концепция ясно демонстрирует близость к концепции истории менталитетов: это так называемый регионализм. В историческом контексте "регионализм" концентрируется на человеческом восприятии пространства более, чем на самой природе этого пространства. В этом отношении это специфическое приложение идеи "истории менталитетов".

Эти макро-уровни истории не преследуют цель заменить политическую историю и значимость действий и решений отдельных индивидуумов. Они относятся к системным структурам, которые

дают нам лучшее понимание настоящих мотиваций отдельных людей. Эти рамки могут быть определены пространством и временем, как сказал нам об этом Бродель, или коллективными бессознательными, но очевидными представлениями ("менталитетами"), или коллективной памятью. Параллельно с этими уровнями мы даже в какой-то степени можем найти частичное перемирие с некоторыми марксистскими методами анализа социальных условий и противоречий в истории. Именно в этом смысле даже аспекты классового анализа достойны того, чтобы их принять во внимание историком, но только в качестве орудия исследования, а не как объяснение того, что происходит в мире.

Регионализм, концепция Броделя "длительных периодов", общественные менталитеты и культурная память: это будут рамки, в которых я намереваюсь представить пред-модернистскую историю больших территорий Центральной Азии и Ирана, определив таким образом условия модифицирующих процессов в современной истории, обеспечивающих расцвет современных наций и государств, таких, как Иран и Узбекистан и их соседей.

2. Социальное изменение под влиянием завоевания Чингизидов. Монгольское завоевание Ирана Чингизидами (через Трансоксиану) в XIII в. привело к гибельному удару по самому существованию большей части иранского населения и таким образом к большим демографическим изменениям. Оно вызвало волну миграции неиранцев, изначально входящих в состав коневодческих племен Центральной Азии, в большинстве тюркского этнического происхождения, в гораздо большем количестве, чем при Сельджуках или Хорезмшахах. Они принесли с собой тогда новый коллективный образ жизни, характеризуемый типично центральноазиатскими традициями коневодства и пасторального номадизма, способностью передвигаться на большие дистанции, прирожденную воинственность и стремление к власти, а также особую систему племенной организации, распространившуюся на все кочевое население степных районов Центральной и Внутренней Азии, несмотря на их языковые признаки. Похожее утверждение может быть сделано насчет пояса Центральноазиатских оазисов, который тянется от Хорезма через Трансоксиану до Ферганской долины.

В Иране господство Чингизидов закончилось в конце XIV в., несколькими декадами раньше, чем фактическая смена власти Чагатай-ханов на власть Амира Темура и его преемников. Число этих в основном тюркских кочевых элементов увеличилось в XV в. вследствие оттоманского давления против туркменских племенных групп в Анатолии (Кара-Койюнлу, Ак-Койюнлу), таким образом вынужденных вернуться в Иран. Следовательно, эти племенные элементы стали стабильной и существенной частью иранского населения. Учитывая эту племенную перенаселенность Ирана, является очевидным, что члены племени совершенно не могли прожить за счет своей экономической деятельности, однако многие из них продолжали типичное для них кочевничество, воинствующий и племенной образ жизни. Начиная с XIV в., они не только стали монополизировать любой тип военных действий, но почти во всех случаях стали потенциальными обладателями любой политической власти в Иране. Это относится к периоду от XIV до начала XIX века, который мне хотелось бы охарактеризовать как иранский "туркменский длительный период".

Таким образом, политическая власть стала базироваться на традиционно племенных, нестабильных коалициях и конфедерациях, что являлось типичным для племенной политики Центральной Азии, начиная с античности. Королевские представители такого рода власти были в большинстве случаев племенными лидерами и иногда также харизматическими деятелями (и династиями), однако всегда поддерживаемыми военной силой племени. Следовательно, централизованные власть и руководство, за которые, например, сафавидский шах Аббас и его последователи в XVII в. были щедро награждены, оставались нетипичными чертами политической экономики, в которой в действительности выигрывали от государственных налогов и даней, собираемых в основном у сельскохозяйственных производителей, племена, а не городские, чиновнические и придворные слои.

Таким образом, продолжение племенной или пасторальной жизни меньше послужило физическому выживанию племен, но гораздо больше – поддержанию их военного потенциала, как в смысле лояльности, так и в духе солидарности, а также физической подготовки. Шаг за шагом племенная жизнь и традиции приобрели порази-

тельный аспект более или менее стимулированной экономики. Этот структурный аспект приближает Иран гораздо больше к соседней с ним западной Центральной Азией по сравнению с остальным Средним Востоком.

В любом случае существующие антагонистические противоречия в этой политической экономике, возникающие в основном из данных по демографии, свидетельствуют, что число племен кочевников на Иранском плато было слишком велико по сравнению с пространственными границами. Существовали различные стратегии для преодоления этой опасной ситуации, одна из которых состояла в уничтожении оседлого населения для увеличения кочевнических территорий. Это практиковалось в первых декадах Чингизидского правления в XIII веке. Такая стратегия оказалась губительной как для подчиненных, так и для правящих слоев. Другая стратегия состояла в постоянном внутреннем соперничестве и борьбе за пастьбиса среди различных племен, приводящая к возникновению нестабильных племенных союзов. Существует много доказательств в пользу этой концепции в иранской истории, а также истории Центральной Азии до XIX в. Кроме того, была еще одна стратегия, о которой мы уже упоминали: поддерживая милитаристскую монополию, племена установили политическую власть и правление, базирующиеся на племенных конфедерациях и союзах в соответствии с их центральноазиатскими традициями. Согласно схеме, описанной выше, эти федерации были краткосрочными. Следовательно, политическая власть не была ни централизованной, ни стабильной. Следующие друг за другом временные правители глубоко осознавали те длительные структурные трудности, которые стояли перед ними.

В то время, как Мамлюкам в Египте, и особенно Оттоманам, удавалось перенести политический потенциал из племенной сферы в чиновничий аппарат, в Центральной Азии и прилегающем Иране это сделать не удалось. В перспективе политической экономики это кажется общей для данных регионов социально-исторической чертой.

Я осознаю, что существуют другие общие черты, гораздо более очевидные, чем та, о которой я говорю. Например, общая исламская основа, общие этические и эстетические черты, выраженные через школу, литературу, архитектуру и искусства, общие черты народной культуры и т.д. Однако общая социально-экономическая схема мо-

жет привести нас к лучшему пониманию того, как эти очевидные культурные признаки переходили туда и обратно на протяжении всей долгой истории.

3. Регионализм как инструмент исторического анализа. Сейчас я попытаюсь применить метод регионализма к geopolитике в отношении истории Центральной Азии и Ирана до XIX века.

В античности, при власти Ахеменидских императоров и Александра, среди широкого круга региональных названий, мы находим Хорезм, Согдиану и Фергану как составные части этих империй. При власти последних Сасанидов, в доисламское время, большая территория к югу от этих регионов воспринималась как Хорасан, включающий область, ранее принимаемую за Маргиану, Бактрию, Ариану и Гирканию. При власти Александра Македонского вошли в историю восточные районы Азербайджана, дополняя таким образом древние Мидию и Фарс. Это новое сочетание рассматривалось как новая административная единица, служащая военным целям Сасанидов: провинция Хорасан, приграничная провинция, форпост для возможных отношений между Центральной Азией и Ираном.

В так называемый раннеисламский период два региона – Хорасан и Мавераннахр – считались расположенными близко друг к другу. Эта очевидная вещь выражена не только общим восприятием исламского востока, так называемого "машрик", но также территориальными политическими концепциями, как показывает расширение государства Саманидов. Амударья в это время ни в коей мере не являлась разделяющей границей, но связывающим элементом между Хорасаном и Трансоксианой, в противоположность ситуации, доминирующей в Сасанидской империи, официально названной "Эрон-шахр", т.е. Иран. В раннеисламский период разделение было сильнее между первичным иранским западом, древней Мидией, называемой тогда "Ирон-и аджам", и востоком, Хорасаном и Мавераннахром. Само понятие Иран потеряло свое политическое значение после падения Сасанидов, и оно больше не использовалось в источниках в смысле политического понятия в течение последующих шестисот лет.

Это территориальное восприятие было сильно поколеблено при правлении Чингизидов в XIII в. В соответствии с Чингизидской концепцией так называемых "четырех улусов", Трансоксиана понима-

лась как западная часть улуса Чагатай, в то время как после смерти самого Чингиз-хана иранские завоевания Хулагу-хана привели к установлению псевдоулуса, империи Чингизидских илханов. Эта Илханидская империя немного напоминала территорию древнего сасанидского "Эрон-шахра". Согласно концепциям улуса, его правители Хулагиды принадлежали к линии Тулуй и были тесно связаны с Великими Ханами в Пекине. Вероятно, империя Илханидов была провозглашена как Иран, или, скорее всего, как Иран-замин, что официально произошло не позднее правления Газон-хана (около 1300 г.). Илханидское понятие Ирана было явно основано на оживлении Сасанидской империи в духе историзма, империи, увядшей семьсот лет назад, но сохранившейся в памяти людей. Эта илханидская концепция Ирана заново привела Хорасан к еще более близкому в этот раз пониманию древнего Ирана.

Однако такая политика стала ярко выраженным выступлением против самого понятия улуса Чагатай, ханы которого продолжали претендовать на Хорасан, таким образом продолжая традицию, возникшую в раннеисламский период. Противостояние этих двух концепций – Хулагидской и Чагатайской – создало политическое и военное соревнование между Ираном и Центральной Азией на века. Эти противостоящие концепции нашли отражение даже в современных географических работах, как показывают труды Хамдуллы Муставфи и Хафиз-и Абру.

В XIV и XV вв. появились так называемые туркменские правители (Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу), которые после своего прихода из Анатолии сразу стали претендовать на смену Илханов. Это произошло после их успешного завоевания Табриза в Азербайджане, бывшей столицы Илханидского Иран-замина, которая была названа Илханами Даруссалтана, по всей видимости, имитирующими Илханами почетные титулы, данные впервые Багдаду, Дору хилофа и Доруссалом. В течение XV в. было достигнуто некоторое враждущее равновесие. Туркмены правили Западным Ираном, по крайней мере теоретически продолжая претендовать на Хорасан, тогда как Темуриды правили на востоке, также называя свою резиденцию в Герате титулом доруссалтана. Их панегирические историки воспевали их как королей Эрон-и Турана, таким образом символически претендую на высочайшую власть над улусами Чагатай и Хулагу вместе взятыми.

Когда в начале XVI в. Сафавиды подменили власть Ак-Коюнлу на востоке, они четко следовали Хулагидской схеме и в конце концов победили, подчинив Иран-замин, как его понимали Илханиды. Они объединили Западный и Восточный Иран, включая Хорасан. Позднее Сафавиды были вознаграждены за то, что они когда-то объединили Темуридский Хорасан с Иранским Западом и таким образом были приняты как законные наследники не только правителей Ак-Коюнлу, но также и темуридских принцев. С другой стороны, темуридская власть в Трансоксиане пала под натиском военной власти конфедераций, как назывались узбекские (даштикипчакские. – Ред.) племена, которые следовали за ханами, принадлежащими к улусу Джучи. Однако улус Джучи обычно был настроен враждебно против улуса Чагатай. Последний, взял сначала Хорезм, который с самого начала монгольского правления относился к Джучи. После отвоевания Хорезма предводители Джучи, ханы Шайбани, правящие над узбекскими (даштикипчакскими. – Ред.) племенами, претендовали должным образом на легализацию наследия Темуридов. Ситуация в конце концов привела к выяснению отношений между Шайбанидами и Сафавидами, также поддерживаемыми племенами. Сафавиды опирались на военную силу конфедераций так называемых племен Кизилбаш. И обе стороны провели в безысходной борьбе весь XVI век. Со временем Сафавиды выиграли борьбу за Хорасан. Если бы, в пользу Шайбанидов, пришла на смену Чагатайская модель, то сегодня политическая карта мира отличалась бы от нынешней: Амударья не стала бы границей, Хорасан не воспринимался бы как продолжение Трансоксианы и кто знает, может быть, Трансоксиана могла бы иметь прямой доступ к Индийскому океану. Афганистан мог бы не существовать, а у существующего Ирана форма могла бы существенно отличаться от нынешней.

Исторической заслугой Сафавидов является то, что они успешно заменили концепцию Хулагидов на Чагатайскую концепцию. Однако мы не должны забывать, что эта концепция являлась частью типично центральноазиатского восприятия территории и регионализма до XIX в., которому современное государство-нация Иран обязано своим сегодняшним обликом и, может быть, самим существованием.

После падения Сафавидов в конце XVIII в. с иранской стороны все еще существовал намек на возможное возрождение варианта

Хорасан – Трансоксиана, когда Надир-шах Афшар попытался трансформировать экс-Сафавидский Иран в империю с центром в Хорасане. Но возможно, что лишь по случайному недоразумению он повел себя как демонстративный имитатор Амира Темура, не только использующий его титул "сахиб-киран", но и захвативший Дели с намерением, напоминающим деяния его великого кумира и также пытающийся захватить саму Трансоксиану и Хиву.

В конце XIX в. русские колонизаторы напали на северную часть Хорасана, современный Туркменистан, а британцы сохранили Аму-дарью как границу, но не с Ираном, а с Афганистаном. Теперь англо-русский империализм решал судьбы узбекских племен, живущих на южных берегах Аму-дарьи, чьи потомки сейчас считаются афганцами.

Все высказанное выше о судьбе Хорасана между двумя соперничающими концепциями улусов может прояснить пользу регионализма и региональности в изучении истории на широкой территории к востоку от Османской империи и к северо-западу от Индии. Задумываясь о разных этических и воображаемых целях в политике в этом регионе до XIX в., нам следует постоянно держать в уме важность территориального восприятия пространства и регионов самими действующими лицами. В наши дни современные ограничения государств-территорий в пост-советской Центральной Азии в основном базируются на советских разграничениях, установленных в двадцатых годах нашего века под лозунгом размежевания, и среди них Республика Узбекистан. Что полностью выходило за рамки размышлений советских лидеров, это то, что данные территории можно было бы определить, следуя традиционным региональным восприятиям.

Если мы посмотрим на территорию Узбекистана, то мы убедимся, что это единственная страна в Центральной Азии, которая включает в себя части от трех важных старых традиционных районов Западной Центральной Азии: Хорезма, Согдианы (Трансоксианы, Мавераннахра) и Ферганы. Однако именно через Хорасан история Узбекистана была связана с историей Ирана в рамках исторического регионализма в период до XIX века. Обе страны участвовали в прочной и гомогенной структуре длительного периода, как во временном, так и в пространственном восприятии, в коллективной памяти, а также в том, что мы называем политической экономикой на уровне социальных структур в период до XIX века.

СЕМИРЕЧЬЕ И ТРАНСОКСИАНА (МАВЕРАННАХР): ИХ СВЯЗИ В ИСТОРИИ ТЮРКИЗАЦИЙ И СЕДЕНТЕРИЗАЦИЙ НИЖНЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ³⁴¹

Располагаясь в сердце евразийского континента, Центральная Азия долгое время служила регионом перехода и миграций, где возникали империи, включающие в себя множество географических областей и человеческих ресурсов. В историческом и географическом плане очень трудно чётко определить границы этой необозримой системы, которая известна и под другим названием – Внутренняя Азия.

С давних пор Центральная Азия была в основном зоной кочевого пасторализма с оазисами, часто вереницей расположенныхми в предгорьях. В этно-лингвистическом плане взаимосвязи жителей различных экологических зон Центральной Азии породили процессы тюркизации, которые постепенно распространялись от Монголии до Среднего Востока.

Следует отметить, что никакая другая часть Евразии не представляет одновременно такого разнообразия природной среды, которую мы наблюдаем между Хорасаном и Иртышом, такой исторической связи, по крайней мере когда речь идёт об отношениях между кочевой Степью и сельскохозяйственными оазисами. В этом случае возникает проблема многообразия положений, на который указывают общие термины, такие как "степь", "оазис" и "туркизация", чтобы уложить историческое развитие в такие формы, как седентаризация и этнополитические изменения в средневековой и современной Трансоксиане (Мавераннахре). Иными словами, чтобы выделить то многообразие и то единство, которые входят в само название "Центральная Азия" и продвинуться дальше в наших нынешних знаниях, нам особенно необходимо развивать исследования региональной истории этой крупной азиатской системы.

Мы многим обязаны трудам археологов, антропологов и географов, в частности Ксавье де Планхоль, за научную – географиче-

³⁴¹ Эта статья навеяна сборником статей "Люди и земли ислама, Сборник посвящённый Ксавье де Планхоль". (*Hommes et terres d'islam. Mélanges offerts à Xavier de Planhol*), IFRI, 2000.

скую, экологическую и экономическую базу стран засушливой зоны, за тот вклад, который они внесли в историю своим концептом сатурации пастушеской среды и действующих там социальных механизмов. Удивительно, что в своей совокупности эти передвижения народов не рассматривались в свете роли "среды и обстоятельств" (Планхоль, 1979:39), хотя и среда, и обстоятельства снова во многом определяют идентичность. Более того, широкое использование понятия "степь" в историческом словаре может ещё больше укрепить идею географической, культурной и политической преемственности кочевников на необозримых просторах, где расположены разнообразные экологические зоны. Однако этого не случилось.

Действительно, для историка степь рассматривается скорее как объект политических отношений в истории Евразии, чем как предмет реальной преемственности её растительных форм, климата, естественных условий и тех ресурсов, которые она способна дать народам, живущим в ней. Более того, в евразийской степи эта относительная взаимосвязь естественных условий выражается исключительно в зависимости от географической широты.

В истории Трансоксианы Семиречье сыграло определённую роль, послужив для народностей, мигрирующих из Монголии или Алтая, переходной зоной между различными экологическими ареалами. Поразительно, что к середине XV в., когда тюркские экспансии на Ближнем Востоке уже обозначили вехи современного распределения тюркских народов в Анатолии и на севере Персии, Семиречье продолжает играть роль регулятора сил, от которых будет зависеть этнополитическая эволюция всей Западной Центральной Азии, оставаясь регионом-ставкой для различных тюркизированных и исламизированных племён из рода чингизханидов. И наконец, важное значение Семиречья в истории средневековой Трансоксианы может послужить для освещения структурации этой исторической единицы под названием "Западная Центральная Азия", которую история объединила в одну контрастную совокупность, простирающуюся от Хорасана до Казахстана.

Историческое образование "Западная Центральная Азия"

Западная Центральная Азия, которая простирается от Иртыша до Хорасана, никогда не представляла собой единую политическую единицу. История знает множество империй, которые целиком или

частично завоёвывали Центральную Азию. Местоположение этой зоны само определило её подчинение крупным политическим и культурным системам Евразии и, следовательно, влияние на неё некоторых мировых факторов, таких, как буддизм, ислам и миграции тюркоязычных народов, ареалы распространения которых в Евразии не совпадали между собой. При отсутствии единого государства, определяющего политические границы западной Центральной Азии, эти факторы зачастую способствовали консолидации исторических подмножеств и их взаимодействию с местными условиями, особенно в пост-монгольский период. Вследствие этого понятие "западная Центральная Азия" включает в себя множество суб-единиц, охватывающих огромное множество исторических ситуаций и субрегионов: центральную часть нынешнего Казахстана, Семиречье, высокогорье Тянь-шаня и Памира, Трансоксиану, Хорезм и т.д.

Понятие "степь" в самых разных смыслах этого слова, в истории западной Центральной Азии занимает совершенно уникальное место. Оно выходит за пределы относительной связи, которое подразумевается под выражением "евразийская степь" и является ошеломляющим продуктом истории.

Различие между Трансоксианой и многочисленными областями Ближнего Востока заключается в том, что в Мавераннахре кочевые пастухи, проникая в оседлые районы, не входили в зоны неорошающего земледелия. Это основное различие не позволяет в Центральной Азии отделять экологическую кочевую зону от экологической земледельческой зоны, соответствующей зоне оседлого населения; оно также не позволяет ощутимо и чётко определить экологическую границу кочевников.

Миграции, перенаселение, перемены

Многочисленные группы скотоводов-кочевников, пришедшие из регионов с более богатым растительным покровом и совершенно другим климатом, вышли на арену политической жизни Трансоксианы, которая не предоставила им никакой преемственности в использовании природной среды и образе жизни. Особенно это касалось народностей, пришедших из Монголии или с Алтая.

Известно, что в течение длительного времени избыток населения из пастушьих обществ вливался в оседлый мир. Организационная мощь кочевников из холодных степей северной Азии привела их к

многочисленным победам на уже занятых и перенаселенных, но более скучных пастбищных пространствах.

К востоку от Орхона (Монголия) до Эмбы (Западный Казахстан) находится зона, где осадки выпадают в основном весной и превышают цифру 250 мм в год. Следует особо отметить, что центр северной Монголии и горная цепь вокруг Джунгарии с зонами, где чередуются лесостепь, лес, а на высоте 2500 м – альпийские луга, сменяются к западу от Балхаша центральным казахским плато, высота которого менее 1000 м, и растительный покров не столь разнообразен. На пути миграции тюркских народов Джунгарский Алатау, высокогорные Чуйская и Таласская долины представляли собой последние западные отроги с зональной растительностью, схожей с растительностью севера Джунгарии и северной Монголии.

Таким образом, в области скотоводства Монголия и Трансоксиана противопоставлены друг другу: богатство видов растительности, пастбищные условия летом и зимой, расстояния между кочевьями, близость земледельческого населения, доступ к рынкам, где можно сбыть скотоводческую продукцию и приобрести сельскохозяйственную – всё это полностью отличается друг от друга в этих регионах. Следовательно, различие просматривается также в условиях безопасности скотоводов и в уплотненности пастбищ. Площадь, необходимая для выпаса одной овцы в лесостепи Семиречья составляет в среднем менее одного гектара, в то время как в туркменской пустыне – 6 и даже 10 га.³⁴²

---

³⁴² Минск, 1969. С. 174. А. Хазанов приводит цифровые данные о величине и составе стад, пищевом рационе пастухов, и о других аспектах скотоводческой экономики в различных типахnomadizma в Центральной Евразии (Хазанов, 1984: главы с 1-3). Н. Масанов также приводит цифровые данные: "Так, для нормальной жизнедеятельности одной овцы в течение года 1314 кг сухой массы пустынных кормов и 1,5 м³ воды являются жизненным минимумом (Федорович, 1973. С. 217; Назаревский, 1973. С. 251), следовательно, потребность в пастбище не превышает 5-7 га. Однако из-за разнообразия природных условий и колебаний климата фактически на одну овцу требуется в зоне полупустынь Казахстана 15-24 га, пустынь – 18-24 га, а в среднем по Казахстану – 20,5 га пастбищных угодий (Федорович, 1973. С. 217-218). Для выпаса одной лошади в зоне степей было необходимо не менее 20 га пастбища, а в зоне пустынь данная норма возрастила в несколько раз (Нечаев, 1975. С. 56-58 и др.; Масанов, 1995. С. 65-66).

Известно, что большинство орошаемых земель Центральной Азии расположены в экологической зоне кочевого скотоводства и являются результатом создания земледельческих территорий в засушливой или очень засушливой местности. Между тем, поливное земледелие как экономическая и социальная система распространилось и на зоны, целиком зависящие от среднегодового количества выпадаемых осадков. Ирригация требует огромных затрат на начальном этапе сельхозработ, но впоследствии все эти усилия окупаются сравнительной стабильной производительностью и высокой продуктивностью.

Кочевники северной Азии обнаружили в оседлых странах южной Центральной Азии слишком засушливые регионы, чтобы иметь возможность продолжать привычный им пастиший образ жизни. Неспособность пастбищ вместить и прокормить приток нового населения и соперничать с более высокой производительностью труда поливного земледелия привели мигрирующие народы к общественным изменениям огромного значения. Для сравнения можно сказать, что многочисленные случаи средневековой "бедуинизации"³⁴³ в арабском мире выражали противоположные явления, по крайней мере, в тех случаях, когда распространение номадизма происходило в сторону полосы неполивного земледелия и этим способствовало увеличению расстояний кочевых переходов.

История и археология ирригации позволяют установить, что орошаемые долины, как правило, не превращались автоматически в скотоводческие перегонь.³⁴⁴

При наличии засушливых, к тому же занятых и переполненных пастбищных пространств, правомочен вопрос о судьбе мигрирующих кочевых групп, и вполне естественно, что это наводит на мысль о широкомасштабных процессах седентаризации.

---

³⁴³ Понятие разработанное в трудах Х. де Планхоля (см. Планхоль: 1979).

³⁴⁴ Со времен Бартольда исторические исследования фаз тюркизации в Трансоксиане постепенно изменили своё направление и кажется, что решающую роль в этой области следует отвести Шайбанидам. Споры по этому вопросу представляются затруднительными, по причине отсутствия достаточного количества материала и обобщений. Среди последних попыток цифровой оценки можно обратиться к Брегелю 1991 года.

Шайбанидская особенность

Отдельные этапы тюркизации Трансоксианы проходили на фоне крупных династических и государственных изменений (Тюркский каганат, Карабаниды, Хорезмшахи, Сельджукиды, Кара-Китай, монгольская империя и государства-преемники, государство Темуридов, государство Шайбанидов), которые можно разделить на два типа. Один из них (Тюркский каганат и империя Чингиз-хана) представлял случаи политической экспансии, где практически не существовало преемственности между родной средой и экологическим ареалом Трансоксианы. Второй тип – государства, связанные с тюркизацией Трансоксианы (от Сельджукидов до Шайбанидов), которые ассоциируются с племенамиnomадов-скотоводов, большая часть которых, прежде чем покорить Трансоксиану, и даже Хорасан и Иран, в течение многих поколений кочевала, а может быть, даже и сформировалась в степях между Или, Араком и Каспием.

Переход из такой экологической, а особенно из такой экономической зоны как Монголия и Джунгария в Трансоксиану, не мог не иметь как быстрых, так и долгосрочных последствий для групп населения, затронутых этими миграциями-захватами.

Для многих из них, относящимся ко второму типу систем (II, 1), в частности, для Карабанидов, Кара-Китаев и Чагатаидов, Семиречье послужило как бы испытательным полигоном для приспособления к новым социально-культурным условиям: взаимодействие с другими группами кочевых скотоводов, с городскими культурами и с такой государственной культурой, как ислам.

Между началом XI и началом XIV веков формирование династий, владевших Трансоксианой, происходило в Семиречье или на подступах к нему. После этого последовала более или менее длинная фаза присвоения Трансоксианы. Однако для всех этих династийных систем обладание Семиречьем всегда оставалось основным фактором социальной стабильности в государстве после его расширения в сторону Трансоксианы. Этот факт позволял поддерживать относительную этносоциальную обособленность пространства, благодаря экологическим различиям, существующим между Семиречьем и большинством земледельческих зон и пустынь Трансоксианы, и распределению пастбищных территорий между группами, составлявшими военное ядро этих династий. Это особенно ясно видно из

случая с Тюркским каганатом и Монгольской империей: князья, за- воевавшие Трансоксиану, были непосредственно выходцами из Орхона, как и их общественное и военное ядро; ставки династий и основная племенная военная сила находились в районе Семиречья или возле него без всяких попыток, хотя бы в первое время, осваивать пространство Трансоксианы.³⁴⁵

Другие династии второго типа (Хорезмшахи, Сельджукиды, Темуриды и Шайбаниды) занимают особое место. Династии Хорезмшахов³⁴⁶ и Темуридов сформировались в Трансоксиане или рядом с ней, что сводит на нет вопрос адаптации к среде, но оставляет проблему этносоциального разделения владений между кочевым и оседлым населением. Что касается Сельджукидов и Шайбанидов, то все они были "захватчиками" родом из "Великой степи", но лишь Шайбанидам удалось полностью занять всё пространство Трансоксианы. Являясь последними завоевателями Трансоксианы в течение всей длинной истории её экспансии степными народами, Шайбаниды одновременно стали первыми властителями, владения которых не вышли за пределы Трансоксианы, и которые таким образом очутились как бы в замкнутой среде, что существенно ограничило этносоциальные возможности их имперского пространства и пространства государств – их преемников.

Семиречье сыграло ключевую роль в деле раскола улуса Абульхайра и продвижения Шайбанидов в сторону Трансоксианы, ибо оно являлось зоной объединения моги князей Кирея и Жанибека, а затем, с 1460 года, центром Казахского ханства.

Таким образом, структурной особенностью Шайбанидов было то, что они представляли собой единственного, пришедшего в Трансоксиану из "Великой степи" "захватчика", который не был связан с Семиречьем и не имел доступа к ресурсам этого региона во время его водворения в Трансоксиане: поэтому с самого начала XVI в. открывается новый период развития региональной истории.

³⁴⁵ Широко известный факт: *Орду* тюркского кагана находился в окрестностях Суйба, в бассейне реки Чу; Плано Каприни посетил *орду* Орды у озера Ак-Кул; множество курултаев Чагатайдов проходили в Семиречье (Бартольд 1956: 83). Ибн Батута (1853-58: II, 380 и III, 33) описывает княжескую *орду* между Чу и Таласом.

³⁴⁶ Четыре династии Хорезмшахов имеют различное происхождение. По поводу последней династии (1092-1221) см. Кафесоглу 1984.

Второй, особенностью скорее конъюнктурной, являлось то, что Сафавиды помешали Шайбанидам распространить свои завоевания в сторону Иранского нагорья. Р. Макчезни (1991) считает эту особенность одним из стержней механизма государства Шайбанидов, которое он сравнивает с действием государства Темуридов.

К этому очень интересному аргументу следует добавить, что ещё до Шайбанидов такие государства, как державы Карабахидов, Чагатаев и Темуридов, использовали необычайную гибкость в политике поселения и регулирования социальных сил, которая складывалась благодаря либо обладанию Семиречьем, либо победам в Иранском направлении, либо обоим этим факторам сразу.

На стыке этих структуральных и конъюнктурных особенностей нужно отметить ту абсолютную непринуждённость Шайбанидов, с которой они влились в земледельческий мир их новых владений в Трансоксиане. Особенно примечательно, что первый курултай прошёл в центре аграрных и урбанистических зон (Макчезни, 1991. С. 56). Нехватка пастбищ для кочевых и полукочевых военных сил, а также перенаселённость внутренних степей Трансоксианы вынудили Шайбанидов сразу же поселиться (обосноваться) в самом сердце зон поливного земледелия и в короткий срок приспособиться к более производительному образу жизни. Таким образом, невозможность дальнейших завоеваний могла с самого начала компенсироваться контролем над наиболее производительной городской и сельской экономикой.

Таким образом, лишённые тех условий, которые были у многих из их предшественников, и имея гораздо меньше возможностей использовать этносоциальное пространство внутри своих политических владений, узбекские ханства представляли собой среду, где проходили ускоренные процессы перехода к оседлому образу жизни, что отразилось на современном распределении населения в этом регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aboul Gazi Bahadour Khan, 1871: Sejere-ye Türk/Histoire des Mongols et des Tatares, publiée, traduite et annotée par le baron Desmaisons, Saint Pétersbourg, imp. de l'Académie des Sciences, 2 vol.
2. Ахмедов Б.А., 1965: Государство кочевых Узбеков, Наука, Москва.

3. Barthold V.V., 1956: History of Semirechye in Barthold V.V., Four studies on the History of Central Asia, translated from the Russian by V. and T. Minorsky, vol. I, Leiden, E.J. Brill. C. 73-165.
4. Bazin L., 1986: Les peuples turcophones en Eurasie: un cas majeur d'expansion ethnolinguistique, *Hérodote*, n°42, La Découverte, C. 75-107.
5. Бернштам А., 1949: Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шанья, Советская Археология, 1949, №1. С. 337-384.
6. Bregel Y., 1991: Turk-Mongol influences in Central Asia, in Canfield R.L. (ed.), *Turko-Persia in historical perspective*, School of American Research Advanced Seminar Series, Cambridge University Press.
7. Fourniau V., 1987: Quelques sources concernant l'histoire agraire des Ozbek à partir du XVIe siècle, *Turcica*, pp. 277-301.
8. Francfort H.P., éd., 1990: Nomades et sédentaires en Asie centrale. *Apports de l'archéologie et de l'ethnologie*, éditions du CNRS.
9. Kafesoplu I., 1984: *Harezmeahlar devleti tarihi* (485-618/1092-1221), *Tyrk Tarih Kurumu Basimevi*, Ankara.
10. Khazanov A., 1984: *Nomads and the Outside world*, Cambridge University Press.
11. Масанов Н.Э., 1995: Кочевая цивилизация казахов, Москва.
12. Минц А.А. (под ред.), 1969: Средняя Азия. Экономико-географическая характеристика и проблемы развития хозяйства, Москва.
13. McChesney R.D., 1991: *Waqt in Central Asia*, Princeton, Princeton University Press.
14. Мукминова Р.Г., 1954: К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI века, *Известия АН УзССР*, №1.
15. Мукминова Р.Г., 1966: К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI века по материалам Вакф-наме, Ташкент.
16. Мукминова Р.Г., 1981: Неисследованный документ по социально-экономической истории среднеазиатского города, Источниковедение и текстология. С. 152-160.
17. Пищулина К.А., 1977: Юго-восточный Казахстан в середине XIV-начале XVI веков, Алма-Ата.
18. Planhol X. de, 1968: *Les fondements géographiques de l'histoire de l'Islam*, Paris, Flammarion (Nouvelle Bibliothèque Scientifique).
19. Planhol X. de, 1979: Saturación et sécurité: sur l'organisation des sociétés de pasteurs nomades, in *Production pastorale et société*, Actes

- du colloque international sur le pastoralisme nomade, Paris, 1-3 décembre 1976, Cambridge University Press; Ed. de la Maison des Sciences de l'Homme. P. 29-42.
20. Planhol X. de, 1993: Les nations du prophète. Manuel géographique de politique musulmane, Paris, Fayard.
  21. Sanguinetti Dr B.-R., trad., 1853-1858: Ibn Batoutah al Magrabi, Voyages, texte accompagné d'une traduction par G. Defrémy; Paris, 4 vol.
  22. Sinor D., 1990: Introduction: the concept of Inner Asia, in Sinor D., The Cambridge History of Early Inner Asia. P. 1-18.
  23. Таныш Х./ Салахетдинова М.А.: 1983-1989: Шараф-нама ии шахи, Москва.

Хўжаев А.,
Ташкент

ҚАДИМИЙ ХИТОЙ МАНБАЛАРИДАГИ³⁴⁷ ТУРКИЙ ХАЛҚЛАРГА ОИД АЙРИМ ЭТНОНИМЛАР

Бизга Н.Я. Бичурин таржимаси орқали маълум бўлган манбаларнинг энг қадимиysi Сима Чян, унинг отаси ва укаси томонидан ёзилган "Ши жи" ("Тарихий хотиралар") уларгача битилган майда асарларга асосланган деб ҳисобланади. Аммо ушбу асар илгари ёзилган барча маълумотларни қамраб олган деб айтиш кийин. Буни сўнгти чорак аср ичida Хитой Халқ Республикаси (XXР) олимлари томонидан нашр этилган бир қатор йирик тарихий асарларда келтириладиган янги маълумотлардан билиб олишимиз мумкин. "Тужюэ ши" ("Турклар тарихи")³⁴⁸, "Чжунгтуо минзу ши" ("XXР халқлари тарихи")³⁴⁹, "Шиуюй тунгши" ("Фарбий мамлакатларнинг умумий тарихи")³⁵⁰, Динглинглар, қангқилар ва туролар³⁵¹ каби

³⁴⁷ Хитой манбаларида атамалар кириллицага асосланган ўзбек алифбосида берилиди. Зоро, кўп оҳанглар рус тилига кўра ўзбек тилида тўгрирок транскрипциялаштирилади.

³⁴⁸ Сие Зунчжэнг. Тужюэ ши (Турклар тарихи). – Пекин, 1992. – 808 бетдан иборат.

³⁴⁹ Ванг Чжунгхан. Чжунгто минзу ши (Хитой Халқ Республикаси халқлари тарихи). – Пекин, 1994. – Ҳажми 1054 бетдан иборат.

³⁵⁰ Юй Тайшан. Шиуюй тунгши "Фарбий мамлакатларнинг умумий тарихи". – Пекин, 1966.

³⁵¹ Дуан Лянчин. Динглинглар, қангқилар ва туролар. – 2 жилдли. – Урумчи, 1996. – 1 жилд. – 138-б. Асар хитойчадан уйғурчага (араб алифбосида) таржима килинган.

фундаментал асарлар шулар жумласидандир. Мазкур асарларда туркий халқлар тарихига оид маълумотларга катта ўрин ажратилган. Бир мақолада ушбу маълумотларнинг ҳаммаси ҳакида фикр юритиш қийин. Шу боис ушбу мақоламиизда хитой манбаларида учрайдиган туркий халқларнинг энг қадимий номлари ҳакида тўхтаб ўтиш лозим топилди. Зеро бу масалага аниқлик киритиш тарихимиз учун муҳим аҳамият касб этади.

Россия олимларининг асарларида турк (тюрк) атамаси илк бор қабила номи сифатида милодий VI асрнинг ўргасида пайдо бўлган, деб зикр этилиши ҳаммага маълум. Ушбу фикр рус адабиёти орқали ўзбек адабиётига ҳам кириб келган. Аммо хитой манбаларида учрайдиган туркий халқларга оид илк маълумотларга ва сўнгти йилларда Хитой олимлари томонидан амалга оширилган тадқиқотлар натижасига асосланганда, бу фикрни тўғри деб айтиш мумкин эмас.

Аввало айтиб ўтиш жоизки, хитой манбаларида ва адабиётида турк этноними ҳозирги замон хитой тилида "тужюэ" (*tujué*) деб ўқиладиган икки иероглиф билан ёзилади. Тијие иероглифлари илк бор "Чжоу шу"³⁵², "Бэй Чи шу"³⁵³ ва "Бэй ши"³⁵⁴ каби манбаларда илк бор учрайди. Суй (581-618) ва Танг (618-907) сулолалари ҳукмронлик килган даврлардаги хитойлар ушбу атамани "*t'uet kiuet*" деб талаффуз этишган.³⁵⁵ Бу эса журженлардан хитойларга ўтган "туркут" (турк-ут) атамасининг хитойча транскрипциясиидир. Ундаги "ут" мӯғул ва тунгус (дунгху) тилида кўпликни билдирувчи қўшимчадир.

"Чжоу шу" милодий 639 йили ёзиб битирилган бўлиб, у 557-581 йилларида мавжуд бўлган Бэй Чжоу (Шимолий Чжоу) хонлиги тарихига бағишланганлиги инобатга олинса, тијие иероглифлари билан ифодаланган атама хитой манбаларига кириб келиш вақти

³⁵² Чжоу шу (Чжоу сулоласи тарихи) 557-581 йилларда мавжуд бўлган Шимолий Чжоу хонлиги тарихига бағишланган бўлиб, у 639 Ху Дэфэн томонидан ёзиб битирилган. Асарнинг айrim жойлари йўқолганлиги туфайли, у кейинги даврларда бошқа манбалар асосида тўлдирилган.

³⁵³ Чи шу (Чи сулоласи тарихи) деб ҳам аталади. У 550-557 йилларда мавжуд бўлган Чи хонлиги тарихига бағишланган. Асар Ли Байяо (565-648) томонидан ёзилган бўлиб, у 50 бобдан иборат эди, ҳозир шундан 17 боби сақланиб қолган.

³⁵⁴ Бэй ши (Шимолий сулолалар тарихи) Танг сулоласи (618-907) даврида яшаган Ли Яншоу (туғилган ва ўлган йиллари номаълум) томонидан 643 йили ёзиб битирилган. Мазкур манба ўша давргача мавжуд бўлган асарларни жамлаш асосида битилган.

³⁵⁵ Чжунгтuo дабайкэ чюаншу. Чжунгтuo лиши (Хитой катта энциклопедияси. Хитой тарихи). – Пекин, 1997. – 729-б.

VI асрнинг ўртасига тўғри келади. Бу эса Ашина авлодларининг Олтойда турк номи билан қайтадан қабила бўлиб шаклланиб ва кучайиб тарихга кириб келган вақтидир. Аммо мазкур маълумотлар ундан олдин турклар бўлмаган деб айтишга асос бўла олмайди. Бинобарин, хитой манбаларида туркларнинг номини ифода этадиган бир қатор атамалар мавжуд бўлиб, улар тиеле (теле), чилэ, динглинг (динлин), дили, ди каби этномимлардир.

Хитой манбаларидаги маълумотларни атрофли тадқиқ эттанимизда ва Япония, Хитой олимларининг тадқиқотларини чукур ўрганганимизда маълум бўлдики, турк атамаси хитой манбаларига милоддан аввалги XX асрларда, яъни бундан 4 минг йил олдин кириб келган. Аммо хитойлар қадим замонларда мазкур атамани ҳар хил иероглифлар билан ёзишган. Ушбу иероглифларнинг ёзилиши ўзгармай сақланиб қолган бўлсада, уларнинг ўқилиши эса астасекин ўзгариб борган. Бу ўзгаришларни билдирувчи тадқиқотлар ва луғатлар юзага келмагунча туркларнинг номи атрофида содир бўлган ўзгаришларни англаб олиш қийин бўлган.

Милодий III-V асрларда битилган хитой манбаларида "теле", "чилэ" этномимлари учрайди. Телелар таркибида 40 дан ортиқ қабилалар³⁵⁶ бўлиб, улар шарқда Мўгулистан (Монголия) ва ҳозирги Хитойнинг Ганьсу ўлкасидағи Хэси коридоридан бошлаб, фарбда Кораденгиз кирғоқларигача бўлган улкан заминда тарқалиб яшаган. Бу ҳақдаги маълумотлар "Қадимги манбаларда халқимиз ўтмиши"³⁵⁷ номли рисоламизда айтиб ўтилган эди. Тиеле ва чилэ милодий II-V асрлар давомида ишлатилган атамалар эканлиги Япония ва Хитой олимлари тадқиқотларида ҳам зикр этилади.³⁵⁸

³⁵⁶ Путу (буғу, буку, буку), тунгло (тунгро), вэйхэ (уйғур, уйхўр), боегу (бойирку, бойиргу), фуло ёки фуфуло (бўркли), мэнчэн (мичин, мунчин, мчин), турухэ (турофур, турохўр), сиже ёки чиже (изгил), хун (хун), хосе (хогурсу, хўгурсу), чиби (чибни, чевик, жабирко, жабрико), боло (бўри, бўржи), жинице (жида, озий), супо (сиф, сиб), наха (нак, нок), уху ёки гухз (ўгуз), хэгу (киргиз), еде (иртиш), юйниху (унигур, урянгхай), шеянто (сиртордуш, сиртор-душ), дэлэр (длер, жарук), шибан ёки шипан (забандер, забиндер), дачи (тургеш), аде ёки оде (одиз), хәже (хозор, хазор), боху (булғор), бэйган (печенег, бачанег), жюйхай (тўғой, тўрғой, кўғой), хәбейси (абуси, кипчоқ, босмил), хасо ёки хэсую (бўртос), субо (свор, сбир), емо (емак, емок) кэдо (гот, гоч), сулу же (сароутур, саригур), сансуян (саксин, соқсин), мезу ёки метсзу (мокшос, мокшўс), саху (черкес), энчий (онгор, онфор), алан (олон, алан), бейру (бошқирд), жюлифи (кутригур, кутригур), вохун (оворхун, овор-хун), дубо (туво, тубо). Шулардан сиртордуш сир ва тордущ каби икки қабиладан иборат бўлган.

³⁵⁷ Хўжаев А., Хўжаев К. Қадимги манбаларда халқимиз ўтмуши. – Ташкент, 2001.

³⁵⁸ Ван Чжунгхан. Чжунгто минзу ши. – 317-6.

Теле атамасининг хитой манбаларида пайдо бўлишидан олдинги бир неча аср давомида туркий қабилалар Хун империяси фуқаролигида бўлганлиги туфайли улар умумий ҳолда "шюнгну" ёки ху (хун) деб аталган. Шу боис айни замонда битилган хитой манбаларида туркий халклар ху, шюнгну деб ҳам аталган. Ундан олдинги 2000 йилга яқин даврда хитойлар туркларни динглинг, дили, ди, туфанг, (гуйфанг, куйфанг) деб аташган. Булар ичida илк бор хитой битикларида пайдо бўлгани туфанг ва ди атамаси хисобланади. Булар милоддан аввалигى XXI-XVI асрларда хитойларга маълум бўлган. Куйфанг, гуйфанг ва туфанг сўзларига ишлатилган биринчи иероглифлар қадимда kiwei, kuei, иккинчиси piwang деб ўқилган.

Масалан хитой тарихчиси Дуан Лянчин энг қадими хитой битикларига ишора қилган ҳолда "Шия (м. авв. XXI-XVI асрлар) сулоласи асосан гарб ва гарбий-шимол томонларидаги туфанг, гуйфанг, куанг кабиларга қарши уруш кўзготти"³⁵⁹ "Шия (м.авв. XXI-XVI асрлар), Шанг (м.авв. XVI-XI асрлар) ва Чжоу (м.авв. XI-VII асрлар) ҳокимларидаги гуйфанглар динглингларнинг ўзи эди".³⁶⁰ "Гуйфанг халки Шия сулолисининг подшохи Вудингнинг урушфаразлик сиёсати туфайли узлуксиз хужумга учраганида, гуйфангларнинг бир қисми кўчиш фаолиятини бошлаган эди".³⁶¹

"Тсиюан" ("Сўзларнинг келиб чиқиши") номли изоҳли лугатда "Ди мамлакатимизнинг (қадими хитойнинг – А.Х.) шимолий ҳудудларида майда халкларнинг умумий номидир. Ди ти деб ҳам ўқилган" деб зикр этилган ва ди ти ўқилганлиги кўрсатилган.³⁶² Ҳудди шунга ўхшаган фикр кўп жилдли хитой иероглифлари лугатида ҳам баён этилади.³⁶³

Мазкур атамалар ва улар билан аталган халклар тарихига оид манбаларни чукур ўрганган йирик хитой тарихчиси Люй Симян "Илгари динлин ёки динглинглар деб номланганлар кейинчалик чиле, теле деб аталган. Ҳозир биз уларни умумлаштириб уйғур деб атаемиз, гарб мамлакатларида уларни турк деб аташади. Аслини олганда турк [қабиласи] ва уйғур [қабилалар иттифоки] динглинг-

³⁵⁹ Дуан Лянчин. Динглинглар, қангқилар ва туролар. – 1 жилд. – 124-б.

³⁶⁰ Ўша жойда. – 115 бет.

³⁶¹ Ўша жойда. – 137 бет.

³⁶² Тсиюан (Сўзларнинг келиб чиқиши). – 1-4 жилдли. – Пекин, 1982. – 3 жилд. – 1994-б.

³⁶³ Ҳанюй дазидян (Хитой иероглифлари катта лугати). 8 жилдли. Сичуан, 1987. 2 жилд, 1337.

лар таркибидагилардир... Чилэларни хитойликлар гавчэ (кангли) деб ҳам аташган. Мазкур номлар бир-бирига ўхшамаса ҳам, улар келиб чиқиши бир бўлғанларнинг турлича аталишидир. Буларнинг теле ва гавчэ деб аталиб қолишининг сабаби шу бўлғанки, кумликнинг³⁶⁴ жанубида яшаб Вэй хонадонига (милодий 220-260) итоат қилганлар гавчэ, кумликнинг шимолида яшаб журженлар итоатида бўлғанлар теле деб аталган".³⁶⁵

Қадимги замонда ишлатилган иероглиф ва атамаларга бағишлиланган луғатларда, ҳамда "Зуо"³⁶⁶ чжуан" ("Зуо тафсилоти") номли хотирада "Мўғул даласи билан Жанубий Сибирияда динглинглар яшаган эди, Шэнси вилоятининг шимолий ва жанубий қисмида, Тайхангшан тоғлари атрофида дилар бор эди. Уларнинг ҳаммаси Шанг (м.авв. XVI-XI асрлар) ва Чжоу ҳокимлиги (м. авв. XI аср – 771 йиллар) давридаги гуйфандларнинг кейинги авлодлари эди"³⁶⁷ деб зикр этилган маълумотлар мавжуд.

Сие Зунгчжэнг раҳбарлигидаги бир гурӯҳ хитой олимлари томонидан нашр этилган "Чжунгтуо Шинжянг гудай шэхуэй шэнгхуо ши" ("XXР Шинжянгнинг қадимги жамияти ва ҳёти") номли йирик асарда "Гавчэ гавчэ-динглинг атамасининг қисқартирилган шакли бўлиб, у ўзга ҳалқлар томонидан қўйилган номдир. Гавчэлар ўзларини бундай деб атамас эди, аммо динглинг теленинг қадимги талаффузи ҳисобланади" деб ёзилган.³⁶⁸

Динглингларга оид қадими ёзма манбалар ичида нисбатан тўларок маълумот берадиган асар "Шанхай жинг"³⁶⁹ ("Тоғ ва дарёлар қиссаси" ҳисобланади. Ушбу асарда нафақат динглинглар кимлар эканлигини, балки уларнинг давлат тузуми бўлғанигини кўрсатадиган маълумотлар учрайди. Унда "Динглинг давлати", "Гуйфанг давлати" каби сўзларнинг борлиги фикримизга далил бўла олади.³⁷⁰

³⁶⁴ Жанубий мўгулистандаги чўл кўзда тутилган.

³⁶⁵ Люй Симян. Чжунгтуо минзу ши (ХХР ҳалқлари тарихи). – Шанхай, 1087. – 87-б.

³⁶⁶ Тўла исми Зуо Чюнминг, шу боис айрим тадқикотчилар асар номини Зуо Чюнминг тафсилоти ёки маълумоти деб таржима килишади.

³⁶⁷ Дуан Лянчин. Динглинглар, қангқилар ва туролар. – 1 жилд. – 138-б.

³⁶⁸ Чжунгтуо Шинжянг гудай шэхуэй шэнгхуо ши (ХХР Шинжянгнинг қадимги жамияти ва ҳёти). – Урумчи, 1997. – 164-б.

³⁶⁹ Асарнинг ёзилган вақти ва муаллифи маълум эмас. Аксарият олимлар уни миљоддан аввалги V-III асрларда битилган деб ҳисоблайдилар.

³⁷⁰ Люй Симян. Чжунгтуо минзу ши. – 22-б.

Хитойнинг тарихий энциклопедиясида "Динглинг қадимий халқ номи" қўмликнинг шимолида қолган динглинглар Жин тарихида (Жин шу)³⁷¹ чилэ, Суй тарихида (Суй шу) теле деб аталган³⁷² деб кўрсатилади.

Бизга маълум бўлган рус ва ўзбек тилларидағи тадқиқотларда динглинг, дили, ди каби атамалар кўп ишлатилади. Аммо буларнинг ҳаммаси бир ҳалқнинг номи ва бир атаманинг ҳар хил даврдаги турли транскрипцияси эканлиги айтилмайди. Бу ҳол атамаларни ёзишда ишлатилган иероглифларнинг қадимги ўқилиши эътибордан четда қолганлиги туфайли юзага келгандир. Шундан келиб чикиб, ушбу атамалар ифодаланган иероглифларнинг қадимги ўқилишига эътибор бериб кўрилди. Натижада маълум бўлдики, биринчидан ди иероглифлари ти деб ҳам ўқилган, иккинчидан ди атамасини ёзиш учун икки хил иероглиф ишлатилган.

Мазкур иероглифларнинг ҳайвон ва олов белгилари билан ёзиладигани шубҳа, хйла, нопоклик, олис, ёввойи маъносини англатади. Қуш пати белгиси билан ёзиладиган иккинчи иероглиф узун думли балиқ, ёввойи каби маъноларни англатади. Кўриниб турибдики, иероглифлар маъносидан келиб чиқиб ди этнонимнинг этиологияси ҳақида хукм чиқариб бўлмайди. Аммо уларнинг қадимги ўқилиши бу масалага ёриклик киритади.

Қадимда ҳайвон ва олов белгилари билан ёзилган ди иероглифи "диек" (diek), "тиек" (tiek), қуш белгиси билан ёзиладиган иккинчи ди иероглифи "диаук" (diauk), тиаук (tiauk) деб ўқилган. Қолаверса хитой тилида к, ф, ундош р товуши йўқ ва буларни билдирувчи иероглифлар ҳам мавжуд эмас. Шу боис хитойлар ўзгалардан қабул қилинган атамалардаги "р" ни тушириб қолдиришга ёки уни лэ, ла, ли деб талаффуз этишга мажбур бўлган. Ундан ташқари, бунда 3-4 минг йил муқаддам хитойлар тошга ва суюкларга иероглифлар биттар экан, уларнинг сони кам, мазмуни кенг бўлиши битикчилар учун муҳим аҳамият касб этганигини тасаввур килиш кийин эмас.

Қадим замонда тиек, диек, тиаук, диаук деб ўқилган иероглифларнинг борлиги хитойлар учун турк сўзини битта иероглиф билан ифодалашга кўл келган. "Р"ни айта олмайдиган кичик боланинг ёки тили чучук одамнинг турк сўзини "туйик" деб талаффуз этишини кўз олдимизга келтирсан, "р" ундош товушини талаффуз

³⁷¹ Милодий 265-316 ва 317-420 йиллари мавжуд бўлган Шижин (арбий Жин) ва Дунгжин (Шаркий Жин) хонликлари тарихи бўлиб, у 644-646 йиллари битилган.

³⁷² Тсихай. – 10-б.

кила олмайдиган хитойлар турк сўзини айнан шундай талаффуз этганлигига ишонч ҳосил қиласиз.

Демак бундан 3,5-4 минг йил муқаддам хитой битикларига кириб келган ди иероглифлари турк атамасининг энг қадими хитойча транскрипцияси. Шундай экан, дили, динглинг ди сўзига қайси дараҷада алоқадор, деган масалага эътибор бермай бўлмайди. Бинобарин, бу масала устида чуқур тадқиқот ўтказган хитой олимни Дуан Лянчиннинг холосаларига эътибор бериш лозим.

"Хан (Шарқий Хан – милодий 25-220), Вэй (милодий 220-265), замонасидаги динглинглар, 16 ҳонлик (милодий 17-420) ва Шимолий сулолалар (милодий 386-534) давридаги қангиллар (гавчэ), Суй (581-618), Танг (618-907) сулолалари давридаги теленинг ҳаммаси бир халқнинг ҳар хил тарихий даврдаги номларидир....Хан, Вэй давридаги динглинглар ҳунларнинг ва қангитларнинг (гавчэ) шимолий томонида, яъни ҳозирги жанубий Сибириядан шаркда Байкал кўлигача, гарбда Балқош кўлигача бўлган жойларда ўтроклашган. ... Шанг (м. авв. XVI-XI асрлар), Чжоу (XI аср – м. авв. 771) ҳокимларлари замонасидаги динглинглар (дилар ёки гүйфонглар, совет олимлари томонидан динглинг деб таржима килинган туроларнинг бир кисми эди...",³⁷³ деб ёзади олим.

Япония олимлари ҳам хитой манбаларидаги теле каби атамалар "турк" сўзининг ҳар хил даврлардаги хитойча талаффузидир",³⁷⁴ деб ҳисоблайдилар. Масалан, Япония олими Матсуда Хисов хитой манбаларидаги тужюэ ва теле этномимларига оид маълумотларни киёсий таҳлил қилиб шундай ёзади: "теле ниҳоятда катта бўлган заминда яшаган ва ҳаракат қилган бир тоифадаги халқларнинг умумий номидир, гавчэни (канлилар, баланд араваликлар – А.Х.) унинг синоними деб ҳисоблаб бўлмайди, гавчэ теленинг бир кисмидир". Тўлўс (Toloc) тужюэларнинг шаркий томонидаги бир кичик қабиланинг номидир. Хатакё теле турк атамасининг транскрипцияси эканлигини исботлаб берган эди. Унинг бу холосаси бекиёс катта аҳамиятга эгадир".³⁷⁵

Динглинг ва теле турк сўзининг ҳар хил тарихий даврдаги хитойча талаффузи эканлигини Сие Зунгчжэнг қаламига мансуб "Тужюэ ши"да қайд этилади. Масалан у ўз асарида "Гавчэлар гавчэ

³⁷³ Дуан Лянчин. Динглинглар, қангиллар ва туролар. – 1 жилд. – 1-6.

³⁷⁴ Хўжаев А, Хўжаев К. Қадимги манбаларда халқимиз ўтмиши. – 11-15-6.

³⁷⁵ Матсуда Хисов. Гудай. Тяншан лиши дилишюэ янжу (Қадими тангритонгнинг тарихий жуғрофиясига оид тадқиқот). – Пекин, 1987. – 271-6. Асар япончадан хитой тилига таржима килинган.

дир. Уларни бошқа халқлар деб хисоблаб бўлмайди. Хитойлар қадимда туркларни умумий ҳолда рунг деб ҳам аташган. Ушбу атама туркларга хитойлар томонидан кўйилган номдир. Уни турк сўзининг транскрипцияси эмас, балки синонимлари деб айтиш мумкин.

Турклар таркибидаги турк деб номланган бир қабила номидан келиб чиқиб қадими туркларнинг келиб чиқиш тарихига ёндошиш ва хукм чиқариш ҳақиқатдан узоклашишга олиб келади.

Юсупова Д.Ю.,
Ташкент

"МА'АСИР АЛ-МУЛУК" ХОНДАМИРА – ИСТОЧНИК О ДЕЯНИЯХ ГОСУДАРЕЙ ЭПОХИ ТЕМУРА И ТЕМУРИДОВ

"Ма'асир ал-мулук"³⁸⁰ ("Доблестные действия государей"), являясь одним из ранних сочинений творчества гератского историка Хондамира (879/1474-941/1534-35 гг.), написан, как отмечено им в предисловии к нему, по просьбе Алишера Навои и как бы в знак благодарности посвящен ему.³⁸¹ Судя по тому, что там же упоминается, что когда Хондамиром был написан труд, дед его – Мирхонд (ум. в 903/1497-98 г.) был еще жив,³⁸² а в самом труде 901/1495-96 г. назван как год повествования,³⁸³ стало быть, "Ма'асир ал-мулук" написан до 904/1498-99 г.³⁸⁴ Подтверждением этому может служить тот

³⁸⁰ Именно так труд назван у самого автора: Хондамир. Ма'асир ал-мулук. – Рукопись Британского музея. -Инв. № 3643. – Л. 4а; Его же. Макарим ал-ахлак. – Кембридж, 1979. – С. 142; 1981. – С. 49; Его же. Хабиб ас-сийар. – Тегеран. 1954. – С. 4.

³⁸¹ Хондамир. Ма'асир ал-мулук. – Рук. Британского музея. – Л. 3б.

³⁸² Там же. Л. 4а. Об этом же еще см. Хидайят Хусейн. Предисловие (Канун-и Хумайуни. Калькутта. 1940. С.XVIII); Ч.А. Стори. Персидская литература. / Био-библиографический обзор. / Пер. с английского, переработал и дополнил Ю.Э. Брегель. – М., 1972. – Ч. 1-3. Здесь: Ч. 1. – С. 380; Абдалгаффар Байани. Мукаддима (Хондамир. Макарим ал-ахлак. Кабульское издание). – С. 7.

³⁸³ Хондамир. Ма'асир ал-мулук. – Тегеран. 1994. – С. 166.

³⁸⁴ Стори (Персидская литература. – Ч. 1. – С. 380), Джалал ад-Дин Хумайни (Мукаддима к "Хабиб ас-сийар". – Тег. изд. – С.8.), Абдалхусейн Наваи (Риджал Китаби Хабиб ас-сийар. – Тегеран, 1945-1946. – С.) и Т. Ганджи (Khwandamir. Makarim al-akhlaq, fac.ed. T. Gandjei. – Cambridge. 1878. – P. IX) датируют написание труда до 903/1497-98 г., а Гуя Итимади (Фасли аз Хуласат ал-ахбар Хондамир ба ихтиимам-и Сарвар Гупа Итимади. – Кабул, 1965. – С. 3), Б.Ахмедов (в брошюре "Хондамир". – Т., 1965. – С. 13 и в статье "Хондамир" // Гулистан. – 1976. – № 6. – С. 26) и А. Мунзави (Фихристхан пусхахай хатти фарси, джилд-и доввум. Нигаранда Ахмад Мунзави. – Тегеран. 1970. – С. 1657) – 906/1500 г.

факт, что в написанном более позже труде "Макарим ал-ахлак" ("Книга благородных качеств") сам Хондамир упоминает об этом труде как о завершенном.³⁸⁵

"Ма'асир ал-мулук" был мало распространен на Востоке. Он дошел до нас в четырех списках.³⁸⁶

Труд Хондамира пользовался определенной известностью и среди историографов. Так, Хаджи Мир Мухаммад Салих в "Силсилат ас-салатин" ("Генеалогия государей"), составленной в 1143/1730-31 г., при написании двух первых разделов широко использовал этот труд.³⁸⁷

В европейской литературе о "Ма'асир ал-мулук" стало известно в середине прошлого столетия, когда известный ученый-востоковед Хаджи Халифа упомянул о существовании этого сочинения, хранящегося в библиотеке Британского музея,³⁸⁸ в 1895 г., а в 1933 г. в "Фихрист-и китабхана-ийи маджлис туран милли" Йусуф Итисами³⁸⁹ и известный востоковед Ч. Рьё дали краткую аннотацию по этому же списку.

О существовании "Ма'асир ал-мулук" упоминают следующие: в 1940 г. индийский ученый-востоковед Хидайят Хусейн в предисловии к Калькуттскому изданию "Хумайун-наме",³⁹⁰ афганский ученый Гуя Итимади в своей работе "Фасли аз "Хуласат ал-ахбар" при первом ее издании в 1944 и втором в 1965 г.,³⁹¹ в 1954 г. в предисловии к тегеранскому изданию "Хабиб ас-сийар" иранский ученый Джалах ад-Дин Хумайи среди перечисленных им трудов Хондамира со ссылкой на дебача (предисловие) Хондамира³⁹²; в 1962 г.

³⁸⁵ Хондамир. Макарим ал-ахлак. – Кембридж. изд. – С. 142.

³⁸⁶ Б. Ахмедов отмечает, что труд пока еще не найден (Хондамир. – Брошюра. – С. 13; Он же. Хондамир. Статья).

³⁸⁷ Хаджи Мир Мухаммад Салих. Силсилат ас-салатин. – Рук. Бодлеанской библиотеки. – И nv. № 269. – Л. 6-б

³⁸⁸ Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum Mustafa ben Abdallah Katib jebeli dicto et nomine Haji Khalfa celebrato compositum Qustavus Fluegel. – T. IV. – Leipzig. – London, 1850. – С. M.DCCCX.

³⁸⁹ Фихрист-и китабхана-ийи маджлис-и шурави милли, таълиф Йусуф Итисами. Т. IIю – Тегеран. 1933. – С. 370-371. – № 619 (1).

³⁹⁰ Хидайят Хусейн. Предисловие. – С. XVIII-XIX.

³⁹¹ Гуя Итимади. Фасли аз Хуласат ал-ахбар. – 1944. – С. 2; 1965. – С. 3.

³⁹² Джалах ад-Дин Хумайи. Мукаддима. С. 9. Со ссылкой на эти же сведения Джалах ад-Дина Хумайи о существовании труда упомянуто, как указано выше, и у Ю.Э. Брегеля (Стори. Персидская литература. – Ч. I. – С. 380).

А.Т. Тагирджанов, в свою очередь, со ссылкой на сообщение Джалал ад-Дина Хумайи³⁹³; в начале 1960-х годов Са'ид Нафиси в "Тарих-и назм ва наср дар Иран ва дар забан-и фарси"³⁹⁴; в 1965 г. Б.А. Ахмедов в брошюре "Хондамир" и в 1976 г. в статье "Хондамир", а затем, в 1985 г. в книге "Навоий замондошлари хотирасида"³⁹⁵, в 1984 г. иранский ученый Забихаллах Сафа в "Адабийат дар Иран"³⁹⁶.

Краткие сведения о "Ма'асир ал-мулук" приводят: в 1945-46 гг. иранские ученые Абдал Хусейн Наваи в предисловии к работе "Риджал-и китаби "Хабиб ас-сийар" ([Замечательные] люди в книге "Хабиб ас-сийар")³⁹⁷ и А. Мунзави в сводном каталоге персидских рукописей, ссылаясь на научное описание списка, хранящегося в Иране, приведенное в сводном каталоге "аз-Зари'a ила тасанифашши" и у упомянутого выше Джалал ад-Дина Хумайи³⁹⁸; в 1979 г. Т. Ганджи в предисловии к изданию "Макарим ал-ахлак"³⁹⁹.

Краткое содержание "Ма'асир ал-мулук" приводится: в 1940 г. Хидайат Хусейном в предисловии к калькуттскому изданию "Хумайун-наме"⁴⁰⁰; в 1969 г. в упомянутом каталоге "аз-Зари'a" со ссылками на каталоги, где имеются аннотации к его спискам⁴⁰¹; в 1981 г. афганский ученый Абдалгаффар Байани в предисловии к изданию "Макарим ал-ахлак" с научным описанием экземпляра, хранящегося в библиотеке Британского Музея⁴⁰² и называет его ошибочно единственным списком⁴⁰³.

В 1994 г. иранский ученый Мир Хашим мухаддис по двум спискам "Ма'асир ал-мулук", хранящимся в национальной библиотеке

³⁹³ Тагирджанов А.Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ. – Т. I. – Л.: Изд. ЛГУ, 1962. – С. 57, № 30.

³⁹⁴ Тарих-и назм ва наср дар Иран ва дар забан-и фарси аз Са'ид Нафиси. – Т. I. – Тегеран. – С. 241.

³⁹⁵ Ахмедов Б. Хондамир (брошюра). – С. 13; Он же. Хондамир (статья); Навоий замондошлари хотирасида. Тузувчи Б.Ахмедов. – Т., 1986. – С. 195.

³⁹⁶ Тарих-и адабийат дар Иран аз Забихаллах Сафа. Техран. – Т. IV. – 1985. – С. 543.

³⁹⁷ Абдалхусейн Наваи. Риджал.

³⁹⁸ Мунзави. – Т. II. – С. 195.

³⁹⁹ Gandjei. Introduction (см.: Khwandamir. Makarim al-akhlaq. Cambridge). С. IX.

⁴⁰⁰ Хидайат Хусейн. Пред словие. – С. XVIII-XIX.

⁴⁰¹ Аз-Зари'a или тасаниф аш-ши'a, та'лиф ал-улама Шейх Ака Бузург ат-Техрани. – Т. IX. – 1965. – С. 7, № 24.

⁴⁰² Абдалгаффар Байани. Мукааддима. – С. 7.

⁴⁰³ О других списках см. ниже.

Мажлис в Иране (инв. №№ 619, 3441)⁴⁰⁴ издал критический текст этого труда⁴⁰⁵, приложив к нему критический текст хатимы "Хуласат ал-ахбар" Хондамира⁴⁰⁶ и калькуттское издание его же труда "Канун-и Хумайуни"⁴⁰⁷. К изданию предпослано введение, в котором приводятся краткие сведения о трудах Хондамира⁴⁰⁸.

Как видно из вышеизложенного, труд этот совершенно не изучен, кроме передачи его краткого содержания и простого упоминания о его существовании в исторической литературе, о нем почти ничего не известно. Объясняется это тем, что "Ma'асир ал-мулук" до настоящего времени оставался недоступным и по этой причине материалы из этого сочинения совсем не использовались исследователями, работающими в области истории Центральной Азии.

Относительно содержания данного труда Хондамир в самом сочинении отмечает, что он, так же, как и его дед Мирхонд в "Раузат ас-сафа" ("Сад чистоты"), начал повествование от Адама (с. 46).⁴⁰⁹

Сочинение представляет собой рассказы об установлениях, благотворительных делах и мудрых изречениях царей и древних мудрецов, расположенных в исторический последовательности, состоит из семи упоминаний (зикр).

Первое упоминание от Кайумарса до Хусрав Парвиза (с. 21-45).

Второе – от Адама до Бузурджмихр Хакима (с. 46-60).

Третье – от Амир ал-му'минин Али ибн Аби Талиба до Абулкасим Мухаммад ибн Хасана ал-Аскари (с. 63-78).

Четвертое – от Му'авина ибн Али Суфийана до Марван Хумара (с. 79-89).

Пятое – об Абу Муслиме Марвази (с. 89-90).

Шестое – от Абулаббас Саффаха до ал-Му'тасима (91-107).

В седьмом упоминании следуют истории халифов из династии Тахиридов (109), Саффаридов (с. 109-111), Саманидов (с. 111-113), Газне-

⁴⁰⁴ Об этих же списках упомянуто А.Мунзави (Т. II. – С. 195).

⁴⁰⁵ Хондамир. Ma'асир ал-мулук ба замима-ий хатима-ий Хуласат ал-ахбар ва Канун-и Хумайуни. – Тегеран. 1944. – С. 17-180.

⁴⁰⁶ Там же. С. 181-246.

⁴⁰⁷ Хондамир. Ma'асир ал-мулук ба замима-ий хатима-ий Хуласат ал-ахбар ва Канун-и Хумайуни. – Тегеран. 1944. С. 247-307.

⁴⁰⁸ Там же. С. 11-16.

⁴⁰⁹ Здесь и ниже указанные в круглых скобках цифры означают страницы упомянутого выше тегеранского издания "Ma'асир ал-мулук".

видов (с. 113-115), Дейлемитов (с. 116-120), Исмаилитов (с. 120-123), правителей Мисра (ал-Айубиды) (с. 124-127), Сельджукидов (с. 127-130), Хорезмшахов (с. 130-132), Атабеков (с. 133-135), Каракитаев (с. 136-137), Музafferидов (с. 138-141), Гуридов (с. 141-142), Куртов (с. 143-145), тюркских хаканов (с. 146-152), потомков Чингиз-хана (с. 153-162), Темура и Темуридов, кончая временем правления Бади' аз-Замана (с. 163-179).⁴¹⁰

"Ма'асир ал-мулук" представляет собой труд по всеобщей истории и, естественно, Хондамир для освещения событий, произошедших не в его бытность, как он сам отмечает, широко использовал ряд сочинений известных историков: "Тарих-и Вассаф" ("История Вассафа") Шихаб ад-Дин ибн Фазлаллаха Ширази (род. примерно в 663/1264 г.)⁴¹¹ (с. 156); "Джами' ат-таварих" ("Сборник летописей") Рашид ад-Дин Фазлаллах ибн Имад ад-Даула Абу-л-хайр ал-Хамадани (род. в 645/1247 г., казнен в 718/1318 г.)⁴¹² (с. 158); "Тарих-и Банакати" ("История Банакати") Абу Сулейман Фахр ад-Дин Али ибн Аду-л-Фазл ибн Мухаммада ал-Банакати (ум. в 730/1329-30 г.)⁴¹³ (с. 23); "Тарих-и гузида" ("Избранная летопись") Хамдаллах ибн Абу Бакр ибн Ахмад ибн Наср Муставфи Казвии (род. в 679/1280, ум. в 750/1349-50 г.)⁴¹⁴ (с. 23-24, 26, 37, 39, 41, 56, 98, 106, 117); "Тарих-и Хафиз-и Абру" ("История Хафиз-и Абру") – (ум. в 1430 г.)⁴¹⁵ (с. 94); "Тарих-и Херат" ("История Герата") Му'ин ад-Дин Мухаммада Исфи-

⁴¹⁰ Ю.Э. Брегель, по-видимому, ориентируясь на список из библиотеки Британского музея, отмечает, что сочинение доведено до времени Султан Хусейна (Стори. Персидская литература. – Ч. 3. – С. 1398).

⁴¹¹ Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. – Т., 1952. – Т. I. – № 261; Собрание восточных рукописей Академии наук Республики Узбекистан. – История./Сост. Д.Ю. Юсупова, Р.П. Джалилова. – Т., 1998. – №№ 663, 664.

⁴¹² Рашид ад-Дин Фазлаллах Хамадани. Сборник летописей. – Т. I. – М. – Л., 1952; Т. II. – М. – Л., 1960.

⁴¹³ Банакати. Раузат аввали ал-албаб фи ма'рифа ат-таварих ва-л-ансаб ба кушини доктор Джашар Ши'ар. – Тегеран. 1348.

⁴¹⁴ Хамдаллах Муставфи Казвии. Тарих-и гузида. Рук. ИВ АН РУз. Инв. № 7. Текст и сокращенный английский перевод этого сочинения издан Е.К. Брауном в 1910 г.; в 1960 г. Абдалхусейн Наваи издал текст этого труда; перевод на русский язык некоторых отрывков из этого труда выполнен В.Г. Тизенгаузеном.

⁴¹⁵ Хафиз-и Абру. Тарих-и Хафиз-и Абру (часть "Зубдат ат-таварих"). – Рук. ИВ АН РУз. – Инв. № 4078.

зари (род. ок. 850/1446-47 г.)⁴¹⁶ (с. 144); "Тарих-и Джаддати" ("История Джаддати")⁴¹⁷ – (с. 22, 31, 35, 37); "Раузат ас-сафа" Мирхонда (с. 121); "Низам ат-таварих" ("Истории порядков") (с. 28); "Тарих-и Йа'фи" ("История Йа'фи") (с. 125) и другие.

В настоящее время по каталогам восточных рукописей нам известно, как отмечено выше, о четырех списках "Ма'асир ал-мулук", хранящихся в различных библиотеках мира: список библиотеки Британского Музея (дефектный: нет конца, обрывается на событиях, связанных с Малик Фахр ад-Дин Мухаммад Куртом (684/1285-86 – 706/1306-07 гг.), переписан в XIX в.⁴¹⁸, три списка хранятся в Иране: два из них – в Национальной библиотеке, причем один дефектный (в конце не хватает текста двух листов (59б и 60а)), судя по тексту другого списка из этой же библиотеки⁴¹⁹, обрывается на биографии Джалал ад-Дин Касима Фаранхуди, переписан в 931/1524-25 г. почерком насталик; другой – полный, переписан тем же почерком в XIX в.⁴²⁰; третий является собственностью Сайидида Джаддати Ал-и Бахр-ил-улум⁴²¹.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно отметить, что труд Хондамира по всеобщей истории "Ма'асир ал-мулук" особенно ценен в его последней части, т.е. в освещении деяний государей эпохи Темура и Темуридов, ибо Хондамир жил и творил именно в эту эпоху. Введение в научное пользования этого источника позволит специалистам более глубоко осветить деятельность правителей той эпохи.

⁴¹⁶ Исфази. Раузат ал-джаннат фи афсиф мадинат Херат ба таских ва хаваши ва та'ликат Сайид Мухаммад Казим Имам. – Ч. 1. – Тегеран. 1338; Ч. 2. – 1339.

⁴¹⁷ Как предполагает Ирадж Афшар, речь идет о "Тарих-и кабир" ("Большая история") Сайидида Джаддати, написанной, по-видимому, между 851/1447-855/1452 гг. (см.: Стори. Персидская литература. – Ч. 1. – С. 349; В.В. Бартольд. Новый источник по истории Тимуридов. – Соч. – Т. VIII. – М., 1973. – С. 7).

⁴¹⁸ Naji Khalfa. T.IV. C.M.D.CCCA; Charles Rieu. Supplement to the catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. – London, 1895. – С. 18в-19а. – № 29.

⁴¹⁹ Маджлис. – Т. II. – С. 370-371. № 619 (1).

⁴²⁰ Маджлис. – Т. X. – Ч. 3. – Тегеран. 1969. – С. 1300, № 3441.

⁴²¹ Аз-Зари'a. – Т. IX. – С. 7. № 24; Стори. Персидская литература. – Ч. 3. – С. 1398.

Сдано в набор 09.07.2002. Формат А5.
Усл. п. л. 11,8. Уч.-изд. л. 7,3. Тираж 100 экз. Заказ №37.

Отпечатано в минитипографии УД АН РУ:
700047. г. Ташкент, ул. Акад. Я. Гуламова, 70.